МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Апальков Дмитрий Игоревич

Внутрипартийная борьба в РКП(б) — ВКП(б) (1920-е — начало 1930-х гг.)

Специальность 07.00.02 — Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор О.В. Хлевнюк

Москва – 2017

Оглавление

Введение 3
Глава 1. Коллективное руководство и столкновения в Политбюро в 1922—1927 гг. 23
1.1. Коллективное руководство большевистской партии как модель власти 23
1.2. Политбюро и Троцкий: «чужой» среди «своих» (1922—1924 гг.) 34
1.3. Разгром левых оппозиций и механизмы коллективного руководства в 1925—1927 гг. 70
Глава 2. Завершающий этап внутрипартийной борьбы и предпосылки изменения характера власти (1928—1932 гг.) 117
2.1. Коллективное руководство в условиях кризиса нэпа конца 1920-х гг. 117
2.2. Объединенные заседания Политбюро и Президиума ЦКК 30 января и 9 февраля 1929 г. как фактор формирования сталинского большинства ... 146
2.3. Начальный этап утверждения сталинской диктатуры и остатки коллективного руководства (начало 1930-х гг.) 169
Заключение 187
Список использованных источников и литературы 193

Введение

Актуальность исследования. В ходе политической борьбы в большевистском руководстве в 1920-е — начале 1930-х гг. определялся вектор партийно-государственного развития, предопределивший судьбу советской политической системы и социально-экономического уклада в СССР на несколько десятилетий. Этим обусловлен значительный интерес к этой проблематике, как в научной историографии, так и в широком общественном дискурсе. Активно исследуются и обсуждаются события, связанные с утверждением И.В. Сталина у власти, предположения о возможных вариантах развития страны и наличии несталинской альтернативы. В общественном сознании такие проблемы актуализируются в связи с продолжающимися дискуссиями о современных тенденциях политического развитии России, его перспективах и целесообразности использования советского опыта. Обращение к данной тематике в научной историографии является не просто ответом на возросший общественный интерес, но и важной исследовательской задачей, связанной со значительным расширением источниковой базы, открытием новых фондов архивов КПСС, что позволяет обращаться к малоизученным аспектам внутрипартийной борьбы 1920-х — начала 1930-х гг. и исследовать это явление как комплексную проблему.

Степень разработанности проблемы исследования. Советская историография внутрипартийной борьбы зародилась в конце 1920-х — начале 1930-х гг. как официальная историография победившей сталинской фракции. Характерные черты начального этапа сталинской историографии в полной мере отражает работа М.Г. Гайсинского «Борьба с уклонами от генеральной линии партии». Автор представляет внутрипартийную борьбу в 1920-е гг. как процесс «героической борьбы» партии «за свою генеральную линию» против уклонов, сложившихся под влиянием «мелкобуржуазной стихии»[1].

[1] Гайсинский М.Г. Борьба с уклонами от генеральной линии партии. М—Л., 1930. С. 3—4.

Ключевое значение для формирования в начале 1930-х гг. в советской историографии единого стандарта описания внутрипартийной борьбы имело письмо Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма», напечатанное в октябре 1931 г. журналах «Большевик» и «Пролетарская революция»[2]. Значительным событием для партийных историков сталинского периода стал выход в 1938 г. «Краткого курса истории ВКП(б)». В нем Сталин был представлен как «самый стойкий защитник ленинизма и единства партии» в борьбе против «троцкистов», «зиновьевцев» и «бухаринцев», являвшихся «агентами буржуазии и кулачества». Методы борьбы «троцкистско-зиновьевского блока» однозначно оценивались как «двурушничество по отношению к партии и подлая демагогия (обман) по отношению к массам»[3].

Наступившая после XX съезда партии «оттепель» затронула также историческую науку. Однако, несмотря на отказ от наиболее одиозных положений «Краткого курса», в историко-партийной литературе в целом сохранялась прежняя концепция внутрипартийной борьбы[4]. С.В. Девятов по этому поводу пишет: «Правящая страной властная партийная группировка, многие члены которой принимали активное участие во внутрипартийной борьбе на стороне Сталина, была кровно заинтересована в недопущении всестороннего и объективного анализа»[5].

Сталинская историографическая традиция в изучении внутрипартийной борьбы была продолжена в 1960-е — начале 1980-х гг. Типичным для советской историографии этого периода является коллективный труд «Борьба Коммунистической партии с антиленинскими группами и течениями в послеоктябрьский период». Идеологическая направленность данной работы отражена уже в самом ее названии. Внутрипартийная борьба рассматривалась как проявление классовой борьбы, противостояние марксизма-ленинизма и

---

[2] Каширин С.В. Марксистская историческая наука в условиях внутрипартийной борьбы с правой оппозицией (1928—1934 гг.): дис. … канд. ист. наук. М., 2004. С. 99—101.

[3] История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938. С. 228, 236.

[4] Маслов Н.Н. «Краткий курс истории ВКП(б)» — энциклопедия и идеология сталинизма и постсталинизма: 1938—1988 гг. // Советская историография. М., 1996. С. 265—266.

[5] Девятов С.В. История изучения и осмысления процесса зарождения и становления единовластия в Советской России // Историография сталинизма. М., 2007. С. 63—64.

буржуазной идеологии. При этом совершенно безосновательно утверждалось, что цель оппозиционеров во внутрипартийной борьбе заключалась в «ликвидации ленинской партии» и организации вместо нее «троцкистской партии капиталистической реставрации»[6]. В целом, историография внутрипартийной борьбы хрущевского и брежневского периодов была дополнена подробностями из некоторых архивных документов, однако выводы авторов, как правило, целиком совпадали с разоблачительными формулировками сталинской историографии[7].

Исследование внутрипартийной борьбы 1920-х — начала 1930-х гг. в западной историографии второй половины XX в. происходило в контексте преодоления упрощающих подходов тоталитарной парадигмы, в которой советский политический процесс рассматривался как движение к сталинской диктатуре, предопределенное ленинской революцией[8]. Ряд авторов, отвергавших тоталитарные концепции, считали тем не менее, что победа Сталина во внутрипартийной борьбе была отражением объективных потребностей развития советского социализма и модернизации страны[9]. Широкое распространение получила точка зрения британского исследователя А. Ноува, считавшего, что становление сталинизма являлось закономерным процессом постольку, поскольку до 1934 г. политика Сталина, находившаяся «в рамках ло-

---

[6] Титов А.Г., Смирнов А.М., Шалагин К.Д. Борьба Коммунистической партии с антиленинскими группами и течениями в послеоктябрьский период (1917—1934 гг.). М., 1974. С. 30, 230.

[7] См., напр.: Тетюшев В.И. Борьба партии за генеральную линию против правого уклона в ВКП(б) в период между XV и XVI съездами // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1961. № 3. С. 3—25; Рыженко Ф.Д., Угрюмов А.Л. Ленинская партия в борьбе с троцкизмом (1903—1927 гг.). М., 1969; Ваганов Ф.М. Правый уклон в ВКП(б) и его разгром (1928—1930). М., 1970; Иванов В.М. Борьба партии против антиленинских течений и групп в период строительства социализма. Л., 1973; Краснов А.В. ЦКК—РКИ в борьбе за социализм (1921—1934 гг.). Иркутск, 1973; Дмитренко С.Л. Борьба КПСС за единство своих рядов. М., 1976; Он же. Ленинский принцип коллективности руководства в деятельности КПСС (1924—1927 гг.). М., 1979.

[8] Принципиальные положения тоталитарной концепции были сформулированы в работах З. Бжезинского, К. Фридриха и Х. Арендт (Brzezinski Z. The Permanent Purge: Politics in Soviet Totalitarianism. Cambridge, Mass., 1956; Friedrich C.J., Brzhezinski Z. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge, Mass., 1956; Arendt H. The Origins of Totalitarianism. N.Y., 1951). В русле этого подхода написаны широко известные работы А.Б. Улама и Л. Шапиро (Ulam A.B. The man and his era. N.Y., 1973; Шапиро Л. Коммунистическая партия Советского Союза. Firenze, 1975).

[9] Наиболее известными представителями этого подхода являлись Э.Х. Карр (Carr E.H. The Russian Revolution: From Lenin to Stalin (1917—1929). London, 1979) и Р. Такер (Tucker R.C. Stalin as Revolutionary, 1879—1929: A Study in History and Personality. N.Y., 1973). Работы Карра и Такера переведены на русский язык: Карр Э.Х. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917—1929. М., 1990; Такер Р. Сталин: Путь к власти. 1879—1929. История и личность. М., 1990.

гических последствий ленинизма», воспринималась большинством членов партии как необходимая и неотложная. Вместе с тем, по мнению этого автора, сталинизм в его конкретных формах, утвердившихся во второй половине 1930-х гг., не был ни неизбежен, ни необходим[10].

Вызов таким концепциям был брошен, прежде всего, в работах, сосредоточенных на изучении деятельности Троцкого как альтернативы Сталину[11]. Р.В. Даниелс, отвечая на вопрос о причинах поражения коммунистических оппозиций 1920-х гг., отмечал несколько факторов: их политическая слабость (разобщенность, нерешительность, непоследовательность и тактические промахи); закрепленный Лениным в 1921 г. принцип «единства партии», делавший противоестественным само существование внутрипартийных оппозиций; наконец, против оппозиции был сам «ход истории» — совокупность факторов способствовала развитию «бюрократической», «тоталитарной» социальной организации. По мнению Даниелса, Сталин преуспел во внутрипартийной борьбе, поскольку олицетворял этот «ход социальной эволюции»[12]. Широкое обсуждение и дискуссии вызвала политическая биография Бухарина, написанная С. Коэном[13]. Автор доказывал возможность «бухаринской альтернативы» сталинизму, что актуализировалось коренными реформами, происходившими в социалистическом Китае.

Общественное и научное внимание к истории внутрипартийной борьбы, деятельности оппозиций и личностям их лидеров резко усилилось в СССР в связи с развертыванием «перестройки» в конце 1980-х гг. Юридическая реабилитация оппозиционеров и ослабление цензуры способствовали публикации новых источников[14], статей и книг, опиравшихся на более широ-

---

[10] Nove A. Was Stalin really necessary? // Encounter. 1962. Vol. XVIII. № 4. P. 86—92.

[11] Deutscher I. The Prophet Unarmed. Trotsky: 1921—1929. London, 1959 (Дойчер И. Троцкий. Безоружный пророк. 1921—1929 гг. М., 2006); Broue P. The Political Struggles in Russia (1921—1929). London, 1987.

[12] Daniels R.V. The Conscience of the Revolution. Communist opposition in Soviet Russia. Cambridge, Mass., 1960. P. 398—407.

[13] Cohen S.F. Bukharin and the Bolshevik Revolution: A Political Biography, 1888—1938. N.Y., 1973 (Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888—1938. М., 1988).

[14] Первым серьезным публикатором закрытых ранее архивных документов стал журнал «Известия ЦК КПСС». Так, в 1990 г. в этом журнале были опубликованы письмо Троцкого членам ЦК и ЦКК от 8 октября 1923 г. и «Заявление 46-ти», а в следующем году — документы, относящиеся к «литературной дискуссии»

кую документальную базу. В центре внимания российских авторов в период «перестройки» находились оценки вариантов политического процесса, связанных с именами различных советских вождей и характеристики этих вождей. Споры о судьбе социализма в конце 1980-х гг. актуализировали дискуссии о внутрипартийной борьбе в 1920-е — начале 1930-х гг., потенциале ленинского социализма и нэпа и причинах победы Сталина[15]. В «перестроечный» период на русский язык были переведены некоторые книги западных авторов[16]. Таким образом, в конце 1980-х — начале 1990-х гг. в российской историографии происходило освобождение от старых концепций «демонизации» оппозиции и изначальной правоты сталинской линии.

«Архивная революция» начала 1990-х гг.[17] придала мощный импульс развитию современного этапа историографии внутрипартийной борьбы 1920-х — начала 1930-х гг. Обобщая положения, сформулированные в новейшей историографии, можно отметить, что в литературе преобладает «сталиноцентричная» парадигма внутрипартийной борьбы[18]. Основные тезисы этой историографической модели можно сформулировать следующим образом: 1) внутрипартийная борьба в 1923—1927 гг. была продиктована соперничеством Сталина, Зиновьева и Троцкого за лидерство в партии («ленинское наследие»); 2) Сталин, которого в этой борьбе интересовал исключительно

(см.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 165—175; № 6. С. 189—194; 1991. № 7. С. 158—177; № 8. С. 179—196).

[15] См.: Горелов И.Е. Николай Бухарин. М., 1988; Старцев В.И. От «необъятной власти» к единовластию в партии (1922—1929 гг.) // Политическое образование. 1989. № 11. С. 66—75; Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия: Политический портрет И.В. Сталина: в 2 кн. Кн. 1. Ч. 1—2. М., 1989; Медведев Р.А. О Сталине и сталинизме. М., 1990; Зевелев А.И. Истоки сталинизма. М., 1990; Данилов В.П. «Бухаринская альтернатива» // Бухарин: человек, политик, ученый / Под общ. ред. В.В. Журавлева. М., 1990. С. 82—129; Голанд Ю.М. Кризисы, разрушившие нэп. М., 1991; Козлов А.И. Сталин: борьба за власть. Ростов н/Д, 1991; Старков Б.А. Дело Рютина // Они не молчали. М., 1991. С. 145—177; Васецкий Н.А. Троцкий: Опыт политической биографии. М., 1992; Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура: субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992; Роговин В.З. Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд через годы. М., 1992; Горинов М.М., Цакунов С.В. Евгений Преображенский: трагедия революционера // Отечественная история. 1992. № 2. С. 72—95.

[16] Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888—1938. М., 1988; Бруэ П. Главы из книги «Троцкий» // ЭКО. 1989. № 9. С. 160—174; № 10. С. 102—118; № 11. С. 156—170; Такер Р. Сталин: Путь к власти. 1879—1929. История и личность. М., 1990.

[17] Подробнее см.: Козлов В.П. Публичность архивов и свобода архивной информации // Советская историография. М., 1996. С. 525—530.

[18] Понятие «сталиноцентричная версия» применительно к историографии внутрипартийной борьбы 1920-х гг. встречается в работе А. Гетти (Гетти А. Практика сталинизма: Большевики, бояре и неумирающая традиция. М., 2016. С. 165—166).

вопрос о сохранении и укреплении собственной власти, опирался на подчиненность ему кадрового аппарата, а также искусство коалиционной стратегии в сочетании с репрессивным потенциалом резолюции X партсъезда «О единстве партии»; 3) использование этих инструментов внутрипартийной борьбы позволило Сталину уже к концу 1927 г. закрепиться в роли политического преемника Ленина и сосредоточить в своих руках основные рычаги для утверждения единовластия; 4) усилия Бухарина, Рыкова и Томского в 1928—1929 гг. противостоять сталинизму изначально были обречены на поражение. Иными словами, согласно этой модели, поступательное продвижение Сталина к неограниченной власти являлось неизбежным процессом, обусловленным наличием у него бюрократической власти в сочетании с его расчетливыми, прагматичными действиями. При этом уже после XIV партсъезда ЦК находился в полном подчинении Сталина, а его политические оппоненты были бессильны ему противостоять, являясь по сути лишь объектами сталинских интриг и манипуляций. В основном таких позиций, имеющих, несомненно, важные основания, придерживаются авторы большинства наиболее значительных работ по политической истории 1920-х — 1930-х годов, опубликованных в последние десятилетия[19].

Объяснительные концепции победы Сталина во внутрипартийной борьбе в значительной мере развиваются в рамках концепций, сформулированных в послевоенной западной историографии. Ряд историков следуют в русле положений «тоталитарной школы», утверждающей, что формирование сталинской диктатуры было неизбежным следствием того пути политического развития, который открыла революция большевиков[20].

---

[19] См.: Павлова И.В. Сталинизм: становление механизма власти. Новосибирск, 1993; Девятов С.В. Единовластие в России. Возникновение и становление (1922—1927 гг.). М., 2000; Назаров О.Г. Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. М., 2002; Rees E.A. Stalin as Leader 1924—1937: From Oligarch to Dictator // The Nature of Stalin's Dictatorship. The Politburo, 1924—1953 / edited by E.A. Rees. N.Y., 2004. P. 19—58; Service R. Stalin: a biography. Cambridge, Mass., 2005; Kotkin S. Stalin. Volume I: Paradoxes of Power, 1878—1928. N.Y., 2014.

[20] См., напр.: Пайпс Р. Россия при большевиках. М., 1997. С. 516, 601; Гимпельсон Е.Г. НЭП и советская политическая система: 20-е годы. М., 2000. С. 301.

С.А. Павлюченков рассматривает победу Сталина во внутрипартийной борьбе 1920-х гг. в русле рассуждений об исторической необходимости. «Государственник» Сталин, одержав победу над «ведомственностью» Троцкого и «клановостью» Зиновьева и сломав «изживший себя» нэп, создал «государственную мобилизационную систему», необходимую для осуществления форсированной индустриализации[21]. А.В. Шубин полагает, что «сталинская стратегия» в отличие от «троцкистской» и «правой» альтернатив в полной мере отвечала ожиданиям партийных функционеров: обеспечение быстрых темпов индустриального развития и достижение «марксистского идеала однородного общества, полностью управляемого из единого центра экономически и социально»[22]. Отметим также выраженную в ряде работ позицию, рассматривающую в качестве одной из причин утверждения сталинского единовластия патримониальные традиции российской власти[23].

Традиционные подходы развивают и углубляют современные работы, отвергающие неизбежность сталинского поворота и противопоставляющие ему альтернативы Троцкого или Бухарина. Представители «троцкистской» историографической традиции утверждают, что Троцкий являлся наиболее адекватным выразителем «ленинского наследия», однако его поражение во внутрипартийной борьбе было фактически предрешено бюрократическим «перерождением» партии, нездоровым режимом «верхушечных» блоков, заменившим внутрипартийную демократию, а также имевшимися в распоряжении Сталина административными рычагами[24]. Авторы, занимавшиеся изучением «бухаринской альтернативы» сталинизму, по-разному отвечали на вопрос о возможностях ее реализации[25].

---

[21] Павлюченков С.А. «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917—1929. М., 2008. С. 283—460.

[22] Шубин А.В. Вожди и заговорщики. М., 2004. С. 199—201, 370—371.

[23] См., напр.: Гетти А. Указ. соч. С. 26—27; Павлова И.В. Указ. соч. С. 141—144.

[24] См., напр.: Роговин В.З. Была ли альтернатива?. С. 358—370; Воейков М.И. Ленинское наследие: Зиновьев, Сталин, Бухарин или Троцкий? // Альтернативы: теоретический и общественно-политический журнал. 2010. № 1. С. 46—65.

[25] Подробнее см. параграф 2.1.

В последние десятилетия был опубликован ряд важных работ, раскрывающих на основе новых архивных документов основные эпизоды внутрипартийной борьбы 1920-х — начала 1930-х гг., а также обобщающих проблематику власти и оппозиции[26]. Большое значение для понимания политических процессов в СССР в 1920-е — 1930-е гг. имеют работы, раскрывающие динамику общественных настроений в указанный период[27]. Несомненный интерес также представляют работы, посвященные осмыслению историографии советской политической истории 1920-х — 1930-х гг.[28]

Необходимо также отметить исследования российских авторов, посвященные анализу идейно-теоретических разногласий в большевистском руководстве в 1920-е гг.[29] В работах Т. Кондратьевой и Н.С. Симонова исследовано значение исторических аналогий с Великой французской революцией в политическом дискурсе 1920-х гг.[30]

Важной тенденцией историографии 1990-х — 2000-х гг. является постепенное перемещение фокуса внимания исследователей с рассмотрения политической борьбы в большевистских «верхах» на детальное изучение феномена оппозиции 1920-х гг.: деятельности и состава ее участников в конкретных регионах, политических практик деятелей оппозиции и формирования их политической идентичности и т.п.[31]

---

[26] См.: Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. С. 89—174; Вводные статьи В.П. Данилова, А.Ю. Ватлина и О.В. Хлевнюка в многотомном издании документов: Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928—1929 гг.: в 5 т. Т. 1—5. М., 2000; Вилкова В.П. От составителя // РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы. 1923 г. М., 2004. С. 5—26; Ватлин А.Ю. Коминтерн: Идеи, решения, судьбы. М., 2009. С. 127—245; Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 24—83; The lost Politburo transcripts: From collective rule to Stalin's dictatorship / edited by Paul R. Gregory and Norman Naimark. New Haven; London, 2008. P. 41—117, 135—164.

[27] См.: Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917—1932 гг. М., 2010; Тархова Н.С. Красная армия и сталинская коллективизация. 1928—1933 гг. М., 2010.

[28] См.: Котеленец Е.А. В.И. Ленин как предмет исторического исследования. Новейшая историография. М., 1999; Историография сталинизма. Сборник статей / Под ред. Н.А. Симония. М., 2007.

[29] См.: Цакунов С.В. В лабиринте доктрины: Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы. М., 1994; Черняков С.Ф. Внутрипартийная борьба в ВКП(б). 1923—1927 гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 2000; Панин Е.Л. Оппозиция в партии большевиков в 1925—1926 гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 2002.

[30] См.: Кондратьева Т. Большевики-якобинцы и призрак термидора. М., 1993; Симонов Н.С. Термидор, брюмер или фрюктидор. Эволюция сталинского режима власти: прогнозы и реальность // Отечественная история. 1993. № 4. С. 3—18.

[31] См., напр.: Олех Г.Л. Поворот, которого не было: борьба за внутрипартийную демократию 1919—1924 гг. Новосибирск, 1992; Демидов В.В. Дискуссии и внутрипартийная борьба в большевистских организациях Сибири (ноябрь 1919 г. — декабрь 1929 г.). Новосибирск, 1997; Кружинов В.М. Политические конфликты в

Для полноты картины необходимо отметить, что в общем объеме публикаций, затрагивающих так или иначе тему внутрипартийной борьбы в 1920-е гг., определенная доля принадлежит политической публицистике, зачастую выдаваемой за «документально-исторические исследования», или конспирологическим версиям[32]. Появление таких публикаций В.М. Кружинов связывает с явлением «ренессанса идей, изложенных в "Кратком курсе"», возникшим во многом в связи с неудачными преобразованиями 1990-х гг.[33]

Проделанный историографический анализ показывает, что наиболее глубоко изучены доктринальные аспекты внутрипартийной борьбы 1920-х — начала 1930-х гг., общие программы и взгляды лидеров противоборствующих сторон. На основании новых источников уточняется ход основных событий внутрипартийной борьбы, методы борьбы с оппозицией и инакомыслящими в руководстве партии. Преобладающим подходом к проблеме остается объяснение многообразных предпосылок и причин победы сталинской группы. Заметна тенденция считать приход Сталина к единоличной власти единственным возможным исходом внутрипартийной борьбы в 1920-е гг. Практически отсутствуют работы о модели коллективного большевистского руководства, опиравшейся на прочные партийные традиции и сложившиеся институты. Недостаточно изучена проблема потенциала коллективного руководства, олигархического устройства власти, сохранявшегося в течение нескольких лет после отхода Ленина от дел и даже некоторое время после победы группы Сталина. Комплексному, всестороннему исследованию внутри-

---

первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень, 2000; Анфертьев И.А. Деятельность «Союза марксистов-ленинцев». М.Н. Рютин и борьба за власть в 1928—1932 гг.: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2004; Шарабаров П.Н. «Правый уклон» в социально-политической жизни Вятского региона в 1928—1933 гг.: дис. … канд. ист. наук. Киров, 2010; Скоркин К.В. Обречены проиграть. (Власть и оппозиция). М., 2011; Гусев А.В. Левокоммунистическая оппозиция в СССР в конце 20-х годов // Отечественная история. 1996. № 1. С. 85—103; Он же. Децисты — «пролетарская оппозиция» сталинизму // За справедливость и свободу: Рабочее движение и левые силы против авторитаризма и тоталитаризма: история и современность. М., 2014. С. 53—61; Резник А. Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП(б), 1923—1924 годы. СПб., 2017; Halfin I. Intimate Enemies. Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918—1928. Pittsburgh, 2007.

[32] См., напр.: Сахаров В.А. «Политическое завещание» Ленина: реальность истории и мифы политики. М., 2003. Он же. На распутье: дискуссия по вопросам перспектив и путей развития советского общества (1921—1929). М., 2012; Емельянов Ю.В. Сталин: Путь к власти. М., 2003; Писаренко К.А. Тридцатилетняя война в Политбюро. М., 2006; Жуков Ю.Н. Оборотная сторона НЭПа. Экономика и политическая борьба в СССР. 1923—1925 годы. М., 2014.

[33] Кружинов В.М. Указ. соч. С. 24.

партийной борьбы и ее результатов препятствует слабая изученность таких важных неформальных аспектов политического процесса, как личные отношения внутри Политбюро на разных этапах, изменение баланса сил в высшем эшелоне власти, факторы, в том числе субъективные и случайные, влиявшие на эти изменения. С учетом такого состояния историографии определены объект, предмет, цель и задачи данной диссертации.

Объект исследования — внутрипартийная борьба в большевистской партии в 1920-е — начале 1930-х гг.

Предмет исследования — механизмы политической борьбы в высшем эшелоне большевистской партии в 1920-е — начале 1930-х гг. и связанная с этим эволюция модели власти: система коллективного руководства и политическая культура большевистских лидеров; их влияние на внутрипартийную борьбу; изменение неформальных отношений и баланса сил внутри большевистского руководства на различных этапах внутрипартийной борьбы.

Цель исследования состоит в том, чтобы изучить внутрипартийную борьбу в 1920-е — начале 1930-х гг. как процесс постепенного разрушения системы коллективного руководства большевистской партии.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие **задачи**:

- раскрыть сущность коллективного руководства как модели власти в большевистской партии в 1920-е гг., в рамках которой протекала наиболее важная фаза внутрипартийной борьбы;

- исследовать вопрос о соотношении различий в программных позициях большевистского руководства и иных мотивов, которыми руководствовались члены «руководящего коллектива» партии[34] в процессе внутрипартийной борьбы;

- изучить влияние механизмов коллективного руководства на ход и результаты внутрипартийной борьбы;

[34] О значении этого понятия см. параграф 1.1.

- проанализировать эволюцию неформальных отношений и баланса сил внутри большевистского руководства на различных этапах внутрипартийной борьбы.

Гипотеза исследования строится на предположении о том, что сохранение и эволюцию коллективного руководства большевистской партии следует считать реальным вариантом политического развития в предвоенный период.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1922 по начало 1933 гг. Выбор нижней хронологической рамки исследования обусловлен тем, что в 1922 г. в связи с тяжелой болезнью Ленина баланс сил в коллективном руководстве большевистской партии претерпел значительные изменения и были созданы предпосылки для борьбы за лидерство в партии между «наследниками» Ленина. Выбор верхнего хронологического рубежа связан с тем, что в январе 1933 г. состоялся объединенный пленум ЦК и ЦКК, разгромивший последнюю антисталинскую группу, имевшую отношение к ЦК ВКП(б).

Методологическую основу исследования составляют базовые принципы исторического исследования — историзм, научная объективность и системность. Ведущим методом является историко-генетический метод, позволяющий показать причинно-следственные связи и закономерности развития неформальных отношений в большевистском руководстве в условиях внутрипартийной борьбы 1920-х — начала 1930-х гг.

Проблемы, находящиеся в центре внимания данной диссертации, разрабатываются на современном этапе в рамках «новой политической истории», отличающейся особым интересом к политической культуре и неформальным политическим отношениям. Под политической культурой понимается «определенный образец ориентаций на политическое действие»[35]. В качестве одной из важнейших характеристик политической культуры нами рас-

[35] Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2012. С. 8.

сматривается сфера допустимого и запретного: «Политика есть искусство возможного в условиях или ситуации невозможного»[36]. Использование междисциплинарного подхода в рамках настоящей диссертации проявляется в обращении к положениям теории социального конфликта, касающимся генезиса и развития конфликтов в жестко структурированных (закрытых) группах[37].

Основу **источниковой базы** исследования составляют архивные и опубликованные источники.

Прежде всего, следует отметить, что несколько лет назад исследователям, занимающимся внутрипартийной борьбой 1920 — начала 1930-х гг., стал доступен новый комплекс архивных документов — тематическая папка архивного фонда Политбюро, переданная в Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171) из Архива Президента Российской Федерации. Материалы этой папки представляют собой обширный комплекс документов, отложившихся в архиве Политбюро: приложения к постановлениям и разного рода дополнительные материалы, на основе которых происходило обсуждение вопросов и принятие по ним решений (заявления, черновые наброски документов, письма, докладные записки, справочная информация и т.п.). Особенное внимание следует обратить на то, что данная тематическая папка включает в себя также материалы делопроизводства фракционной «семерки», раскрывающие подробности деятельности этого теневого органа власти.

Представляет интерес коллекция документальных материалов по истории левой оппозиции 1920-х гг. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71). Данная коллекция была создана в 1965 г. в результате поступления в Центральный партийный архив ИМЛ при ЦК КПСС двух больших групп документов: архива деятеля левой оппозиции И.Я. Врачева и документов из сектора учета руководящих работников ЦК КПСС. Коллекция представляет собой списки участников ле-

[36] Сенокосов Ю. Власть как проблема. Опыт философского рассмотрения. М., 2005. С. 35.
[37] См.: Козер Л. Функции социального конфликта. М., 2000.

вой оппозиции и краткие биографические справки на некоторых из них, а также заявления деятелей оппозиции в адрес партийного руководства и распространявшиеся оппозиционерами статьи и листовки.

«Архивная революция» позволила исследователям получить доступ к изучению протоколов заседаний Политбюро. Подписные экземпляры протоколов заседаний Политбюро, оформлявшиеся в виде машинописных брошюр (РГАСПИ. Ф. 17. Оп 3, 162) содержат минимальное количество информации о деятельности высшей партийной инстанции: это краткие записи в формате «слушали — постановили». Подлинные протоколы Политбюро (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163) примечательны тем, что в их составе находятся стенограммы заседаний Политбюро, относящиеся к периоду 1920—1930-х гг.

Стенограммы заседаний Политбюро[38] и пленумов ЦК[39] являются важнейшим источником, предоставляющим возможность изучать механизмы функционирования коллективного руководства и характер взаимоотношений членов высших партийных органов на различных этапах внутрипартийной борьбы.

Стенографирование заседаний Политбюро и пленумов ЦК выступало в качестве своеобразного атрибута коллективного руководства — информационного канала, позволяющего лидерам партии доводить свои взгляды до сведения относительно широкого круга партийных функционеров. После заседаний стенограммы перерабатывались в стенографические отчеты, которые печатались в виде брошюр (помимо стенограмм, брошюры содержали приложения — различные документы, на которых базировалось обсуждение). Стенографические отчеты заседаний высших партийных органов, получившие в партийном обиходе название «красные книжки», были доступны для ознакомления не только членам ЦК и ЦКК, но и членам губкомов, обкомов,

---

[38] См.: Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). 1923—1938 гг.: в 3 т. / Под ред. К.М. Андерсона, А.Ю. Ватлина, П. Грегори, А.К. Сорокина, О.В. Хлевнюка. М., 2007. Неизвестные ранее стенограммы объединенных заседаний Политбюро от 30 января и 9 февраля 1929 г. были обнаружены нами в ходе изучения архивных материалов (см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 179—181).

[39] См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2 (пленумы ЦК РКП(б) — ВКП(б) VII—XVIII созывов); Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928—1929 гг.: в 5 т. / Отв. ред. В.П. Данилов, О.В. Хлевнюк, А.Ю. Ватлин. М., 2000.

крайкомов и соответствующих контрольных комиссий, бюро ЦК ВЛКСМ[40]. В политический лексикон большевистского руководства даже вошел такой речевой оборот, как «говорить для стенограммы»[41].

Характеризуя ценность стенограмм Политбюро и пленумов ЦК как исторического источника, добавим, что участники заседаний, увлеченные полемикой, иногда сообщали некоторые важные подробности неформальных совещаний и встреч. Следует отметить, что, несмотря на познавательный потенциал стенограмм как исторического источника, они до сих пор слабо введены в научный оборот.

Значительную ценность представляют документы личных фондов членов Политбюро, хранящиеся в РГАСПИ: Сталина (фонд 558), Троцкого (фонд 325), Зиновьева (фонд 324), Каменева (фонд 323), Бухарина (фонд 329), Орджоникидзе (фонд 85).

Отметим, что некоторые важные документы по внутрипартийной борьбе 1920-х гг., извлеченные из архивов (письма, заявления, стенограммы выступлений большевистских руководителей), были опубликованы в документальных сборниках[42].

Отдельного внимания заслуживает партийная периодика, поскольку перипетии внутрипартийной борьбы неизбежно отражались на редакционной политике наиболее влиятельных печатных изданий (газеты «Правда», «Ленинградская Правда», журнал «Большевик»). Вместе с тем следует отметить, что полноценное изучение редакционной политики центрального печатного органа партии — газеты «Правда» — станет возможным только после того, как архивный фонд редакции «Правды», хранящийся в РГАСПИ, будет систематизирован и открыт для исследователей.

---

[40] См., напр., титульный лист стенографического отчета заседания Политбюро от 18 марта 1926 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 682. Л. 129—129 об.).

[41] Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 1. С. 656, 686, 691; Как ломали нэп. Т. 2. С. 430.

[42] См.: РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы. 1923 г. / Отв. сост. В.П. Вилкова. М., 2004; Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923—1927: в 4 т. / Ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. М., 1990; Л.Д. Троцкий. Архив в 9 томах: Том 1 / Ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://lib.ru/TROCKIJ/Arhiv_Trotskogo__t1.txt

Источники личного происхождения по истории внутрипартийной борьбы 1920 — начала 1930-х гг. представлены перепиской большевистского руководства и мемуарной литературой.

Переписка большевистского руководства, наряду со стенограммами Политбюро и пленумов ЦК, является важнейшим источником для исследования неформальных отношений внутри большевистского руководства на различных этапах внутрипартийной борьбы. Значительная часть писем, отложившихся в личных архивных фондах партийных деятелей, была опубликована в сборниках документов[43].

Отдельного внимания заслуживает запись Л.Б. Каменева о его беседе с Н.И. Бухариным и Г.Я. Сокольниковым, состоявшейся 11 июля 1928 г. Эта запись, имеющая конспективный характер, предназначалась Г.Е. Зиновьеву для ознакомления, однако ее копия оказалась у троцкистов и в январе 1929 г. была издана ими в виде листовки[44]. В целом, запись Каменева является важнейшим источником для понимания неформальных отношений и расклада сил в Политбюро летом 1928 г.

Гораздо меньшую ценность представляют мемуарные свидетельства в силу значительной субъективности этой категории источников. Мемуары Л.Д. Троцкого[45] являются не только крайне субъективным, но и малоинформативным источником[46]. В.М. Молотов, Л.М. Каганович и А.И. Микоян[47]

---

[43] См.: Большевистское руководство. Переписка. 1912—1927 / Сост. А.В. Квашонкин, О.В. Хлевнюк, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М., 1996; Советское руководство. Переписка. 1928—1941 гг. / Сост. А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, О.В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 1999; Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925—1936 гг. / Сост. Л.П. Кошелева, В.С. Лельчук, В.П. Наумов, О.В. Наумов, О.В. Хлевнюк. М., 1995; Сталин и Каганович. Переписка. 1931—1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис, Л.П. Кошелева, Э.А. Рис, Л.А. Роговая. М., 2001.

[44] Данная листовка, содержащая полный текст записи Каменева, была опубликована в приложении к стенографическому отчету объединенных заседаний Политбюро и Президиума ЦКК 30 января и 9 февраля 1929 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 3—4). Кроме того, запись Каменева, извлеченная из архива Троцкого (Хогтонская библиотека Гарвардского университета), была неоднократно опубликована в различных изданиях (см., напр.: Фельштинский Ю.Г. Два эпизода из истории внутрипартийной борьбы: конфиденциальные беседы Бухарина // Вопросы истории. 1991. № 2—3. С. 182—198; Он же. Разговоры с Бухариным. Комментарий к воспоминаниям А.М. Лариной (Бухариной) «Незабываемое» с приложениями. Нью-Йорк, 1991. С. 30—37).

[45] Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М., 1991.

[46] Думается, А.В. Резник в своем исследовании верно отметил особенность мемуаров Троцкого: «Троцкий фактически избегает говорить о событиях, в которых потерпел поражение» (Резник А.В. Левая оппозиция в РКП(б) в 1923—1924 гг.: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2014. с. 20).

также были немногословны относительно событий внутрипартийной борьбы. Кроме того, их мемуары были написаны много лет спустя после описываемых в них событий, поэтому в данном случае имеет значение фактор ненадежности памяти относительно событий, происходивших много лет назад.

Не менее критически следует подходить к мемуарам Б.Г. Бажанова и А.М. Лариной (Бухариной), в которых представлены свидетельства относительно отдельных эпизодов внутрипартийной борьбы 1920-х гг. Нужно учитывать, что бежавший из СССР Бажанов стремился вызвать интерес у западного читателя. Так, любопытным и даже в некотором смысле сенсационным является свидетельство Бажанова о том, что Сталин уже в 1923 г. использовал некую «центральную станцию», спрятанную в столе его кремлевского кабинета, для подслушивания разговоров между членами ЦК по «вертушке»[48]. Тем не менее, элементарные правила критики источника требуют, чтобы эта информация получила документальное подтверждение[49]. Примером грубой фактической ошибки, допущенной Бажановым, является датирование им резолюции «О партстроительстве» 5 ноября 1923 г.[50], тогда как на самом деле она была принята 5 декабря 1923 г.

Ларина в своих воспоминаниях уделила внимание некоторым обстоятельствам внутрипартийной борьбы конца 1920-х гг.[51], однако необходимо учитывать, что на момент описываемых событий будущая супруга Бухарина находилась в подростковом возрасте и имела весьма ограниченный доступ к информации из высших политических кругов. Мемуары Лариной были написаны ей несколько десятилетий спустя, поэтому нельзя исключать, что во многих случаях ее подводила память.

Воспоминания А.Г. Авторханова относительно внутрипартийной борьбы конца 1920-х — начала 1930-х гг., изложенные им в книге «Технология

---

[47] См.: Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991; Каганович Л.М. Памятные записки. М., 1996. Микоян А.И. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999.
[48] Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб., 1992. С. 54—55.
[49] Однако следует отметить, что в монографии А.И. Козлова данное свидетельство Бажанова воспринимается как исторический факт (Козлов А.И. Указ. соч. С. 100).
[50] Бажанов Б. Указ. соч. С. 73.
[51] Ларина (Бухарина) А.М. Незабывасмое. М., 1989. С. 88—101.

власти»[52], представляются по большей части недостоверными[53]. Оговоримся также, что для настоящего исследования в силу специфики его цели и задач не представляют большого интереса мемуары деятелей, отдаленных в 1920-е гг. от большевистских «верхов»[54].

Научная новизна диссертации заключается как в попытке изменения традиционных подходов к исследованию внутрипартийной борьбы в 1920-е — начале 1930-х гг., так и в привлечении новых архивных материалов, в том числе тех, которые позволяют изучать сущность неформальной («теневой») стороны внутрипартийной борьбы. Избранный нами подход позволяет в некоторой степени пересмотреть положения «сталиноцентричного» изучения проблемы и углубить понимание процесса генезиса сталинской диктатуры в недрах большевистского руководства. Представленная в данном диссертационном исследовании концепция внутрипартийной борьбы построена на выводах, расширяющих исторические знания относительно политической культуры большевистских руководителей, логики их поступков и решений в том или ином эпизоде внутрипартийной борьбы. Кроме того, один из элементов научной новизны диссертации видится в комплексном изучении вопроса в широких хронологических рамках, предоставляющих возможность получить необходимый уровень обобщения и систематизации знаний по данной теме.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Материалы диссертации и ее выводы могут быть использованы при дальнейшем изучении различных проблем советской политической истории 1920-х — начала 1930-х гг., а также при подготовке специальных курсов по истории высших органов власти в СССР и политической конфликтологии.

---

[52] Авторханов А. Технология власти. М., 1991.

[53] См. критический обзор этой книги: David-Fox M. Memory, Archives, Politics: The Rise of Stalin in Avtorkhanov's Technology of Power // Slavic Review. Vol. 54. No. 4 (Winter 1995). P. 988—1003.

[54] См.: Валентинов Н.В. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. М., 1991; Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. М., 2001; Абрамович И.Л. Воспоминания и взгляды. Кн. 1. Воспоминания. М., 2004; Павлов И.М. 1920-е: революция и бюрократия. Записки оппозиционера. СПб., 2001.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) Императивом коллективного руководства было ригористическое соблюдение принципа «единства» как условия сохранения прочности диктатуры большевистской партии и стабильности в высшем эшелоне власти. В сознании большевистской элиты открытое противостояние между членами «руководящего коллектива» партии прочно связывалось с угрозой повторения «кронштадтских событий». При этом традиционным для коллективного руководства было сравнительно снисходительное отношение к оппозиционерам и инакомыслящим из числа заслуженных партийных деятелей.

2) Процесс разрушения коллективного руководства в 1925—1927 гг. был обусловлен личными амбициями и ошибками Зиновьева и Троцкого, которые обратились к методам фракционной борьбы, стремясь перенести в фазу открытого противостояния имевшиеся внутри «руководящего коллектива» партии противоречия, которые носили не принципиальный, антагонистический, а тактический характер и явно не соответствовали остроте конфликта. Тем самым они грубо нарушали нормы и традиции коллективного руководства.

3) В связи с усилением внутрипартийной борьбы стенографические отчеты заседаний Политбюро предоставляли лидерам «объединенной оппозиции» легальную возможность выражения своей политической платформы и критики оппонентов. Стенографирование заседаний Политбюро выполняло функцию «защитного клапана», который канализировал взаимную дискредитацию сторон, препятствуя переходу внутрипартийной борьбы в стадию прямых публичных столкновений. Однако впоследствии стенографирование заседаний руководящих органов партии и последующая рассылка стенограмм партийному активу получили новую область применения, превратившись в средство расправы над членами Политбюро и ЦК, уличенными в оппозиционной деятельности или инакомыслии.

4) Несмотря на острую внутрипартийную борьбу 1926—1927 гг. и усилившееся влияние Сталина, Политбюро оставалось органом выработки кол-

лективных решений. Сильное сопротивление, с которым Сталин столкнулся в конце 1926 — 1927 гг. по вопросу об оппозиции и некоторым другим вопросам, свидетельствует о том, что в указанный период по-прежнему сохранялось серьезное влияние традиций и механизмов коллективного руководства на принятие решений в высшем эшелоне власти.

5) Исход противостояния Сталина и группы Рыкова—Бухарина в 1928—1929 гг. не был заранее предопределен. Баланс сил, сложившийся в высшем эшелоне большевистской партии в 1928 г., обусловил значительное влияние традиций и механизмов коллективного руководства на внутрипартийную борьбу. По существу, поражение «правых» и разрушение коллективного руководства стало возможным только после того, как Сталин, используя грубую политическую ошибку Бухарина, сплотил вокруг себя большинство членов «руководящего коллектива» партии.

6) Сохранение в 1920-е гг. коллективного руководства большевистской партии являлось реальной возможностью. В основе поражения этого варианта политического развития лежали как некоторые объективные факторы социально-экономического и политического развития страны, так и комплекс субъективных причин — череда грубых ошибок политических конкурентов Сталина, выводивших их за рамки «легальности», установленные в коллективном руководстве.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации представлены в 9 публикациях[55], в том числе в 4 статьях в

[55] Апальков Д.И. Болезнь Ленина и рождение «тройки» // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник тезисов докладов участников Третьей международной конференции молодых специалистов и ученых «Clio-2013». М., 2013. С. 18—22; Он же. Внутрипартийная борьба в РКП(б) (1922—1923 гг.) // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник материалов IV Международной конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2014». М., 2014. С. 27—30; Он же. Общепартийная дискуссия в РКП(б) 1923/24 гг.: механизмы политической борьбы // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник материалов Пятой международной конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2015». М., 2015. С. 21—24; Он же. Внутрипартийная борьба и укрепление сталинской власти в 1922—1926 гг. // Причерноморье. История, политика, культура. Т. 18. Севастополь, 2016. С. 22—26; Он же. Политическая борьба в партии большевиков в 1925—1926 гг.: «дуумвират» против «новой оппозиции // Русский исторический сборник. Т. 10. М., 2016. С. 27—39.

изданиях, утвержденных Ученым советом МГУ имени М.В. Ломоносова[56], а также были представлены на конференциях: Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2013» и «Ломоносов-2014» (МГУ имени М.В. Ломоносова, 8—13 апреля 2013 г. и 7—11 апреля 2014 г.), Международная конференция молодых ученых и специалистов «Clio-2013», «Clio-2014» и «Clio-2015» (РГАСПИ, 10—12 апреля 2013 г., 9—10 апреля 2014 г. и 9—10 апреля 2015 г.), Молодежная научно-практическая конференция «Наше наследие» (гостиничный комплекс «Измайлово» (г. Москва), 21 октября 2015 г.), XIII Всероссийская научная конференция «Лазаревские чтения» (филиал МГУ в г. Севастополе, 25—27 ноября 2015 г.).

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории России XX—XXI вв. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Структура диссертации включает введение, две главы, заключение, список источников и литературы.

[56] Апальков Д.И. Дебаты в Политбюро как инструмент внутрипартийной борьбы в большевистской партии 1925—1927 гг. // Клио. 2016. № 5. С. 93—101; Он же. Внутрипартийная борьба и механизмы коллективного руководства ВКП(б) в 1928 — начале 1929 гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 4. С. 8—23. DOI: 10.7256/2454-0609.2017.4.23381; Он же. Объединенные заседания Политбюро и Президиума ЦКК 30 января и 9 февраля 1929 г. и их значение в истории внутрипартийной борьбы 1920-х гг. // Клио. 2017. № 8. С. 106—113; Он же. Была ли реальная альтернатива формированию личной диктатуры Сталина? (новый взгляд) // Преподавание истории в школе. 2017. № 7. С. 74—76.

Глава 1. Коллективное руководство и столкновения в Политбюро в 1922—1927 гг.

1.1. Коллективное руководство большевистской партии как модель власти

Понятие «коллективное руководство» вошло в обиход большевистских функционеров после отхода Ленина от политической деятельности и отражало их представления об оптимальном пути политического развития в условиях отсутствия безусловного лидера партии. Г.Е. Зиновьев, выступая на XII съезде партии, говорил: «В тот момент, когда мы не слышим компетентного слова Владимира Ильича, мы должны заменить его коллективной волей, коллективной мыслью, коллективной энергией и коллективной настойчивостью. (Аплодисменты.)»[57]. В подобном ключе на XIV съезде партии высказался Сталин: «Руководить партией вне коллегии нельзя. Глупо мечтать об этом после Ильича. (Аплодисменты.), глупо об этом говорить. Коллегиальная работа, коллегиальное руководство, единство в партии, единство в органах ЦК при условии подчинения меньшинства большинству, — вот что нам нужно теперь»[58]. Неудивительно, что после смерти Сталина это понятие вновь приобрело важное значение в дискурсе советской политической элиты[59].

Самое общее определение коллективного руководства можно сформулировать следующим образом: олигархическая модель власти, основанная на взаимодействии равнозначных вождей большевистской партии — близких соратников Ленина, являвшихся символами революционной легитимности власти.

По партийному уставу, Политбюро, образованное как постоянный орган в 1919 г., было исполнительной инстанцией Центрального Комитета. Политбюро избиралось на пленумах ЦК для ведения политической работы в

[57] Двенадцатый съезд РКП(б). 17—25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М., 1968. С. 53.
[58] XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.—Л., 1926. С. 508.
[59] Фельдман Д.М. Терминология власти: советские политические термины в историко-культурном контексте. М., 2006. С. 40—46.

период между пленумами. Однако в действительности Политбюро являлось высшим органом власти в СССР. Именно Политбюро предопределяло все основные направления развития страны и принимало решения по ключевым вопросам (а также рассматривало массу сравнительно мелких и второстепенных проблем)[60]. Политбюро занимало центральное место в системе коллективного руководства. Наличие определенного баланса сил в Политбюро препятствовало становлению единоличной диктатуры, будучи первоочередным условием сохранения коллективного руководства.

Гарантами коллективного руководства являлись наиболее авторитетные члены Политбюро. По мнению С. Коэна, эту узкую группу составляло «"основное ядро ленинцев", пятеро из шести человек, о которых Ленин писал в своем "Завещании": Троцкий, Сталин, Каменев, Зиновьев и Бухарин»[61]. По нашему мнению, к этому списку следует добавить А.И. Рыкова и М.П. Томского, которые занимали важнейшие должности и являлись самодостаточными политическими фигурами. Рыков после смерти Ленина получил должность председателя СНК СССР. С того времени, как Каменев в январе 1926 г. был переведен из членов Политбюро в кандидаты, Рыков, как правило, председательствовал на заседаниях Политбюро. Томский с 1918 г. возглавлял ВЦСПС — центральный орган профессиональных союзов, руководивший деятельностью всех профсоюзных организаций страны. Как заметил сам Томский, такой «насыщенности членами ЦК», как в Президиуме ВЦСПС, не было ни в одном другом внепартийном органе власти[62].

Второй эшелон «руководящего коллектива»[63] составляли члены ЦК и ЦКК. Проведению объединенных пленумов ЦК и ЦКК отводилась важная роль в системе коллективного руководства. На основании 7 пункта резолюции «О единстве партии», принятой в 1921 г. на X съезде партии, объединенные пленумы ЦК и ЦКК были уполномочены применять «все меры партий-

---

[60] Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996. С. 3.
[61] Коэн С. Указ. соч. С. 266.
[62] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 33.
[63] Данное понятие заимствовано нами из выступления Г.Е. Зиновьева на июльском пленуме 1926 г. (Там же. Оп. 2. Д. 246. Вып. IV. Л. 15 об.).

ных взысканий вплоть до исключения из партии» в отношении членов партии (в том числе членов Политбюро и ЦК), уличенных в нарушении партийной дисциплины. Для этого требовалось две трети голосов членов ЦК и ЦКК[64].

При этом следует отметить, что внутри ЦК была своя негласная иерархия. С. Коэн выделяет в структуре ЦК «неофициальную группу старших членов». Она состояла из «двадцати — тридцати влиятельных лиц, таких, как высшие партийные руководители (члены Оргбюро и Секретариата ЦК — *Д.А.*) и главы важнейших делегаций в ЦК и главы важнейших делегаций в ЦК (представлявших, в первую очередь, Москву, Ленинград, Сибирь, Северный Кавказ, Урал и Украину)»[65]. Существование такого костяка ведущих членов ЦК определяло стабильность состава ЦК. 31 из 40 членов ЦК, избранных XII партийным съездом, вошли в состав ЦК по итогам XIV партсъезда[66].

К компетенции ЦКК относилось разрешение внутрипартийных конфликтов и борьба с оппозиционными группами. Члены ЦКК избирали Президиум ЦКК (21 член и 9 кандидатов), имевший непосредственное отношение к деятельности Политбюро и ЦК. Согласно уставу партии, как минимум трое членов Президиума ЦКК должны были присутствовать с правом совещательного голоса на заседаниях Политбюро. Члены и кандидаты Президиума ЦКК присутствовали на пленумах ЦК с совещательным голосом, на объединенных пленумах ЦК и ЦКК члены ЦКК имели право решающего голоса[67]. Члены и кандидаты Президиума ЦКК имели право решающего голоса также на объединенных заседаниях Политбюро и Президиума ЦКК. Проведение этих заседаний практиковалось в конце 1920-х — начале 1930-х гг. и

---

[64] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (далее — КПСС в резолюциях и решениях). Т. 2. С. 336—337.
[65] Коэн С. Указ. соч. С. 392.
[66] См.: Двенадцатый съезд РКП(б). С. 662; XIV съезд ВКП(б). С. 1000.
[67] Устав ВКП(б), утвержденный ЦК ВКП(б) 17 июня 1926 г. // Всесоюзная коммунистическая партия (б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1935). Изд. 5-е. Ч. II. 1925—1935. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. С. 89.

выполняло функцию высшего партийного суда над членами Политбюро и ЦК[68].

Председатель Президиума ЦКК по своему статусу фактически был приравнен к члену Политбюро (отметим, что членам ЦКК запрещалось быть одновременно членами ЦК и Политбюро[69]). Примечательно, что в состав «семерки» — теневого органа власти, оформившегося в августе 1924 г., — наряду с членами Политбюро (за исключением Троцкого) вошел председатель Президиума ЦКК В.В. Куйбышев[70]. Добавим, что Куйбышев и Г.К. Орджоникидзе, первый и второй председатели Президиума ЦКК, вскоре после освобождения от этой должности избирались членами Политбюро.

Для понимания политической культуры и представлений высшего эшелона большевистской партии 1920-х гг. необходимо учитывать, что модель коллективной власти являлась логическим продолжением традиций, сложившихся при Ленине. Ленин являлся безусловным лидером партии, однако до установления единоличной власти Ленина было далеко. Помимо Ленина были и другие вожди — его ближайшие соратники и единомышленники, обладавшие значительным политическим весом. Присутствие в окружении Ленина крупных политических фигур препятствовало становлению ленинской диктатуры.

Действие этих защитных механизмов выражалось прежде всего в том, что Ленин встречал сильное сопротивление, когда поднимал вопрос о применении суровых наказаний в отношении представителей старой партийной гвардии. Осенью 1917 г. Ленин потребовал исключить Зиновьева и Каменева из партии, однако его соратники выступили против этой инициативы. Сталин впоследствии вспоминал об этом эпизоде: «… в Октябрьские дни, в период ошибок Каменева и Зиновьева, Ленин 7 раз предлагал исключить из партии обоих этих товарищей. Кто стоял против этого? Я, Свердлов, кажется, Троц-

---

[68] См. параграфы 2.4, 3.2 и 3.3.

[69] Устав ВКП(б), утвержденный ЦК ВКП(б) 17 июня 1926 г. // Всесоюзная коммунистическая партия (б) в резолюциях и решениях. С. 89.

[70] Зиновьев Г.Е. История фракционного центра // РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 324. Л. 3.

кий и некоторые другие. Мы несколько раз выносили тогда в ЦК решение о том, чтобы т. Ленин не настаивал на своем требовании об исключении»[71].

В начале августа 1921 г. Ленин, реагируя на выступления лидера «рабочей оппозиции», члена ЦК А.Г. Шляпникова[72], потребовал вывести его из состава ЦК и исключить из партии. Казалось бы, в той ситуации у Ленина были все основания рассчитывать на полную поддержку членов ЦК и ЦКК, поскольку оппозиционные выступления Шляпникова вполне могли быть расценены как грубое нарушение партийной дисциплины[73], достаточное для реализации упомянутого выше 7 пункта резолюции «О единстве партии». Тем не менее, на объединенном пленуме ЦК и ЦКК, состоявшемся 9 августа 1921 г., Ленину не удалось добиться принятия этой крайней меры: до необходимых двух третей голосов не хватило одного голоса[74]. 26 февраля 1922 г. Шляпников и его сторонники обратились в Президиум Исполкома Коминтерна (ИККИ) с заявлением, содержавшим резкую критику сложившегося внутрипартийного режима. Специальная комиссия ИККИ, работавшая под контролем Зиновьева и Троцкого, констатировала нарушение группой Шляпникова партийной дисциплины[75]. Примечательно, что, хотя Шляпников по итогам XI партсъезда (27 марта — 2 апреля 1922 г.) и не был переизбран в ЦК, вопрос об исключении его из партии в тот период даже не поднимался.

Таким образом, традиционным принципом коллективного руководства, закрепившимся еще при Ленине, было сравнительно снисходительное отношение к оппозиционерам и инакомыслящим, являвшимся заслуженными партийными деятелями (члены Политбюро и ЦК, представители старой партийной гвардии). Как будет видно из дальнейшего хода нашего исследова-

---

[71] Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 1. С. 673.

[72] Подробнее о деятельности А.Г. Шляпникова и его сторонников после их поражения на X съезде партии см.: Санду Т.А. «Рабочая оппозиция» в РКП(б) (1919—1923 гг.): дис. … канд. ист. наук. Тюмень, 2006. С. 128—181.

[73] Резолюция X съезда партии «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии» объявила пропаганду идей «рабочей оппозиции» «несовместимой с принадлежностью к Российской коммунистической партии» (КПСС в резолюциях и решениях. Т. 2. С. 339).

[74] Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 45. М., 1970. С. 526—527.

[75] Санду Т.А. Указ. соч. С. 169—171.

ния, влияние этой традиции на решения членов «руководящего коллектива» партии сохранялось до начала 1930-х гг.

Основополагающим правилом коллективного руководства было ригористическое соблюдение принципа «единства» как условия сохранения прочности диктатуры большевистской партии и стабильности в высшем эшелоне власти. Теория социального конфликта предлагает логичное объяснение настроениям «единства», преобладавшим в Политбюро и ЦК: «Тесно сплоченные группы, для которых характерно непрерывное взаимодействие и глубокая личная вовлеченность их членов, имеют тенденцию к подавлению конфликтов… Следовательно, чем теснее отношения в группе, тем острее конфликт. Там, где личность целиком вовлечена в жизнь группы, а конфликты подавляются, конфликт, все-таки вырвавшийся наружу, скорее всего, будет угрожать самим основам взаимоотношений»[76]. Иными словами, как уже отмечалось в литературе, большинство членов «руководящего коллектива» партии опасалось внутрипартийной борьбы, поскольку «раскол в верхах означал, что непременно нужно было принимать чью-то сторону, втягиваться в борьбу и рисковать в случае поражения»[77].

Соблюдение принципа «единства» вступало в противоречие с нормами внутрипартийной (или, как тогда говорили, «рабочей»[78]) демократии. Переход конфронтации между членами высшего руководства партии в публичную сферу неизбежно приводил к обострению конфликта и создавал риски для большевистской диктатуры. Рыков однажды, характеризуя сущность коллективного руководства, заявил: «Что значит коллективное руководство? Мы спорим в Политбюро, доказываем друг другу правильность своей точки зрения и вместе все защищаем то, что решили»[79].

---

[76] Козер Л. Указ. соч. С. 180.
[77] Данилов В.П., Ватлин А.Ю., Хлевнюк О.В. Введение // Как ломали нэп. Т. 2. С. 6.
[78] В партийном лексиконе 1920-х гг. понятия «рабочая демократия» и «внутрипартийная демократия» являются равнозначными, поскольку РКП(б), по ее Уставу, определялась как политическая организация рабочего класса (РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 290).
[79] Как ломали нэп. Т. 4. С. 316.

Закрепление принципа «единства» в политическом сознании большевистской элиты было связано с последствиями профсоюзной дискуссии 1920—1921 гг. Осенью 1920 г. Ленин был сильно обеспокоен властными амбициями Троцкого, его стремлением подчинить профсоюзы своей власти. Победа над Троцким далась Ленину с большим трудом. Не найдя прочной поддержки в ЦК, Ленин вынужден был перенести разногласия на суд широкой партийной общественности. В конечном счете ему удалось добиться своей цели — победы над Троцким и обновления состава ЦК, однако обратной стороной этой победы стал рост популярности «рабочей оппозиции»[80].

Т.А. Санду полагает, что платформа «рабочей оппозиции» не угрожала «большевистской гегемонии в Советской России»[81]. Однако, как нам представляется, в действительности у Ленина были все основания считать, что практическая реализация идей «рабочей оппозиции» грозила создать альтернативу диктатуре большевистской партии. С.В. Цакунов верно заметил: «… лидеры "рабочей оппозиции" к концу 1920 — начала 1921 гг. сформулировали теоретическую платформу, в которой не просто критиковались недостатки политики ЦК, а предлагалась альтернативная система организации власти в стране, основанная на ведущей роли профсоюзов как организаций непосредственных производителей — рабочих… Ленин прекрасно знал, что в профсоюзах сохранялось сильное влияние меньшевиков и в случае соединения идей "рабочей оппозиции" и меньшевизма в российском рабочем движении могла возникнуть такая сила, которую уже никакими репрессиями не остановишь»[82].

Кроме того, следует отметить, что атмосфера ожесточенных споров способствовала усилению оппозиционных и анархических настроений среди матросов Балтийского флота, сыграв большую роль в созревании Кронштадтского мятежа. В докладе следственной комиссии ВЧК по делу о Кронштадтском мятеже отмечалось, что «одной из основных причин этого движе-

[80] Павлюченков С.А. Указ. соч. С. 37—48, 56—67.
[81] Санду Т.А. Указ. соч. С. 126.
[82] Цакунов С.В. Указ. соч. С. 37.

ния несомненно являлась страстная полемика в рядах РКП, ослабление внутренней спайки и падение партийной дисциплины в широких кругах членов партии»[83]. На X съезде партии Ленин, критикуя деятельность лидеров «рабочей оппозиции», заявил: «Вы признали, что остались в оппозиции. Вы на партийный съезд пришли с брошюрой т. Коллонтай, с брошюрой, на которой написано: "Рабочая оппозиция". Вы сдавали последнюю корректуру, когда знали о кронштадтских событиях и поднимавшейся волне мелкобуржуазной контрреволюции. И в этот момент вы приходите с названием «Рабочей оппозиции!»[84].

С тех пор в сознании большевистской элиты открытое противостояние между членами «руководящего коллектива» партии прочно связывалось с угрозой повторения «кронштадтских событий». Не случайно в критические моменты внутрипартийной борьбы об угрозе «нового Кронштадта» заявляли такие видные члены «руководящего коллектива», как Ф.Э. Дзержинский[85], К.Е. Ворошилов[86] и Е.М. Ярославский[87].

Принятая X съездом партии резолюция «О единстве партии» подводила итоги профсоюзной дискуссии и была направлена на обеспечение «строгой дисциплины внутри партии» и «полное уничтожение всякой фракционности». «Возрождение или допущение фракционности» трактовалось как нарушение дисциплины, наказуемое «всеми мерами партийных взысканий»: от изгнания из высших партийных органов до исключения из партии. При этом под «признаками фракционности» понималось «возникновение групп с особыми платформами и со *стремлением* (курсив мой — *Д.А.*) до известной степени замкнуться и создать свою групповую дисциплину»[88]. Иными словами, под запретом было не только создание сплоченных, организованных оппозиционных групп (фракций), но и составление и распространение оппози-

[83] Павлюченков С.А. Указ. соч. С. 65—66.
[84] X съезд РКП(б). 8 марта — 16 марта 1921 г. М., 1933. С. 117—118.
[85] Большевистское руководство. Переписка. С. 309—310.
[86] Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 2. С. 363.
[87] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 254. Л. 12.
[88] См.: КПСС в резолюциях и решениях. Т. 2. С. 334—337.

ционных документов. По существу, уже само появление таких документов квалифицировалось как «стремление» создать фракцию и тем самым внести раскол в ряды партии. Таким образом, резолюция «О единстве партии» закрепила в сознании большевистских функционеров представления о недопустимости оппозиционной деятельности и апелляции несогласных к партийной массе.

В историографии внутрипартийной борьбы 1920-х гг. расхожим является утверждение о том, что разрушение коллективного руководства и становление сталинской диктатуры было предопределено использованием Сталиным «секретарской власти». Так, Р. Такер следующим образом описывает механизм продвижения Сталина к единоличной власти: «Растущее влияние Генерального секретаря в провинции сразу же сказалось на политике партийного центра. Местные секретари и другие должностные лица, выдвинувшиеся благодаря рекомендациям Центрального Комитета, приезжали в Москву в качестве делегатов ежегодных партийных съездов и как таковые участвовали в выработке резолюций и формировании нового ЦК, который переизбирался на каждом съезде… Постоянно набирающие силу сторонники Сталина в ЦК со временем стали влиять на состав Политбюро, которое переизбиралось после каждого съезда на первом пленуме вновь избранного Центрального Комитета»[89].

Безусловно, благодаря должности генерального секретаря ЦК Сталин был в центре организационно-кадровой работы партии, оказывая влияние на карьеру многочисленных партийных функционеров среднего звена. Вскоре после назначения Сталина на пост генсека ЦК Оргбюро превратилось в формальный орган, деятельность которого в основном сводилась к подтверждению кадровых решений Секретариата ЦК[90]. Не случайно уже в августе

[89] Такер Р. Указ. соч. С. 272—273.
[90] Павлюченков С.А. Указ. соч. С. 181.

1922 г. А.М. Назаретян в письме Г.К. Орджоникидзе констатирует появление в московских политических кругах выражения «ходить под Сталиным»[91].

Вместе с тем нельзя согласиться с описанной выше схемой, утверждающей, что пополнение состава ЦК и Политбюро новыми членами в 1920-е гг. находилось под полным контролем Сталина, опиравшегося на поддержку собственной политической клиентуры. Имеющиеся в нашем распоряжении документы позволяют утверждать, что кадровые вопросы, касавшиеся формирования высшего эшелона власти, являлись предметом согласования наиболее авторитетных членов коллективного руководства. Об этом, в частности, свидетельствует письмо Сталина Бухарину от 17 апреля 1926 г., в котором он предлагал «подтягивать новых людей к ЦК, к Политбюро и готовить их для ЦК»[92]. Если Сталин действительно единолично определял результаты выборов в ЦК и Политбюро, то зачем ему было поднимать этот вопрос перед своим политическим партнером спустя всего лишь три с половиной месяца после XIV партсъезда, т.е. задолго до следующего партийного съезда?

В стенограмму апрельского пленума 1929 г. вошло заявление Орджоникидзе о том, что не припомнит «за два с половиной года своей работы в Москве[93]... ни одного серьезного назначения, смещения или простого перевода того или другого работника из одного района в другой без обсуждения на понедельничном заседании Политбюро»[94]. Примером такого коллегиального решения служит назначение А.И. Микояна на должность наркома внешней и внутренней торговли СССР. Шифротелеграмма за подписью Рыкова, Сталина и Бухарина была получена Микояном 9 августа 1926 г.: «Голо-

[91] Большевистское руководство. Переписка. С. 263.
[92] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 796. Л. 28.
[93] Переезд Орджоникидзе из Тифлиса в Москву состоялся осенью 1926 г. в связи с его назначением на должность председателя ЦКК, утвержденным 3 ноября 1926 г. на пленуме ЦК и ЦКК. Подробнее об обстоятельствах этого назначения см.: Хлевнюк О.В. Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в Политбюро в 30-е годы. М., 1993. С. 15—18.
[94] Как ломали нэп. Т. 4. С. 431—432.

сованием огромного большинства членов ЦК вы назначаетесь наркомторгом»[95].

Учитывая то, какое пристальное внимание члены «руководящего коллектива» уделяли кадровым перестановкам в высшем эшелоне власти, трудно представить, что они не согласовывали список новых членов ЦК заранее, до партийного съезда. На существование такой практики, в частности, указывает свидетельство Зиновьева о неформальных совещаниях членов ЦК в 1925 г., на которых рассматривался вопрос о Троцком: «В январе 1925 г. перед вынесением решения относительно т. Троцкого[96] предварительным совещанием цекистов-ленинцев было принято решение, которое хорошо известно участникам этого предварительного совещания… Решено было не выбирать Троцкого в ЦК на будущем, т.е. XIV съезде… Решение не выбирать Троцкого в ЦК было принято большинством, при двух воздержавшихся, за были все остальные (человек 45)… за пару дней до открытия XIV съезда на частных совещаниях, о которых рассказывали и на самом съезде, когда делались известные попытки отговорить нас от открытого выступления на XIV съезде, прямо и открыто предлагалось нам в виде "компенсации", что мы (т.е. большинство) будем вести к выполнению принятого решения и, по меньшей мере, к устранению Троцкого из Политбюро»[97].

Таким образом, вышеизложенное позволяет утверждать, что должность генерального секретаря ЦК предоставляла Сталину серьезный административный ресурс, однако этот фактор нельзя считать решающим, рассматривая вопрос о причинах победы Сталина во внутрипартийной борьбе и разрушения коллективного руководства.

---

[95] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 34. Л. 103.

[96] Речь идет о резолюции январского пленума 1925 г. «О выступлении т. Троцкого», в соответствии с которой Троцкий был снят с должности председателя Реввоенсовета СССР, вопрос об оставлении Троцкого в ЦК был отложен до ближайшего съезда партии (КПСС в резолюциях и решениях. Т. 3. С. 330).

[97] Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 1. С. 684.

1.2. Политбюро и Троцкий: «чужой» среди «своих» (1922—1924 гг.)

Ключевым фактором, определявшим в начале 1920-х гг. баланс сил в «руководящем коллективе» партии большевиков, был авторитет В.И. Ленина — безоговорочного лидера партии. Поэтому неудивительно, что болезнь Ленина (в мае 1922 г. случился первый инсульт Ленина) спровоцировала обострение противоречий в высшем эшелоне власти.

Летом 1922 г., когда впервые встал вопрос о политических наследниках Ленина, оформилась «тройка» — политический союз членов Политбюро Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева и И.В. Сталина. Каждый из них имел притязания на лидирующие позиции в партии после ухода Ленина. Зиновьев являлся председателем Исполкома Коминтерна и возглавлял Петроградский совет. Каменев являлся председателем Моссовета, 14 сентября 1922 г. он был утвержден в качестве заместителя председателя Совнаркома и СТО. Сталин с 3 апреля 1922 г. являлся генеральным секретарем ЦК.

Основные усилия этого негласного союза были направлены против Л.Д. Троцкого и его сторонников. Выбор Троцкого в качестве политического противника был обусловлен несколькими соображениями. Прежде всего, следует отметить, что Троцкий обладал достоинствами, позволявшими претендовать на роль главного политического наследника Ленина: авторитет второго человека в русской революции, выдающиеся интеллектуальные и агитационно-публицистические способности. Будучи председателем Реввоенсовета Республики, Троцкий имел большую популярность и влияние в Красной армии.

Наряду с этим в историографии отмечается и тот факт, что Троцкого, вступившего в большевистскую партию лишь накануне Октябрьской революции, многие представители старой партийной гвардии считали чужаком[98]. Показательно, что М.И. Калинин в выступлении на июльско-августовском

[98] Дойчер И. Указ. соч. С. 48.

пленуме 1927 г. противопоставил Троцкому Зиновьева и Каменева, назвав их «людьми чистой большевистской крови»[99].

Недоверие к Троцкому со стороны многих старых большевиков еще более усиливалось в связи с их привычкой проводить аналогии с Великой французской революцией. Влияние Троцкого в Красной армии порождало опасения по поводу возможности повторения сценария Великой французской революции, закончившейся установлением военной диктатуры Наполеона Бонапарта[100]. Даже такой последовательный сторонник Троцкого, как В. Серж писал в своих воспоминаниях о том, каким «критически мыслящие коммунисты» видели образ Троцкого: «… не такой свойский, как Ленин, что-то авторитарное в манере держаться… его политические решения текущих проблем казались мне свойственными характеру поистине диктаторскому. Разве не он создал Трудовые армии? Не он предложил поставить промышленность на военные рельсы, чтобы вывести ее из невероятной разрухи?». Более того, по мнению Сержа, «если бы Троцкий захотел», то смог бы заручиться поддержкой «армии и даже ГПУ» и осуществить «переворот против Политбюро Зиновьева—Каменева—Сталина»[101].

Биограф Троцкого И. Дойчер справедливо заметил, что «ни на одном из этапов борьбы Троцкий не сделал ни малейшей попытки обратиться за помощью к армии»[102]. Однако это не отменяет самой возможности (хотя бы и маловероятной) такого развития событий в тот период. Это впоследствии признавал сам Троцкий: «Нет никакого сомнения, что произвести военный переворот против фракции Зиновьева, Каменева, Сталина и проч. не составляло бы в те дни никакого труда, и даже не потребовало бы пролития крови…»[103]. Конечно, в некоторой степени эта фраза являлась проявлением бахвальства со стороны Троцкого. Тем не менее, наверняка в первой половине

---

[99] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 317. Л. 31.
[100] Дойчер И. Указ. соч. С. 110—111.
[101] Серж В. От революции к тоталитаризму. С. 169—170, 284.
[102] Дойчер И. Указ. соч. С. 178.
[103] Троцкий Л. Почему Сталин победил оппозицию? // Бюллетень оппозиции. 1935. № 46. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://web.mit.edu/fjk/www/FI/BO/BO-01.shtml

1920-х гг. подобное развитие событий допускали «триумвиры» и их сторонники. Во всяком случае, думается, что не случайно первое решительное действие «тройки» в отношении Троцкого выражало ее стремление установить контроль над ситуацией в военном ведомстве[104].

2 октября 1922 г. Ленин вернулся в Москву и приступил к своим прежним обязанностям. Однако, как впоследствии писала Н.К. Крупская, Ленина в последние месяцы его активной политической деятельности беспокоили «нравы, водворившиеся в наших верхах»[105]. Тактика «тройки» по отношению к Ленину сводилась к тому, чтобы, не вступая с ним в открытый конфликт, по возможности отстранить его от принятия решений по некоторым крупным вопросам текущей политики. «Тройка» старалась затягивать заседания Политбюро, поэтому нередко решения принимались уже после того, как Ленин по состоянию здоровья вынужден был покидать заседания[106].

Реагируя на эти маневры «тройки», Ленин 8 декабря 1922 г. продиктовал предстоящему пленуму ЦК предложение, касающееся изменений в регламенте работы Политбюро. Ленин настаивал на том, что Политбюро должно заседать по четвергам «с 11-ти и никак не позже 2-х». При этом для того, чтобы снять с обсуждения дополнительные вопросы, вносившиеся в день заседания, было достаточно протеста хотя бы одного из членов Политбюро[107].

Следует отметить, что Ленину была выгодна равновесная ситуация в Политбюро, поэтому он видел в Троцком фигуру, которую можно было использовать в качестве политического противовеса «тройке». В этой связи неудивительно, что Ленин крайне раздражительно воспринимал стремление «тройки» добиться политической изоляции Троцкого. Весьма красноречивым в этом отношении является содержание записки, которую Ленин адресовал Каменеву в июле 1922 г.: «"Выкидывает Ц[ентральный] к[омитет] или готов выкинуть здоровую пушку за борт", — Вы пишите. Разве это не безмерное

---

[104] См. резолюцию «О составе РВСР», принятую на сентябрьском пленуме ЦК 1923 г. (РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 147—148).
[105] РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 272.
[106] Наумов В.П. 1923 год: судьба ленинской альтернативы // Коммунист. 1991. № 5. С. 37.
[107] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 327.

преувеличение? Выкидывать за борт Троцкого — ведь на это Вы намекаете, иначе нельзя толковать — верх нелепости. Если Вы не считаете меня оглупевшим уже до безнадежности, то как Вы можете это думать???? Мальчики кровавые в глазах...»[108].

11 сентября 1922 г. Ленин обратился в Политбюро с предложением в качестве двух дополнительных заместителей председателя Совнаркома и СТО (помимо А.И. Рыкова и А.Д. Цюрупы) назначить Троцкого и Каменева. Думается, данное предложение Ленина было обусловлено стремлением приблизить к себе Троцкого, не обостряя при этом отношений с «тройкой». 14 сентября Политбюро, рассмотрев предложение Ленина, констатировало «категорический отказ т. Троцкого», подтвердив при этом назначение Каменева[109].

Выступая на октябрьском пленуме 1923 г., Троцкий следующим образом объяснил принятое им решение: «Я должен разъяснить вам, товарищи, мой разговор с Владимиром Ильичем, когда я говорил с ним о моем замстве и о прочих вещах. Дело в том, товарищи, что есть в моей работе один личный момент, который, не играя никакой роли в моей личной жизни, так сказать в быту, имеет большое политическое значение. Это — мое еврейское происхождение»[110]. Как нам представляется, данное объяснение носило формальный характер. Во всяком случае, «еврейское происхождение» не мешало Троцкому возглавлять Реввоенсовет и наркомат по военным и морским делам, иметь большую популярность в Красной армии. Более убедительным нам представляется объяснение, предложенное И. Дойчером: «Почему Троцкий отказался? Возможно, его гордость была задета назначением, формально ставившим его на один уровень с другими вице-премьерами, которые были не более чем подчиненными Ленина»[111].

---

[108] В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891—1922 гг. М., 2000. С. 544.
[109] Там же. С. 548—549.
[110] РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 258.
[111] Дойчер И. Указ. соч. С. 53.

Как бы то ни было, нежелание Троцкого становиться заместителем Ленина не помешало их политическому сближению, направленному против «тройки». Троцкий поддержал Ленина по вопросу о монополии внешней торговли. Ленин выступал против попыток «тройки» и ряда других членов ЦК добиться частичной отмены государственной внешнеторговой монополии. 6 октября 1922 г. на пленуме ЦК было принято постановление, которое предусматривало временное разрешение ввоза и вывоза по отдельным категориям товаров или применительно к отдельным границам. Ленин активно протестовал против этого постановления, поэтому опросом членов ЦК было принято решение перенести обсуждение данного вопроса до следующего пленума[112]. По состоянию здоровья Ленин вынужден был пропустить декабрьский пленум 1922 г. В письме от 13 декабря 1922 г. Ленин попросил Троцкого выступить с защитой их общей точки зрения на предстоящем пленуме ЦК[113]. После того, как 18 декабря 1922 г. пленум ЦК подтвердил государственную монополию внешней торговли, Ленин продиктовал Троцкому записку, в которой предлагал ему «не останавливаться и продолжать наступление» по вопросу о внешней торговле[114].

Блок Ленина и Троцкого в дальнейшем вполне мог лишить «тройку» ведущей роли в высшем эшелоне власти, однако этому помешало резкое ухудшение здоровья Ленина. В ночь с 22 на 23 декабря 1922 г. с Лениным случился новый инсульт, приведший к параличу правой стороны тела. Начался новый этап его политической деятельности, посвященный работе над так называемым «Политическим завещанием», которое представляло собой восемь статей и писем, продиктованных им с 23 декабря 1922 г. по 2 марта 1923 г. Среди них как опубликованные, так и неопубликованные при его жизни работы. К числу последних относится «Письмо к съезду», впервые опубликованное для всеобщего ознакомления в журнале «Коммунист» в 1956 г.

---

[112] В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 578—579.
[113] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 324.
[114] Там же. С. 327—328.

23 декабря Ленин приступил к диктовке «Письма к съезду». В первой части письма он обратился к предстоящему съезду партии с предложением провести реформу партийной власти. По его мнению, «устойчивость партии выиграла бы в тысячу раз» благодаря расширению числа членов ЦК до 50—100 человек за счет представителей рабочего класса[115].

24 декабря Ленин продолжил диктовку «Письма к съезду». Как следует из этой части письма, главной угрозой раскола партии он считал противостояние Сталина и Троцкого. Далее Ленин выразил опасения по поводу «необъятной власти», которую Сталин приобрел в качестве генсека. В Троцком Ленин отмечал излишнюю самоуверенность и «чрезмерное увлечение чисто административной стороной дела», проявленные им во время дискуссии о профсоюзах. Вместе с тем он называл Троцкого «самым способным человеком в настоящем ЦК»[116].

Продолжая перечень кратких характеристик, Ленин припомнил Зиновьеву и Каменеву их нерешительность накануне Октябрьской революции. При этом он подчеркнул, что их не стоит винить за этот эпизод. Называя Н.И. Бухарина «любимцем всей партии», Ленин в то же время осудил его теоретические воззрения как схоластические и не вполне марксистские. На следующий день, 25 декабря, Ленин продиктовал свои мысли по поводу личности Г.Л. Пятакова, которого обвинил в чрезмерном увлечении администраторством в политических вопросах[117]. 4 января 1923 г. Лениным было продиктовано важное добавление, в котором он утверждал, что Сталин «слишком груб», и этот недостаток «нетерпим в должности генсека». Поэтому Ленин рекомендовал снять Сталина с этой должности[118].

Как видно из анализа «Письма к съезду», Ленин не находил в своем окружении кандидатов, в полной мере достойных возглавить партию и госу-

---

[115] Там же. Т. 45. С. 343—344.
[116] Там же. С. 344—345.
[117] Там же. С. 345.
[118] Там же. С. 346.

дарство. Таким образом, в соответствии с «Письмом к съезду», в качестве приемлемой модели власти подразумевалось коллективное руководство.

До осени 1923 г. политическая борьба между «тройкой» и Троцким носила скрытый характер и представляла собой противостояние в рамках Политбюро по ряду вопросов.

Большие споры велись вокруг распределения обязанностей между членами Политбюро. Сталин в это время выдвигал проект о назначении Троцкого заместителем председателя Совнаркома, предлагая отдать под его «специальную заботу» ВСНХ. Троцкий выступил против этого предложения, изложив свою позицию в заявлении, адресованном Политбюро 15 января 1923 г.: «Под специальной заботой ВСНХ должно находиться у председателя ВСНХ. Роль специального "попечителя" только раздваивает ответственность и вносит неопределенность и путаницу в ту область, где важнее и ценнее всего определенность и ясность»[119].

15 февраля 1923 г. Троцкий выступил против предложения Зиновьева о введении принципа ведомственного разделения функций между членами Политбюро[120]. Отвергнутое в феврале предложение Зиновьева было принято 14 июня 1923 г. К сфере компетенции Троцкого были отнесены вопросы, связанные с деятельностью НКВТ и Главконцескома, а также борьбой с меньшевиками и эсерами[121]. В этой связи 15 июня 1923 г. Троцкий направил заявление в ЦК и ЦКК, в котором выразил свое несогласие с принятым решением, отметив нецелесообразность произведенного разделения труда[122].

Накануне XII съезда партии противостояние развернулось вокруг поправок к тезисам докладов Сталина и Троцкого. 5 марта 1923 г. Ленин обратился к Троцкому с просьбой «взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии», которое «находится под "преследованием" Сталина и Дзержинского». Вместе с этой запиской Ленина, переданной по телефону, Троцкий полу-

[119] Архив Троцкого. Т. 1. С. 11.
[120] Там же. С. 25.
[121] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 360. Л. 12.
[122] Архив Троцкого. Т. 1. С. 79—80.

чил статью «К вопросу о национальностях или об автономизации[123]. Уже на следующий день Троцкий добился от Сталина внесения существенных поправок к тезисам его доклада по национальному вопросу. Сталин вынужден был принять положение о необходимости перенести тяжесть критики на «великодержавный» уклон, а не противоположный ему «национальный» уклон. Кроме того, в конце марта 1923 г. Троцкий пытался (правда, безуспешно) добиться от Политбюро принятия решений, направленных на критику Сталина в связи с «грузинским инцидентом»[124].

«Тройка», в свою очередь, ответила своими поправками к докладу Троцкого о промышленности. 22 марта 1923 г. Политбюро по предложению Каменева поручило Троцкому внести в свои тезисы по промышленности две поправки. В первой поправке речь шла о значении сельского хозяйства для перспектив промышленного развития страны. Вторая поправка касалась взаимоотношений между партийными и хозяйственными органами[125]. 29 марта члены и кандидаты Политбюро написали письмо пленуму ЦК, в котором прозвучала критика в адрес Троцкого в связи с его нежеланием вносить поправки. Троцкий был обвинен в «недооценке роли крестьянства». Второй пункт обвинений состоял в том, что Троцкий «подает палец тем, кто добивается ликвидации руководящей роли партии»[126]. 4 апреля Сталин отправил телеграмму Троцкому в Харьков, в которой обвинил его в невыполнении постановления мартовского пленума ЦК о поправке по крестьянскому вопросу. Сталин заявил, что «вынужден» внести в Политбюро предложение о том, чтобы принятые мартовским пленумом поправки были «включены в тезисы целиком»[127]. В конечном итоге Троцкому оставалось только смириться с тем, что в принятую на XII съезде резолюцию «О промышленности» его тезисы вошли в угодной «тройке» редакции[128].

---

[123] Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 147—148
[124] Резник А. Троцкий и товарищи. С. 23, 274—275.
[125] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 342. Л. 4—5, 7—9; Двенадцатый съезд РКП(б). С. 810—815.
[126] Двенадцатый съезд РКП(б). С. 816—819.
[127] Там же. С. 820.
[128] См.: Там же. С. 675—688.

Несмотря на остроту предсъездовской полемики, на самом XII съезде (17—25 апреля 1923 г.) стороны предпочли не демонстрировать свои разногласия. «Тройка» не высказывала обвинений в адрес Троцкого по поводу «недооценки крестьянства». Троцкий не использовал против Сталина компромат по «грузинскому инциденту». Следует также отметить, что результаты выборов в новый состав ЦК, увеличенного до 40 человек, свидетельствуют о некотором ослаблении позиций Троцкого в высшем эшелоне власти. Как заметил О.Г. Назаров, в новом ЦК у Троцкого не было сторонников, кроме Х.Г. Раковского, К.Б. Радека и Г.Л. Пятакова, а сам Троцкий занял лишь 35 место по количеству поданных голосов[129].

Между тем, летом 1923 г. обострились противоречия внутри самой «тройки». Зиновьев, Бухарин и несколько других партийных руководителей стали выражать беспокойство по поводу усиления бюрократических позиций Сталина. В.П. Вилкова отмечает, что Зиновьев и Бухарин были возмущены кадровыми перестановками, предпринятыми Секретариатом ЦК в отношении их «вотчинных» ведомств — Петроградского комитета и газеты «Правда»[130]. 30 июля 1923 г. Зиновьев, находившийся на отдыхе в Кисловодске, писал Каменеву: «Во всех платформах говорят о “тройке”, считая, что и я в ней имею не последнее значение. На деле нет никакой тройки, а есть диктатура Сталина. Ильич был тысячу раз прав»[131].

В конце июля 1923 г. в одной из пещер под Кисловодском состоялось неофициальное совещание, в котором приняли участие Г.Е. Зиновьев, Н.И. Бухарин, К.Е. Ворошилов, Г.Е. Евдокимов, М.М. Лашевич, М.В. Фрунзе и Г.К. Орджоникидзе. На этом совещании обсуждался предложенный Бухариным проект изменения состава Секретариата ЦК. Ворошилов был единственным, кто выступил против всяческих изменений. Предполагалось, что в Секретариат ЦК для противовеса Сталину необходимо ввести Троцкого. В каче-

---

[129] Назаров О.Г. Сталин и борьба за лидерство. С. 85.

[130] Вилкова В.П. От составителя // РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 16—17.

[131] РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 129. Зиновьев имел в виду характеристику Сталина, данную Лениным в «Письме к съезду».

стве своеобразного буфера между двумя вождями рассматривались кандидатуры Зиновьева, Каменева и Бухарина[132].

В стенографический отчет июльского пленума 1926 г. было включено заявление Бухарина, в котором он объяснил подоплеку проекта, предложенного участникам «пещерного совещания»: «Я лично исходил из желания объединить в верхушке ЦК наиболее крупных работников ЦК, а именно Сталина, Троцкого и Зиновьева. Я полагал, что перед партией вырисовывается опасность атомизации руководства, и всеми силами стремился обеспечить мир внутри партии путем увязки разных оттенков в руководстве»[133]. Таким образом, это был проект, призванный сбалансировать расстановку сил в высшем эшелоне власти посредством ослабления бюрократической власти Сталина и элиминирования конфликта между «тройкой» и Троцким.

Ввести Сталина и Каменева в курс дела должен был отъезжавший в Москву Орджоникидзе[134]. Предложение об изменении состава Секретариата ЦК вызвало у Сталина сильное раздражение, которое он продемонстрировал в письмах от 3 и 7 августа 1923 г. В первом письме Сталин обвинил Зиновьева и Бухарина в том, что они «бесятся с жиру» на отдыхе и ставят под угрозу возможность их дальнейшей «дружной работы»[135]. Аналогичным по тону было второе письмо Сталина: «Вы пишите: "не примите и не истолкуйте разговор с Серго в другую сторону"[136]. Скажу прямо, что я истолковал именно "в другую сторону". Одно из двух: либо дело идет о смене секретаря теперь же, либо хотят поставить над секретарем специального политкома. Вместо ясной постановки вопроса вы оба ходите вокруг да около вопроса, стараясь обходным путем добиться цели и рассчитывая, видимо, на глупость людей… Я за смену секретаря, но я против того, чтобы был учинен институт политко-

[132] XIV съезд ВКП(б). С. 455—456; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 126. Л. 75.
[133] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 246. Вып. IV. Л. 53 об.
[134] РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 125.
[135] Там же. С. 135—136.
[136] Сталин неверно процитировал фрагмент письма Г.Е. Зиновьева от 31 июля 1923 г.: «Вашего мнения по поводу разговора с Серго жду с нетерпением. Не примите и не истолкуйте это в дурную сторону» (Там же. С. 132).

ма (политкомов и так немало: Оргбюро, Политбюро, Пленум)»[137]. Сталина поддержали находившиеся в Москве Рудзутак и Куйбышев[138]. Каменев колебался: в разговоре с Орджоникидзе он выразил мнение, что Зиновьев и Бухарин «преувеличивают», но в то же время написал Зиновьеву письмо, в котором выразил ему и Бухарину поддержку[139].

Однако предложения Зиновьева и Бухарина вскоре потеряли актуальность в связи с тем, что к концу августа 1923 г. все внимание большевистского руководства сосредоточилось вокруг вопроса о революционной ситуации в Германии. 11 июля 1923 г. ЦК КПГ наметил курс на ускоренную подготовку компартии к возможным решающим боям. Сталин сначала проявлял сдержанность в оценке возможностей германских коммунистов[140]. Зиновьев и Бухарин, напротив, сразу же поддержали решительный настрой руководства КПГ[141]. 31 июля Зиновьев писал Сталину: «Близко время громадных событий в Герм[ании]. Близко время, когда нам придется принимать решения всем[ирно]-историч[еской] важности»[142]. 9 августа по предложению Сталина Политбюро приняло решение обратиться к Зиновьеву, Троцкому и Бухарину с телеграммой следующего содержания: «Политбюро считает необходимым общее обсуждение международного положения в связи с событиями в Германии. Находите ли возможным приехать на пару дней для обсуждения с тем, что после обсуждения снова вернетесь в отпуск. Если согласны, сообщите, когда приедете, для того, чтобы назначить специальное заседание с вызовом немецких товарищей»[143]. Все трое, конечно, согласились прервать отпуск и приехали к заседанию Политбюро, назначенному на 21 августа[144].

22 августа на заседании Политбюро по германскому вопросу было принято постановление: «На основании имеющихся в ЦК материалов, в

---

[137] Там же. С. 137—138.
[138] Там же. С. 135.
[139] Там же. С. 135, 142.
[140] Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн: 1919—1943 гг. Документы. М., 2004. С. 156, 163.
[141] Там же. С. 155—158.
[142] Там же. С. 159.
[143] Там же. С. 164.
[144] Там же. С. 165.

частности, на основании писем товарищей, руководящих германской компартией, ЦК считает, что германский пролетариат стоит непосредственно перед решительными боями за власть». Для решения конкретных задач, связанных с подготовкой германской революции, была создана специальная комиссия в составе Зиновьева, Сталина, Троцкого, Радека и Чичерина[145].

В свете этих грандиозных ожиданий вопрос о реорганизации Секретариата ЦК, обсуждение которого обещало быть длительным и напряженным, был вытеснен из повестки дня. Как справедливо отмечается в литературе, Сталину удалось «погасить наступательный пыл Зиновьева и Бухарина», переключив их внимание на «более горячую германскую проблему»[146]. По всей видимости, в конце августа или начале сентября 1923 г. была достигнута договоренность о введении Троцкого, Зиновьева и Бухарина в Оргбюро ЦК[147]. В действительности, этот компромисс имел лишь символическое значение. Дело в том, что к тому моменту Оргбюро уже превратилось в формальный орган, который по своему значению значительно уступал Секретариату ЦК[148]. В этой связи неудивительно, что Троцкий, Бухарин и Зиновьев отказались от участия в работе Оргбюро[149].

Тем не менее, следует отметить, что проект реорганизации Секретариата ЦК, одобренный на «пещерном совещании» летом 1923 г., свидетельствует о том, что Троцкий, несмотря на конфронтацию с «тройкой» и некоторое ослабление позиций в Политбюро и ЦК, обладал особым политическим статусом «третьей силы», способной уравновесить расстановку сил в высшем эшелоне власти. Троцкий вполне мог извлечь политическую выгоду в случае нового обострения противоречий внутри «тройки» и снова выйти на ведущие роли в Политбюро и ЦК. Конечно, многое зависело от самого Троцкого, который должен был проявлять выдержку и действовать осторожно. Однако в дальнейшем события развивались по совершенно иному сценарию.

---

[145] Там же. С. 167.
[146] Хлевнюк О. Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М., 2015. С. 116.
[147] XIV съезд ВКП(б). С. 456.
[148] Павлюченков С.А. Указ. соч. С. 181.
[149] XIV съезд ВКП(б). С. 456.

Важное значение имел сентябрьский пленум ЦК (23—25 сентября 1923 г.), который в виду усиленной подготовки к революции в Германии рассматривался как экстренный[150]. На пленуме по предложению В.В. Куйбышева был поднят вопрос о расширении Реввоенсовета. Предлагалось пополнить Реввоенсовет группой так называемых «военных цекистов» (И.В. Сталин, К.Е. Ворошилов, Г.К. Орджоникидзе, М.М. Лашевич, Г.Л. Пятаков) и командующим Московским военным округом Н.И. Мураловым. Троцкий выступил с протестом против этого предложения и со скандалом покинул пленум[151]. В тот же день уже без участия Троцкого пленум принял постановление «О составе РВСР», объявлявшее о пополнении состава Реввоенсовета новыми членами. «Советское оформление этого решения» откладывалось «до начала мобилизации» с оговоркой, что «один или двое из этих последних шести товарищей» уже в ближайшее время должны быть введены в Реввоенсовет «по определению Политбюро»[152]. Кроме того, Реввоенсовету предлагалось создать под руководством Троцкого исполнительный орган из нескольких членов, включая Сталина[153].

Безусловно, резолюция «О составе РВСР», принятая сентябрьским пленумом 1923 г., носила провокационной характер, поскольку негативная реакция Троцкого была предсказуемой. В этой связи в историографии закрепилось мнение о том, что ответственность за обострение внутрипартийной борьбы осенью 1923 г. должна быть возложена исключительно на «тройку»[154]. Думается, что такая оценка верна только отчасти. Следует учитывать, что в расчетах большевистского руководства Красной армии отводилась одна из ведущих ролей (если не решающая) в грядущей революции в Германии. Это, в свою очередь, неизбежно привело бы к усилению влияния Троцкого. Поэтому стремление «тройки» заблаговременно установить контроль над во-

[150] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 377. Л. 18.
[151] РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 205—206.
[152] 27 октября 1923 г. решением Политбюро в состав РВСР были введены Ворошилов и Лашевич (Там же. С. 149).
[153] Там же. С. 147—148.
[154] Вилкова В.П. Примечания // РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 148—149; Роговин В.З. Была ли альтернатива?. С. 100.

енным ведомством вполне вписывалось в парадигму коллективного руководства, предусматривавшую применение системы сдержек и противовесов.

Ответные действия Троцкого нарушали нормы коллективного руководства и значительно обострили ситуацию. Троцкий, обиженный вмешательством «тройки» в его сферу влияния, перешел в открытое наступление, положив начало выходу внутрипартийной борьбы за рамки Политбюро. В письме членам ЦК и ЦКК от 8 октября 1923 г. он выступил с резкой критикой «внутрипартийной обстановки»: «а) в корне неправильный и нездоровый внутрипартийный режим и б) недовольство рабочих и крестьян тяжелым экономическим положением, которое сложилось не только в результате объективных трудностей, но и в результате явных коренных ошибок хозяйственной политики»[155].

Экономический кризис осени 1923 г. Троцкий напрямую связывал с недостатками внутрипартийного режима: «Назначение секретарей губкомов стало теперь правилом. Это создает для секретаря независимое, по существу, положение от местной организации… Создалась за последние год—полтора специфическая секретарская психология, главной чертой которой является убеждение, что секретарь способен решать все и всякие вопросы, без знакомства с существом дела… Такая практика тем вреднее, что она рассеивает и убивает чувство ответственности»[156]. Инцидент, произошедший на сентябрьском пленуме Троцкий трактовал как «подготовительный шаг к заранее намеченной цели»[157], под которой, очевидно, имелось в виду его отстранение от управления военным ведомством. В конце письма Троцкий призвал «руководящую группу» осознать «последствия искусственно поддерживаемого ею режима» и «содействовать переводу партийной жизни на более здоровые рельсы»[158].

---

[155] РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 155.
[156] Там же. С. 159.
[157] Там же. С.163.
[158] Там же. С. 164.

Нельзя не отметить, что, отстаивая принципы внутрипартийной демократии и выступая против аппаратного бюрократизма и назначенства, Троцкий фактически повторил платформу «рабочей оппозиции», разгромленной ранее при его непосредственном участии[159]. Неудивительно, что демократическая риторика Троцкого не вызывала доверия даже у некоторых из тех, кто в конце 1923 г. сочувствовал оппозиции: «... вся прошлая деятельность т. Троцкого ясно показывает, что он сторонник бюрократических антидемократических методов в такой же мере, как и тт. Сталин, Зиновьев и пр. ... Теперь, по-видимому, т. Троцкий стоит за "демократизм", но, по моему мнению, доверять ему особенно в этом вопросе нельзя»[160].

Письмо Троцкого от 8 октября стало достоянием московских партийных кругов почти сразу же после своего появления. Об этом, в частности, свидетельствует письмо старого большевика Р.П. Рейна, адресованное ЦК 13 октября 1923 г.: «Отзвуки происшествия на пленуме ЦК и отзвуки письма тов. Троцкого в ЦК и прочее стали достоянием масс и растолковываются на разные лады...»[161].

15 октября 1923 г. Президиум ЦКК принимает резолюцию, которая в резкой форме осуждает выступление Троцкого, квалифицировав его как «попытку организации фракции». В резолюции подчеркивалось, что «выступления, подобные выступлению тов. Троцкого, грозят сорвать это единство и могут стать гибельными для революции... Поэтому Президиум ЦКК считает необходимым во что бы то ни стало избежать широкой партийной дискуссии»[162].

Существенное обострение ситуации вызвало «Заявление 46-ти», поступившее в Политбюро 15 октября 1923 г. Подписавшие этот документ были не просто партийными функционерами, а видными представителями старой партийной гвардии. Среди подписантов были как некоторые сторонники

---

[159] Подробнее см.: Санду Т.А. Указ. соч. С. 123, 126.
[160] Пестковский С. По поводу письма т. Сталина (см. «Правда» от 15 декабря с.г.) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 27. Л. 73. По решению редакции «Правды» заметка Пестковского не была опубликована.
[161] РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 173.
[162] Там же. С. 178—180.

Троцкого, так и сторонники фракции «Демократический централизм». А.В. Резник, изучавший персональный состав петиционеров, пришел к выводу о том, что «каналы сбора подписей находились в подвижных границах состава ответственных членов партии, чьи отношения были построены на личном доверии и недавних политических союзах»[163].

«Заявление 46-ти» содержало выразительное описание недостатков внутрипартийного режима. «Под внешней формой официального единства, — говорилось в этом документе, — мы на деле имеем односторонний, приспособляемый к взглядам и симпатиям узкого кружка подбор людей и направление действий… В результате… партия в значительной степени перестает быть живым самодеятельным коллективом… Вместо этого мы наблюдаем все более прогрессирующее, уже почти ничем не прикрытое разделение партии на секретарскую иерархию и "мирян", на профессиональных партийных функционеров, подбираемых сверху, и прочую партийную массу, не участвующую общественной жизни»[164]. В заявлении подчеркивалась необходимость устранения «режима фракционной диктатуры в партии» и установления вместо него «режима товарищеского единства внутрипартийной демократии». Для этого в качестве «первого и неотложного шага» предлагалось созвать совещание членов ЦК с участием авторитетных большевиков, имеющих взгляды на положение в партии и в стране, отличающиеся от взглядов большинства ЦК[165].

19 октября 1923 г. в адрес ЦК и ЦКК был направлен «Ответ» восьми членов и кандидатов в члены Политбюро. Как утверждает В.П. Вилкова, по всей вероятности, автором этого документа является Сталин, поскольку стиль изложения и приводимая аргументация почти совпадают с его выступлением на октябрьском пленуме ЦК и ЦКК[166]. В «Ответе» подчеркивалось, что Троцкий в своем письме от 8 октября, «нападая первый на ЦК партии,

---

[163] Резник А. Троцкий и товарищи. С. 137.
[164] РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 181—182.
[165] Там же. С. 183.
[166] Вилкова В.П. Примечания // РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 214.

выступает в качестве зачинщика борьбы против ЦК, в качестве инициатора, дающего лозунг наступления на ЦК в трудный момент международного положения»[167]. Поток обвинений в адрес Троцкого напрямую связывался с «Заявлением 46-ти». На этом основании делался вывод о том, что «тов. Троцкий стал центром, вокруг которого собираются все противники основных кадров партии»[168].

25—27 октября 1923 г. состоялся экстренный объединенный пленум ЦК и ЦКК с участием представителей десяти крупных промышленных парторганизаций. При этом в соответствии с принятым ранее решением Политбюро, выбор организаций и их представителей осуществлялся непосредственно Секретариатом ЦК[169]. 26 октября Троцкий и Сталин обратились к пленуму со своими заключительными речами. Троцкий заявил о существовании «тройки» в Политбюро и о том, что ЦКК стала орудием Секретариата ЦК во внутрипартийной борьбе[170]. Сталин фактически повторил оценки, данные ранее в «Ответе» членов и кандидатов в члены Политбюро. Он заявил, что «суть вопроса» в том, что Троцкий, «выступая через головы членов ЦК, создает обстановку фракционной борьбы, делает шаг, чрезвычайно опасный»[171].

О характере происходившей на октябрьском пленуме полемики свидетельствует адресованное Г.Е. Зиновьеву письмо Н.К. Крупской. Будучи сторонницей «тройки», Крупская, тем не менее, упрекнула ее в грубости по отношению к Троцкому: «Во всем этом безобразии… приходится винить далеко не одного Троцкого. За все происшедшее приходится винить и нашу группу: Вас, Сталина и Каменева. Вы могли, конечно, но не захотели предотвратить это безобразие… Наши сами взяли неверный, недопустимый тон. Нельзя создавать атмосферу такой склоки и личных счетов»[172].

---

[167] РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 197.
[168] Там же. С. 212.
[169] Там же. С. 193—194.
[170] Там же. С. 247—248.
[171] Там же. С. 252.
[172] РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 272.

Принятое на октябрьском пленуме постановление одобрило «политическую линию и практическую работу Политбюро, Оргбюро и Секретариата». В постановлении утверждалось: «Путь, избранный тов. Троцким, послужил сигналом к фракционной группировке (заявление 46-ти)… Пленумы ЦК и ЦКК и представители 10-ти парторганизаций решительно осуждают заявление 46-ти, как шаг фракционно-раскольнической политики, принявшей такой характер хотя бы и помимо воли подписавших это заявление»[173].

Известия о борьбе в высшем эшелоне власти постепенно становились достоянием партийных масс. Лозунги демократизации внутрипартийной жизни находили отклик среди рядовых членов партии. Опасения потерять контроль над ситуацией вынуждают «тройку» инициировать общепартийную дискуссию, представив «руководящее ядро» партии в роли защитника внутрипартийной демократии.

Дискуссия о внутрипартийной демократии развернулась в общепартийном масштабе с ноября 1923 г. по январь 1924 г. Начало дискуссии было положено 7 ноября 1923 г. публикацией в «Правде» статьи Г.Е. Зиновьева «Новые задачи партии». В этой статье говорилось о «чрезмерном штиле» во внутрипартийной жизни и необходимости перемен. «Без излишне громких слов о святости принципов рабочей демократии, — провозглашал Зиновьев, — необходимо внутрипартийную рабочую демократию применять на деле — усилить свободную дискуссию в партии по общеполитическим, хозяйственным и другим вопросам»[174].

Опубликовав статью Зиновьева, редакция «Правды» предложила развернуть на своих страницах дискуссию по затронутым в ней вопросам[175]. Данное предложение вызвало значительный отклик. Только за одну неделю в редакцию газеты поступило более 100 статей и писем, причем количество поступающих материалов с каждым днем увеличивалось[176]. По словам одно-

---

[173] Там же. С. 266.
[174] Правда. 1923. 7 ноября.
[175] Там же.
[176] Правда. 1923. 27 ноября.

го из лидеров оппозиции Т.В. Сапронова, большинство авторов не относилось «ни к партийным верхам, ни к профессиональным литераторам»[177]. Анализ ноябрьских материалов «Правды» позволяет сделать вывод о том, что в значительном большинстве дискуссионных статей констатировался нездоровый характер сложившегося внутрипартийного режима. Отмечались такие проблемы внутрипартийной жизни, как отсутствие демократизма в партии, аппаратный бюрократизм и оторванность аппарата от рядовых членов партии[178]. Более того, некоторые авторы не согласились уже с самим названием зиновьевской статьи. Подчеркивалось, что Зиновьевым были подняты отнюдь не новые вопросы, поскольку задача демократизации внутрипартийного режима была поставлена еще X съездом партии[179].

29 ноября Зиновьев написал Сталину и Молотову письмо, в котором поделился своими впечатлениями от посещения собрания в Коммунистическом университете имени Я.М. Свердлова: «Прочитавши записки свердловцев… вижу, что дело хуже, чем я думал. Университет взбаламучен. Ряд элементов злобных и злостных. Куча сплетен и легенд. Большое озлобление против Цека (против меня особая кампания, как водится). Группа Преобр[аженского] [180], видимо, организовалась и действует по всей Москве. Свердловцы могут наделать больших бед в Московской организации. Нужны серьезнейшие меры в отношении Моск[овской] орг[анизац]ции. Иначе будет поздно. Нужно 10 первоклассн[ых] работников нашего направления. Иначе Москва ускользнет из наших рук. Это срочно»[181].

Нарастание оппозиционных настроений вынудило «тройку» пойти на временный компромисс с оппозицией. 29 ноября внутри Политбюро была создана комиссия, призванная выработать проект резолюции о внутрипартий-

---

[177] Правда. 1923. 8 декабря.

[178] См., напр., заметки А. Камень (Правда. 1923. 11 ноября, 13 ноября), Ф. Ксенофонтова (Правда. 1923. 17 ноября), Ф. Климова (Правда. 1923. 18 ноября), М. Чарного (Правда. 1923. 22 ноября) и Е. Преображенского (Правда. 1923. 28 ноября).

[179] См., напр.: Камень А. На повороте // Правда. 1923. 13 ноября.

[180] Е.А. Преображенский — близкий соратник Троцкого, был первым подписавшимся под «Заявлением 46-ти» и наиболее вероятным автором этого документа (Резник А. Троцкий и товарищи. С. 133).

[181] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 26. Л. 91.

ном положении. Для окончательной редакции подготовленного проекта резолюции 3 декабря была создана подкомиссия в составе Сталина, Каменева и Троцкого[182]. Троцкий в это время был болен, поэтому заседания подкомиссии проходили у него дома[183]. 5 декабря 1923 г. текст резолюции «О партстроительстве» был единогласно утвержден на совместном заседании Политбюро и Президиума ЦКК. 7 декабря 1923 г. резолюция «О партстроительстве» была опубликована в «Правде».

В тексте резолюции указывалось на необходимость «действительного и систематического проведения принципов рабочей демократии». В качестве этих принципов были выделены «свобода открытого обсуждения всеми членами партии важнейших вопросов партийной жизни, свобода дискуссий по ним, а также выборность руководящих должностных лиц и коллегий снизу доверху». При этом подчеркивалось, что «рабочая демократия… вовсе не предполагает свободу фракционных группировок, которые для правящей партии крайне опасны, ибо всегда грозят раздвоением или расщеплением правительства и государственного аппарата в целом»[184].

В историографии неоднократно отмечался формальный характер резолюции «О партстроительстве»[185]. Действительно, этот документ не содержал принципиальных положений, гарантирующих переход к курсу на развитие внутрипартийной демократии. Не случайно 5 декабря, в день утверждения резолюции «О партстроительстве», Троцкий написал документ, в котором изложил разногласия, возникшие в «Подкомиссии трех» при подготовке резолюции: «… т. Троцким выражалось опасение того, что консерватизм партийного аппарата, привычка к бюрократическим методам управления партией станут как серьезнейшее препятствие на пути осуществления нового курса… Именно в этих целях своевременного воздействия на персонал партий-

[182] Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 170.
[183] Троцкий Л.Д. Моя жизнь. С. 474.
[184] Правда. 1923. 7 декабря; РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 288.
[185] Вилкова В.П. От составителя // РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 22; С. 207; Олех Г.Л. Указ. соч. С. 137; Карр Э.Х. Указ. соч. С. 74.

ного аппарата т. Троцкий настаивал на более решительных, категорических и отчетливых формулировках различных частей документа»[186].

Несмотря на появление резолюции от 5 декабря 1923 г., этого формально примиряющего документа, дискуссия о внутрипартийной демократии продолжала обостряться. Воодушевленные сигналом «сверху», некоторые партячейки выдвигали весьма радикальные требования. Так, ячейка Московской горной академии потребовала аннулировать партийный устав, дающий вышестоящим органам право назначать секретарей ячеек и райкомов. Кроме того, эта ячейка призвала не только переизбрать партийные комитеты «снизу доверху, а не сверху вниз», но и пересмотреть решения партийной чистки 1921 г. Члены ячейки завода «Метрон» требовали предоставить всем партийцам право посещать заседания любого партийного комитета, а также положить конец практике составления «секретных характеристик» на членов партии[187].

Широко практиковалось распространение оппозиционных документов по каналам личной коммуникации. Так, А. Шабион, ответственный секретарь одной из московских ячеек, 13 декабря 1923 г. написал Молотову докладную записку: «Среди рядовых членов партии распространено "письмо тов. Троцкого" Центральному Комитету о несогласии с политикой ЦК и стремлении последнего отстранить т. Троцкого от его работы в РВСР как человека "опасного" и "вредного". Вчера вечером после заседания в ячейке ВЛХИ[188] мне об этом в письме рассказывал один из студентов, который добавил, что это "письмо" он получил от тов., близко стоящего к ЦК»[189]. По всей видимости, в адрес руководства партии поступило немало подобных сообщений. В постановлении Политбюро от 8 декабря 1923 г. констатировалось: «В ЦК поступает все больше сведений о том, что известное письмо тов. Троцкого и письмо 46-ти, отклоненное пленумами ЦК и ЦКК, как акты фракционности, получа-

[186] РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 286.
[187] Пирани С. Русская революция в отступлении. М., 2013. С. 319.
[188] Высший литературно-художественный институт.
[189] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 26. Л. 20-б.

ют все большее распространение (например, на Украине — в армии, согласно заявления представителя ЦКК, в Москве — в Свердловском Университете, согласно заявления тов. Лядова[190], эти письма ходят широко по рукам и т.д.)»[191].

Троцкий, заболевший в конце октября 1923 г., не принимал участие в собраниях партийных организаций. По собственному признанию, он «прохворал дискуссию 1923 г. против "троцкизма"»[192]. Тем не менее, в связи с оживлением партийных масс Троцкий принимает решение через «Правду» обратиться непосредственно к партийным организациям. 8 декабря 1923 г. он направил для публикации в «Правде» статью-письмо под заголовком «Новый курс»[193]. Публикация статьи Троцкого состоялась только 11 декабря. Эту задержку главный редактор «Правды» Н.И. Бухарин объяснил в заявлении, адресованном Политбюро и Президиуму ЦКК: «... статья задержалась на два дня только потому, что я, не успев дочитать ее до конца, был вызван в Краснопресненский район. А так как прочитанное мною вызвало во мне чувство глубочайшего изумления и было понято как *объявление войны* (курсив мой — *Д.А.*), то я просил статью задержать до того, как я прочту ее целиком. В тот день собрание кончилось слишком поздно. Следующий день был праздничным. Отсюда запоздание на два дня»[194].

В данной статье Троцкий утверждал, что суть «нового курса», провозглашенного в резолюции «О партстроительстве», заключается в следующем: «Центр тяжести, неправильно передвинутый при старом курсе, должен быть передвинут в сторону активности, критической самодеятельности, самоуправления партии... Партия должна подчинить себе свой аппарат, ни на минуту не переставая быть централизованной организацией». По словам Троцкого, существовала опасность «перерождения "старой гвардии"», от-

---

[190] М.Н. Лядов — ректор Коммунистического университета имени Я.М. Свердлова (1923—1929 гг.).
[191] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 26. Л. 182.
[192] Троцкий Л.Д. Моя жизнь. С. 473.
[193] В январе 1924 г., накануне открытия XIII партконференции (16—18 января 1924 г.), была опубликована одноименная брошюра, в которую вошли работы Троцкого, написанные в декабре 1923 — январе 1924 гг. (См.: Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 164—203).
[194] РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 308.

чужденной от молодого поколения в условиях аппаратного бюрократизма. В качестве необходимой меры на пути к демократизации партии Троцкий рассматривал «обновление партийного аппарата… с целью замены оказенившихся и обюрократившихся свежими элементами, тесно связанными с жизнью коллектива»[195]. В.М. Азаренко обращает внимание на то, что эффект статьи «Новый курс» усиливался тем, что уже на следующий день после ее публикации в «Правде» появились критические резолюции из районов[196].

8 декабря 1923 г., еще до опубликования статьи «Новый курс», Зиновьев во время заседания Политбюро адресовал Сталину, Каменеву, Рыкову и Томскому записку, в которой призвал своих коллег срочно усилить борьбу с оппозицией: «Они действуют по всем правилам фракционного искусства. Если мы немедленно не создадим своей настоящей архисплоченной фракции — все пропадет. Я предлагаю этот вывод сделать в первую очередь. Я предлагаю завтра (в воскресенье) собраться специально по этому вопросу, — может быть, у Сталина за городом или у меня». Предложение Зиновьева было единогласно поддержано[197]. Учитывая вышеизложенное, неудивительно, что статья Троцкого «Новый курс» спровоцировала резкое обострение внутрипартийной борьбы и начало кампании персональной дискредитации Троцкого.

13 декабря «Правда» вышла с передовой статьей «Наша партия и оппортунизм», написанной Бухариным. В данной статье содержался недвусмысленный намек на «политическое банкротство» Троцкого, «выдумавшего аргументы против политической линии партии»[198]. 14 декабря восемь членов и кандидатов в члены Политбюро направили письмо членам и кандидатам в члены ЦК и ЦКК. Против Троцкого было выдвинуто сразу несколько обвинений: «1) в натравливании одной части партии против другой, 2) в натрав-

---

[195] Правда. 1923. 11 декабря.
[196] Азаренко В.М. Большевистская печать как инструмент внутрипартийной борьбы (1920—1928 гг.): дис. … канд. ист. наук. Славянск-на-Кубани, 2008. С. 97.
[197] РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 295—296.
[198] Правда. 1923. 13 декабря.

ливании партийной молодежи против основного ядра партии и 3) в дискредитировании центрального руководящего ядра партии»[199].

15 декабря в «Правде» публикуется статья Сталина «О дискуссии, о Рафаиле, о статьях Преображенского и Сапронова и о письме Троцкого». Сталин указал на «беспорядочное отступление оппозиции», не имевшей реальной поддержки в партийных организациях. По его словам, Троцкий не имел оснований причислять себя к «старой гвардии» и рассуждать об опасности ее «перерождения»[200]. Зиновьев, разъясняя «ошибки» Троцкого на одном из партийных собраний, представил его взгляды как чуждые большевистской партии: «Меня спрашивают в одной из записок: в чем ошибка тов. Троцкого, неужели действительно он хочет зла партии? Смешно говорить об этом: понятно тов. Троцкий, как и мы все, хочет добра партии, заслуги тов. Троцкого нам всем слишком хорошо известны. А ошибка объясняется тем, что он не знает нашей партии. Тов. Троцкий ясно представляет себе государственный механизм, но он не знает механизм партии во всех его тонкостях, и поэтому не понимает, что без аппарата, без губкомов мы даже единого налога не соберем и никогда не поправим бюрократизации в государственном аппарате. И это отсутствие интимного знания партии не вина, а беда тов. Троцкого»[201].

Несколько лет спустя Бухарин рассказывал, что в тот период Зиновьев даже ставил вопрос о необходимости арестовать Троцкого[202]. Отметим, что данное свидетельство согласуется с тем фактом, что в конце 1923 — начале 1924 гг. в Москве распространялся слух о скором аресте Троцкого[203]. В общем, в этот период отношения Троцкого и большинства членов Политбюро обострились до предела. Принимая это обстоятельство во внимание, следует согласиться с мнением А.В. Гусева: во время дискуссии Троцкий не принимал личного участия на партсобраниях не только по причине болезни, но

[199] РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 310.
[200] Правда. 1923. 15 декабря.
[201] РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 46. Л. 58—59.
[202] Там же. Оп. 2. Д. 329. Л. 71.
[203] Резник А. Троцкий и товарищи. С. 110, 306.

также «из-за нежелания идти на публичный разрыв с большинством членов Политбюро»[204].

В середине декабря 1923 г. общепартийная дискуссия вступила в решающую стадию. Развернувшаяся в партийных организациях полемика по вопросу о партстроительстве приобрела принципиальный характер. Партийные собрания различных уровней были поставлены перед выбором: поддержать линию ЦК в этом вопросе или занять сторону оппозиции. Результаты дискуссии в парторганизациях публиковались в течение целого месяца, с середины декабря 1923 г. до середины января 1924 г. Линию ЦК в вопросе о поддержало 46 пленумов губкомов и райкомов (только 1 пленум высказался против ЦК, 1 пленум занял нейтральную позицию)[205]. Значительное большинство провинциальных партийных ячеек также поддержало линию ЦК (277 ячеек за ЦК; 27 против ЦК; 30 заняли нейтральную позицию)[206]. Наибольшей поддержки оппозиция добилась в московских ячейках. На стороне оппозиции оказалось большинство вузовских ячеек Москвы (13 за ЦК; 30 против ЦК; 4 заняли нейтральную позицию). Тем не менее, большинство ячеек Москвы поддержало линию ЦК (204 за ЦК; 78 против ЦК; 24 заняли нейтральную позицию)[207].

14—15 января 1924 г. состоялся пленум ЦК, который должен был обсудить вопросы, выносимые на предстоящую XIII партконференцию. Главное обвинение фракции большинства в адрес оппозиции было в полной мере выражено в выступлении Бухарина: «Оппозиция видит одну опасность. Она видит опасность бюрократизма нашего аппарата, а об остальных опасностях не заботится. За бюрократической опасностью она не видит политической демократической опасности. В этом заключается их так называемый меньшевизм, как определенный уклон»[208]. Констатируя неоднородность партии, Бухарин поставил следующую задачу: «Рабочих, которые выражают

[204] Гусев А.В. «Децисты» — пролетарская оппозиция сталинизму. С. 55.
[205] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 30. Л. 52.
[206] Там же. Л. 53.
[207] Там же. Л. 62.
[208] РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 399—400.

здоровую тенденцию, изолировать от оппозиционных вождей. Что касается группировок, вождей, то надо одну часть из них ассимилировать (тех, которые способны на это), другую часть — дисциплинировать»[209].

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что составление и распространение Троцким и его сторонниками оппозиционных документов в последние месяцы 1923 г. являлось грубым нарушением правил коллективного руководства. Демократическая риторика Троцкого и «группы 46-ти» воспринималась руководящим большинством партии как угроза диктатуре большевистской партии, основанной на полном контроле над партийно-государственным аппаратом.

Заметим, что поражение левой оппозиции в общепартийной дискуссии 1923/24 гг. было обусловлено не только административным ресурсом, который был задействован руководящим большинством. Старая партийная гвардия из соображений «единства» была вынуждена принять сторону большинства ЦК. А.В. Луначарский, находившийся с Троцким в хороших личных отношениях, писал ему по завершении дискуссии: «Вы знаете, что я ездил в поездку, направленную против оппозиции. Я совершенно не сочувствую оппозиции не в том смысле, конечно, чтобы я был сторонником затянувшейся гипертрофии централизма, в этом отношении в партии, кажется, нет двух мнений, но я до чрезвычайности боюсь партийного раскола… Раскол партии — это, к сожалению, самая большая опасность, которая нам только грозит в ближайший период времени. Простите меня за откровенность, но я считаю, что каковы бы ни были малоизвестные мне предпосылки Ваших последних публичных выступлений, эти (пропущено слово — *Д.А.*) сами по себе были правильно оценены общественным мнением как опасные именно с вышеуказанной точки зрения»[210].

---

[209] Там же. С. 400.
[210] РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 523. Л. 1.

Некоторые исследователи полагают, что левой оппозиции следовало выступить против однопартийной системы[211]. Хотя подобные рассуждения и являются утопичными, они выражают верную, на наш взгляд, мысль: борьба за внутрипартийную демократию в рамках большевистской диктатуры была обречена на поражение.

Вместе с тем победа в общепартийной дискуссии 1923/24 гг. стоила коалиции большинства в Политбюро значительных усилий и привела к окончательному укоренению в сознании большевистской элиты представлений о недопустимости публичных дискуссий. Бухарин, рассуждая об итогах дискуссии, предупреждал Зиновьева об опасности повторения подобного развития событий: «Очень боюсь, что Вы увлечетесь победой, тем, что удалось "свалить сверхчеловека", тащащего на неправильные рельсы и т.д. В особенности может затуманить мысль то обстоятельство, что удалась штука, которая не удавалась даже Ильичу. Прошу Вас не переоценивать ни размеров, ни характера, ни прочности победы. Мы сражались по существу только в Москве. Мы имели в руках весь аппарат. Мы имели печать и т.д. Наконец, мы имели — что очень важно — в своих руках идею единства и преемственности партийной традиции, персонально воплощенную. И все же оппозиция в Москве оказалась довольно значительной, чтобы не сказать больше»[212].

Итоги общепартийной дискуссии подвела XIII партконференция, состоявшаяся 16—18 января 1924 г. Она приняла развернутую резолюцию под названием «Об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии». Данная резолюция нанесла первый серьезный удар по политической репутации Троцкого. Впервые его позиции были квалифицированы как «попытка ревизии большевизма», «прямой отход от ленинизма» и «явно выраженный мелкобуржуазный уклон»[213]. Тем самым было положено начало политиче-

---

[211] См., напр.: Daniels R.V. The Conscience of the Revolution. P. 230; Олех Г.Л. Указ. соч. С. 182—183; Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И. Лев Троцкий. Книга третья. Оппозиционер. 1923—1929 гг. М., 2013. С. 303.
[212] Цит. по: Якушев С.В. Из истории создания партийных архивов в СССР // Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 61—62.
[213] КПСС в резолюциях и решениях. Т. 3. С. 156.

ской дискредитации Троцкого, его превращению из триумфатора революции и гражданской войны в «политического еретика».

После того, как Троцкий потерпел чувствительное поражение, отношения внутри Политбюро вновь обострились. На июльском пленуме 1926 г. Томский, рассказывая о предыстории создания фракционной «семерки», вспоминал: «Приблизительно, как будто, весной 1924 г. было первое собрание. Мы получили приглашение… я был там, Рудзутак, Ворошилов, покойный Фрунзе, Дзержинский, Каменев не был, был Зиновьев. Приглашал Сталин заехать к нему в праздник на дачу. Суть разговора сводилась к тому, что Сталин довольно резко поставил вопрос (вы знаете, как много кричат о грубости Сталина, достоинство это или недостаток — это дело вкуса)… о методах работы т. Зиновьева, которые грозили столкновениями. К чему это сводилось? Насколько мне память не изменяет, это сводилось к двум вопросам: первое —об оппозиции к комсомолу и второе — о назначении т. Зиновьевым Сталина, вопреки постановлению Политбюро, представителем РКП в Исполком Коминтерна. Тов. Сталин изложил нам следующее, что несмотря на то, что Политбюро ввело его в кандидаты ИККИ, т. Зиновьев превратил его в члены ИККИ. Он говорил: он очень тронут этим, но считает, что т. Зиновьев не имеет права по-своему назначать человека туда или сюда. Кроме того, т. Зиновьев в личной беседе с представителями комсомола надавал им обещаний о назначениях, рассказал им, куда кого введут и т.д.»[214].

Другой удар по сталинским амбициям был связан с оглашением ленинского «Письма к съезду» делегатам XIII съезда партии (23—31 мая 1924 г.). Значение последних диктовок Ленина о необходимости смещения Сталина с должности генсека было полностью нейтрализовано во многом благодаря тому, что их обсуждение происходило не на пленарном заседании съезда, а по делегациям при активном участии Зиновьева и Каменева[215]. На заседании Политбюро 18 марта 1926 г. Зиновьев выразил сожаление по этому поводу:

[214] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 246. Вып. IV. Л. 21 об.
[215] Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года. Стенографический отчет. М., 1963. С. XXI—XXII.

«... в завещании он (В.И. Ленин — *Д.А.*) сказал, что надо обдумать меры, чтобы заменить Сталина на посту генерального секретаря... И на XIII съезде в товарищеских беседах, в делегациях мы боролись против этого мнения. Очень может быть, что мы совершили ошибку как раз там, где надо было сделать иначе»[216]. Сталин, находившийся в тот момент в уязвимом положении, вполне мог посчитать действия Зиновьева и Каменева унизительным для себя проявлением «снисхождения»[217].

Сталин, обиженный действиями своих партнеров, совершил острый выпад в их сторону. 20 июня 1924 г. в «Правде» был опубликован доклад Сталина на курсах секретарей уездных комитетов при ЦК, посвященный итогам XIII съезда: «Недавно читал в газете доклад одного из товарищей о XIII съезде (кажется, тов. Каменева[218]), где черным по белому сказано, что очередным лозунгом нашей партии является будто бы превращение "России нэпмановской" в Россию социалистическую. Причем, что еще хуже, этот странный лозунг приписывается не кому иному, как самому Ленину. Ни больше, ни меньше! ... Еще один пример. Нередко говорят, что у нас "диктатура партии". Я, говорит, за диктатуру партии. Мне помнится, что в одной из резолюций нашего съезда, кажется даже в резолюции XII съезда, было пущено такое выражение, конечно, по недосмотру[219]. Видимо, кое-кто из товарищей полагают, что у нас диктатура партии, а не класса. Но это же чепуха, товарищи»[220].

Для разрешения нарастающих противоречий внутри «тройки» были осуществлены серьезные перемены в высшем эшелоне власти. Во время августовского пленума ЦК (16—20 августа 1924 г.) группа членов ЦК и ЦКК устроила тайное совещание, на котором объявила себя «руководящим коллективом» и избрала исполнительный орган — «семерку» в составе всех чле-

---

[216] Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 1. С. 684.
[217] Хлевнюк О. Сталин. С. 119.
[218] См.: Доклад тов. Каменева на собрании активных работников Московской организации // Правда. 1924. 11 июня.
[219] См. резолюцию XII съезда партии, принятую на основе доклада Зиновьева о деятельности ЦК (Двенадцатый съезд РКП(б). С. 671—674).
[220] Правда. 1924. 20 июня.

нов Политбюро, кроме Троцкого (Сталин, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков, Томский) и председателя ЦКК Куйбышева. Кандидатами в этот внеуставный, теневой орган власти были избраны Молотов, Дзержинский, Калинин, Фрунзе и Угланов. Основополагающим пунктом негласной «конституции» «семерки» являлось требование «соблюдения строжайшей дисциплины внутри создавшейся фракции». Согласно этой «конституции», «семерка была подотчетна только пленуму фракции, который собирался одновременно с пленумом ЦК. Все возникающие разногласия между членами семерки ни в коем случае не должны были переноситься на обсуждение партии, а должны были разрешаться или пленумом фракции, или же самой семеркой». Члены «семерки» собирались каждую неделю по вторникам, чтобы предварительно обсудить и принять решения по вопросам, выносимым на заседания Политбюро[221].

В литературе обычно акцентируется внимание на том, что «семерка» являлась союзом, враждебным Троцкому[222]. Принимая эту особенность «семерки» во внимание, необходимо отметить, что ее главное предназначение заключалось в том, чтобы консолидировать большинство членов Политбюро и обеспечить преодоление внутренних конфликтов между ними. Троцкий был изолирован от реального процесса принятия решений в Политбюро, поскольку воспринимался «руководящим коллективом» в качестве главной угрозы внутреннему единству. На июльском пленуме 1926 г. Томский рассказывал, что накануне создания «семерки» в Политбюро и ЦК существовали опасения по поводу того, что Троцкий сможет воспользоваться противоречиями внутри «тройки» и «засунуть клин» в отношения «триумвиров»[223]. Заметим, что помимо Троцкого и его сторонников из числа членов ЦК (Г.Л. Пятаков, Х.Г. Раковский) в состав «фракционного пленума» не входили и некото-

---

[221] Зиновьев Г.Е. История фракционного центра // РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 324. Л. 3—4; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 246. Вып. IV. Л. 15 об.; Надточеев В. «Триумвират» или «семерка»? Из истории внутрипартийной борьбы в 1924—1925 годах // Трудные вопросы истории: Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты. М., 1991. С. 68—70.

[222] Роговин В.З. Была ли альтернатива?. С. 164—170; Назаров О.Г. Сталин и борьба за лидерство. С. 102—103.

[223] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 246. Вып. IV. Л. 21 об.

рые другие «цекисты»[224], которым, судя по всему, члены «семерки» не вполне доверяли.

По мнению О.Г. Назарова, значение «семерки» сводилось главным образом к обслуживанию сталинских интересов[225]. Однако уже первые решения «семерки» в августе 1924 г. позволяют утверждать, что Сталин не имел возможности навязывать свою волю «семерке», которая являлась коллегиальным органом власти. «Семерка» осудила выступление Сталина на курсах секретарей укомов от 17 июня 1924 г. и приняла решение о помещении в «Правде» специальной редакционной статьи[226].

Редакционная статья «Правды» от 23 августа 1924 г. была направлена на дезавуирование сталинской критики относительно принятого на XII партсъезде тезиса Зиновьева о «диктатуре партии». Квинтэссенцией этой статьи можно считать фразу «диктатура партии есть функция диктатуры пролетариата», которая была направлена на критику противопоставления Сталиным «диктатуры партии» и «диктатуры пролетариата»[227]. Несмотря на то, что в статье имя Сталина не упоминалось, Сталин был крайне раздражен решением об опубликовании этой статьи. Членам «семерки» он направил записку, в которой выразил свое возмущение: «Видимо, авторы статьи… хотят спасти фразу "диктатура партии". Это неправильно. В своей статье постараюсь обосновать эти свои замечания»[228]. Ответная статья Сталина так и не увидела свет (скорее всего, она даже не была написана), поскольку выход этой статьи означал бы начало новой дискуссии, которой члены «семерки» всячески пытались избежать.

Интересно, что в письме Демьяна Бедного Сталину, датированном 27 августа 1924 г., выражалось сомнение относительно принципиальности раз-

---

[224] Так, на заседания «фракционного пленума» в октябре 1925 г. помимо Троцкого и его сторонников не были приглашены: члены ЦК Л.Б. Красин, А.Д. Цюрупа; кандидаты в члены ЦК А.Р. Рахимбаев, И.Т. Смилга, С.И. Сырцов, А.Ф. Толоконцев, Я.С. Цейтлин; член Президиума ЦКК А.С. Киселев, кандидат в члены Президиума ЦКК В.И. Иванов (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 57. Л. 40—43).

[225] Назаров О.Г. Сталин и борьба за лидерство. С. 111.

[226] Зиновьев Г.Е. История фракционного центра // РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 324. Л. 3.

[227] Правда. 1924. 23 августа.

[228] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 734. Л. 156.

ногласий по вопросу о «диктатуре»: «Смотря по обстоятельствам, по обстановке, правильно ли эта обстановка учтена, Ильич мог, например, сказать так и этак: и размежевать советский и партийный аппарат, и — наоборот — сказать: почему бы в самом деле не соединить то и другое, если это требуется интересами дела... Мужика мы на словах, но объедем, и он хорошо знает, чья диктатура, и ему, собственно, не так важно, кто диктатурит, а важно, как его ублаготворяют»[229]. Характер и содержание ответного письма Сталина Бедному были таковы, что уже 28 августа Бедный написал Сталину самоуничижительное по тону письмо, в котором высказал полную поддержку своему патрону: «… Вы огрели меня трактатом. Я оказался в лестной и приятной для меня роли оселка, на котором Вы оттачиваете свой кинжал… В качестве "оселка" я бы мог Вам принести большую, чем ныне, пользу, если бы чего не понял в Вашем письме или с чем не согласился. Этого, "к сожалению", нет. И понятно, и согласен, и благодарен. Есть над чем подумать»[230].

Тем временем Троцкий, потерпевший поражение в общепартийной дискуссии, решает взять реванш, обратившись к истории. 13 мая 1924 г. в письме неким двум партийцам по фамилии Володарский и Бронин-Кац он писал: «Почему целый ряд видных товарищей выступал против захвата власти в Октябре 1917 г., ведь не вследствие же личной трусости, надо думать? Тогда почему же? Объяснение только одно: предшествующая работа не подготовила их к Октябрю. Они не поняли условий революции, они недооценивали силы пролетариата, они переоценивали силы других классов и готовы были потому упустить исключительную революционную ситуацию»[231]. Осенью 1924 г. вышла статья Троцкого «Уроки Октября», вошедшая в третий том его собрания сочинений. В этой статье Троцкий представил Зиновьева и Каменева лидерами «правого» крыла партии, занимавшими «социал-

[229] Там же. Д. 701. Л. 9 об.
[230] Там же. Л. 30, 31.
[231] Там же. Ф. 325. Оп. 1. Д. 522. Л. 94—95.

демократическую, меньшевистскую» позицию накануне Октябрьской революции[232].

По всей видимости, уверенности Троцкому в тот период придавал наметившийся весной 1924 г. разлад в отношениях между Сталиным и Зиновьевым. Скорее всего, Троцкий рассчитывал блокироваться со Сталиным против Зиновьева и Каменева. Как нам кажется, в противном случае, Троцкий вряд ли бы решился атаковать Зиновьева и Каменева. В пользу этой версии существуют некоторые косвенные свидетельства. В конце 1924 г. Л.Л. Авербах в частных беседах с Л.З. Мехлисом и Г.Г. Ягодой рассказывал о своем разговоре с Троцким, состоявшемся в период дискуссии 1923 г. По его словам, Троцкий утверждал, что у Ленина в декабре 1922 г., в последние дни его работы в Кремле, была идея создания коалиции «Ленин—Троцкий—Сталин», направленной против Зиновьева и Каменева[233]. Думается, что из свидетельства Авербаха можно сделать вывод о том, что уже к концу 1923 г. у Троцкого появилось намерение блокироваться со Сталиным. Иначе трудно объяснить, почему Троцкий вдруг вспомнил о несостоявшемся блоке с участием Сталина. Примечательно, что Троцкий в биографической книге о Ленине, написанной в первые месяцы после его смерти, вспоминая о своих контактах с Лениным в период подготовки к Октябрьскому перевороту, из числа представителей ленинского окружения персонально упомянул только Сталина[234].

В общем, неудивительно, что после выхода «Уроков октября» среди большевистских функционеров появились слухи о намерении Сталина блокироваться с Троцким[235]. Выпад Троцкого против Зиновьева и Каменева привел в действие защитные механизмы «семерки», выразившиеся в виде массированной кампании по разоблачению Троцкого и его взглядов. Представля-

---

[232] Троцкий Л.Д. К истории русской революции. С. 267, 277.
[233] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 30. Л. 223—226.
[234] Троцкий Л.Д. О Ленине: материалы для биографа. М., 1924. С. 74.
[235] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 126. Л. 70, 74.

ется очевидным, что Троцкий не стал бы выступать против Зиновьева и Каменева, если бы в тот период знал о существовании «семерки».

Дискуссия вокруг статьи Троцкого получила официальное название «литературной дискуссии». Она велась как на страницах печати, так и на партийных собраниях. Троцкий впоследствии писал, что в период «литературной дискуссии» «пресса и ораторы ничем другим не занимались, кроме разоблачения троцкизма»[236]. 24 октября 1924 г. Зиновьев и Каменев направили «семерке» написанный ими проект резолюции для предстоящего октябрьского пленума ЦК (25—27 октября 1924 г.), в котором «Уроки Октября» уже квалифицировались как «сознательное извращение истории партии»[237]. Тем не менее, на пленуме вопрос не рассматривался. По всей видимости, «семерка» посчитала, что подобная реакция со стороны пленума ЦК без предварительной дискуссии будет выглядеть поспешной.

Датой начала «литературной дискуссии» можно считать 2 ноября 1924 г., когда в «Правде» была опубликована статья Бухарина под названием «Как не нужно писать историю Октября». Бухарин назвал статью Троцкого «кривым зеркалом партии», которое искажает «действительную партийную историю»[238]. Вслед за этим на страницах «Правды» появилось множество статей, разоблачающих Троцкого и «троцкизм». Наибольшее развитие данная критика получила в статьях Сталина, Зиновьева и Каменева, опубликованных в «Правде» в конце ноября 1924 г.[239] Содержание этих статей сводилось к тому, что «Уроки Октября» — это фальсификация истории революции, «ревизия ленинизма», попытка привести большевистскую партию к «троцкизму», логически вытекающему из «меньшевистского» прошлого Троцкого.

Важное значение для развития «литературной дискуссии» имела резолюция Московского комитета партии, принятая по докладу Каменева и опубликованная в «Правде» 19 ноября 1924 г. В этой резолюции «Уроки Октября»

---

[236] Троцкий Л.Д. Моя жизнь. С. 488.
[237] Известия ЦК КПСС. 1991. № 7. С. 159.
[238] Правда. 1924. 2 ноября.
[239] Правда. 1924. 26 ноября, 30 ноября.

были названы «грубым извращением истории большевизма и истории Октябрьской революции», «попыткой подменить ленинизм троцкизмом»[240]. В ноябрьских и декабрьских номерах «Правды» было опубликовано множество резолюций различных парткомов, разделяющих позицию Московского комитета по этому поводу.

Между тем, сам Троцкий отстранился от участия в «литературной дискуссии», опасаясь еще большего ожесточения полемики против него. В ноябре 1924 г. Троцкий написал статью «Наши разногласия», в которой подробно ответил на выдвинутые обвинения[241]. Однако публиковать ее он не стал. В декабре 1924 г. на встрече с группой московских рабочих Троцкий объяснил свою позицию тем, что не хочет новой дискуссии. Более того, он признался, что если бы знал, какую кампанию «раздуют и разведут» по поводу статьи «Уроки Октября», то «никогда бы ее и не выпустил»[242].

Итоги «литературной дискуссии» подвел объединенный пленум ЦК и ЦКК, состоявшийся 17—20 января 1925 г. Январский пленум 1925 г. оценил «совокупность выступлений т. Троцкого против партии» как попытку подменить ленинизм троцкизмом» и объявил «дискуссию» законченной, потребовав, однако, «продолжить и развить работу партии по разъяснению снизу доверху антибольшевистского характера троцкизма». Кроме того, пленум принял решение о снятии Троцкого с должности председателя Реввоенсовета СССР и оставлении его в составе Политбюро с предупреждением, что в случае «новой попытки… нарушения или неисполнения партийных решений» он будет исключен из Политбюро[243].

Таким образом, в январе 1925 г. Троцкий лишился реальных рычагов власти, сохранив лишь формальное членство в Политбюро. Январский пленум 1925 г. также закрепил главный результат политической дискредитации Троцкого во время «литературной дискуссии»: внедрение в идеологическую

---

[240] Правда. 1924. 19 ноября.
[241] Архив Троцкого. Т. 1. С. 110—142.
[242] Известия ЦК КПСС. 1991. № 7. С. 176.
[243] КПСС в резолюциях и решениях. Т. 3. С. 323, 324, 330.

сферу внутрипартийной борьбы понятия «троцкизм» и его противопоставление догматам большевистской партии.

1.3. Разгром левых оппозиций и механизмы коллективного руководства в 1925—1927 гг.

В декабре 1925 г. на XIV съезде партии Сталин, рассказывая об истории возникновения нового раскола внутри ЦК, назвал «началом нашей размолвки» момент, когда решался вопрос о том, «как быть с тов. Троцким»: «Мы, т.е. большинство ЦК… имели некоторую борьбу с ленинградцами и убедили их выбросить из своей резолюции пункт об исключении (Троцкого из партии — *Д.А.*). Спустя некоторое время после этого, когда собрался у нас пленум ЦК и ленинградцы вместе с тов. Каменевым потребовали немедленного исключения тов. Троцкого из Политбюро, мы не согласились и с этим предложением оппозиции, получили большинство ЦК и ограничились снятием тов. Троцкого с поста наркомвоена»[244].

Документальные сведения дают более полную картину событий. Вопрос о мере наказания, которую следовало применить к Троцкому, действительно вызвал серьезные разногласия. Резолюции местных партийных организаций показали, что на этот счет существовали три основные точки зрения: 1) исключить Троцкого из партии; 2) снять с работы в Реввоенсовете и вывести из состава Политбюро; 3) снять с работы в Реввоенсовете и условно оставить в Политбюро[245].

4 января 1925 г. Зиновьев писал Сталину следующее: «Я набросал в Питере проект резолюции о Троцком. Думаю, что он мог бы лечь в основу обсуждения Пленума (если, конечно, Троцкий не преподнесет новых фактов). Прошу еще до вторника раздать ее членам и кандидатам 7, а может быть, (решим во вторник) разослать ее всем нашим членам ЦК». Во втором пункте проекта резолюции Зиновьева было сказано: «Признать невозможной при нынешнем, созданном т. Троцким, положении вещей работу т. Троцкого на таких постах, как пост Предреввоенсовета и член Политбюро»[246].

---

[244] XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1926. С. 502.
[245] КПСС в резолюциях и решениях. Т. 3. С. 322.
[246] Известия ЦК КПСС. 1991. № 8. С. 180.

Однако большинство «семерки» заняло умеренную позицию. 5 января Сталин и Бухарин направили в Политбюро поправки к проекту Зиновьева: «Пункт второй резолютивной части должен быть изменен в том смысле, что т. Троцкий освобождается только от поста Предреввоенсовета и остается членом Политбюро»[247]. Вообще, «руководящий коллектив» крайне неодобрительно отреагировал на предложение Зиновьева, нарушавшее традиции коллективного руководства. Впоследствии Орджоникидзе следующим образом прокомментировал ситуацию, сложившуюся в ЦК в январе 1925 г.: «Пусть тт. Зиновьев и Каменев скажут, не устраивали ли мы им невероятных боев по поводу того, чтобы Троцкого не вышибать из Политбюро, зная, что это у вас первый шаг к тому, чтобы тов. Троцкого вышибить из партии. Нас не пугало то, что тов. Троцкого не будет в Политбюро. Не это нас пугало. Нас пугало то, что это есть план Зиновьева, чтобы вышибить тов. Троцкого сегодня из Политбюро, завтра из ЦК, послезавтра — из партии. Мы этого боялись и с грубой прямотой не раз ставили тов. Зиновьеву этот вопрос»[248]. Бухарин по этому поводу придумал шутливый афоризм: «Если на клетке Отелло увидишь "Григорий", верь глазам своим»[249].

Тем не менее, во избежание раскола внутри ЦК было выработано компромиссное решение. Зиновьев впоследствии рассказал о договоренностях, принятых на неформальных совещаниях членов ЦК: «В январе 1925 г. перед вынесением решения относительно т. Троцкого предварительным совещанием цекистов-ленинцев было принято решение, которое хорошо известно участникам этого предварительного совещания… Решено было не выбирать Троцкого в ЦК на будущем, т.е. XIV съезде… Решение не выбирать Троцкого в ЦК было принято большинством, при двух воздержавшихся, за были все остальные (человек 45)»[250]. Примечательно, что в резолюции январского

[247] Там же. С. 179.
[248] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 246. Вып. IV. Л. 31.
[249] Известия ЦК КПСС. 1991. № 8. С. 182.
[250] Стенограмма заседаний Политбюро. Т. 1. С. 684.

пленума 1925 г. говорилось о том, что вопрос об оставлении Троцкого в ЦК будет рассмотрен на ближайшем съезде партии[251].

Сохранилась черновая запись Зиновьева, в которой он обозначил точку отсчета нового витка конфронтации в Политбюро: «Снятие с поста секретаря Рогожско-Симон. райкома т. Захарова только за то, что он на Моск[овской] конфер[енции] высказался в том смысле, что резолюция пленума ЦК ВКП в отнош[ении] Троцк[ого] была чересчур мягка. Снятие с орготдела ЦК РЛКСМ Файвиловича за то же. Эти два факта являются несомненным началом»[252].

10 февраля 1925 г. на совещании «семерки» Зиновьев и Каменев выступили с протестом против наказания в отношении Захарова. В итоге «семерка» постановила, что решение о снятии Захарова сразу же после Московской губпартконференции было «тактической ошибки», однако оставила наказание в силе. Зиновьев проголосовал против этого решения, а Каменев вовсе покинул совещание перед голосованием[253].

Письмо украинской парторганизации в адрес ЦК РКП(б) свидетельствует о том, что уже в феврале 1925 г. в политических кругах имело место принципиальное разделение на «сталинцев» и «зиновьевцев»[254]. Непосредственным итогом этого противостояния стала смена генерального секретаря КП(б)У в апреле 1925 г.: вместо Э.И. Квиринга, склонявшегося на сторону Зиновьева, был назначен «сталинец» Л.М. Каганович[255].

В условиях обострения противоречий между Сталиным и Зиновьевым весной 1925 г. происходит создание нового политического союза — «дуумвирата» Сталина и Бухарина, который С. Коэна охарактеризовал как «временный взаимовыгодный союз»[256]. Между ними наметилось четкое разделение функций. Сталин, возглавлявший систему секретарской иерархии, кон-

---

[251] КПСС в резолюциях и решениях. Т. 3. С. 330.
[252] РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 110. Л. 1.
[253] Там же. Ф. 17. Оп. 171. Д. 40. Л. 69—70.
[254] Известия ЦК КПСС. 1991. № 8. С. 188.
[255] Борисенок Е. Феномен советской украинизации. 1920—1930-е годы. М., 2006. С. 163—166.
[256] Коэн С. Указ. соч. С. 255.

тролировал основные рычаги партийно-организационной работы. Бухарин занимался разработкой и формулированием экономической политики и идеологии. В его руках находилось руководство центральными изданиями партии. Помимо того, что Бухарин был главным редактором газеты «Правда», в апреле 1924 г. он также возглавил редакцию нового, выходившего раз в две недели журнала ЦК партии «Большевик»[257].

Бухаринская теория «врастания нэпа в социализм» опиралась на представление о кооперации как средстве перехода к социализму. Бухарин утверждал, что существенным механизмом в этом процессе «врастания» является советская банковская и кредитная система. «Нити» финансовой и кредитной зависимости гарантируют экономическую гегемонию государственного сектора, «привязывая» несоциалистические организации к социалистическому сектору и создавая «общность интересов» между кооперативами и «кредитными органами пролетарского государства». Исходя из этого, Бухарин делал следующий вывод: «Стимулированием личной инициативы крестьян, ремесленников, рабочих и даже буржуазии… мы заставляем их объективно служить государственной социалистической индустрии и экономике в целом». При этом позиция Бухарина по отношению к кулаку выражалась в словах: «Мы помогаем ему, но он помогает нам»[258].

Теоретические взгляды Бухарина были переведены в практическую плоскость на XIV партконференции, состоявшейся 27—29 апреля 1925 г. «Я считаю… — говорил Бухарин, — что мы идем на развитие нэпа в деревне, которого до сих пор почти не было»[259]. В качестве основных элементов политики «деревенского нэпа» были определены следующие меры: значительное снижение общего размера единого сельскохозяйственного налога[260], вложение дополнительных государственных средств в систему сельскохозяйственного кредита[261], разрешение найма рабочей силы и сдачи земли в аренду[262].

---

[257] Там же. С. 255—257.
[258] Там же. С. 217—218, 235—236.
[259] Четырнадцатая конференция РКП(б). Стенографический отчет. М.—Л., 1925. С. 182.
[260] Там же. С. 302.
[261] Там же. С. 295.

Право участия в различных формах кооперации было предоставлено всем слоям населения, занимающимся сельским хозяйством[263].

Осенью 1925 г. в стране наступил экономический кризис, вызванный просчетами в планировании экономического развития. Кризис 1925 г. проявился в срыве плана хлебозаготовок, товарном голоде в городе и деревне и проблемах в других областях народного хозяйства[264].

Кризис 1925 г. в определенной степени стимулировал новый виток внутрипартийной борьбы. Зиновьев и Каменев вступили в политическую конфронтацию с большинством членов Политбюро, что привело к расколу «семерки». Будучи председателем Ленсовета, Зиновьев фактически возглавлял ленинградскую парторганизацию и превратил ее в свою «вотчину». Данное обстоятельство обусловило тот факт, что центром так называемой «новой оппозиции» стал Ленинград. Руководство ленинградской парторганизации и ленинградские комсомольцы были ядром «новой оппозиции».

Примечательно, что консолидирующим фактором для «ленинградской оппозиции» были политические амбиции руководителей ленинградской парторганизации. Представляет интерес письмо Ф.Г. Леонова Н.А. Угланову от 3 октября 1925 г., в котором он сообщает подробности своей беседы с секретарем Ленинградского губкома и Севзапбюро ЦК П.А. Залуцким. В беседе с Леоновым Залуцкий следующим образом охарактеризовал настроения партийных руководителей Ленинграда: «Ленинградская организация изолируется от партии. На нас нажимают, притесняют по всем линиям, и по партийной, и по хозяйственной, и по комсомольской. С Ленинградом не считаются, превращают его в провинцию»[265].

Платформа «новой оппозиции» была изложена в Секретной докладной записке от 1 октября 1925 г.[266], подписанной Зиновьевым, Каменевым, Круп-

---

[262] Там же. С. 288.
[263] Там же. С. 289.
[264] См.: Голанд Ю.М. Указ. соч. С. 13—22.
[265] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 55. Л. 36.
[266] А.В. Шубин проявил невнимательность при работе с хроникой внутрипартийной борьбы, составленной Каменевым (РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 97. Л. 59), вследствие чего ошибочно датировал одним днем — 19

ской, Сокольниковым и направленной членам «руководящего коллектива». В этом документе, который в дальнейшем именовался «Платформой 4-х», политика ЦК в деревне была названа «политической ошибкой», направленной «в сторону забвения классовой борьбы, в сторону оппортунизма»[267].

Кроме того, критике подверглась сталинская теория «построения социализма в одной стране». По этому поводу в документе было сказано следующее: «По Ленину, как и по Марксу, полная победа социалистической революции возможна только как победа международной революции. Ленин говорил о победе социализма в одной стране, чтобы обосновать обязательность для компартии в этой стране начинать и развивать борьбу за социализм как борьбу международную, не откладывая ее до победы социализма в других странах. Превращать это в "теорию" возможности окончательно победить в одной стране — значит извращать мысль Ленина»[268].

Следует отметить, что еще на XIV партконференции в апреле 1925 г. Зиновьев и Каменев фактически поддержали сталинский курс на строительство социализма в одной стране и одобрили бухаринскую политику «деревенского нэпа». В частности, Каменев, исполнявший функции председателя партконференции, в своем в заключительном слове заявил следующее: «Правильной политикой усиления социалистических элементов в нашем хозяйстве мы докажем, что и при замедленном темпе мировой революции социализм должен строиться, может строиться и в союзе с крестьянством нашей страны будет строиться и построен будет»[269]. Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу о том, что возникновение политической платформы «новой оппозиции» осенью 1925 г. было обусловлено прежде всего борьбой за власть, а не защитой идейных принципов.

Во время октябрьского пленума ЦК (3—10 октября 1925 г.) в течение нескольких дней на неофициальном, «фракционном пленуме» между недав-

---

сентября 1925 г. — выход статьи «Философия эпохи» Зиновьева и появление «Платформы 4-х» (Шубин А.В. Указ. соч. С. 102)

[267] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 55. Л. 20.

[268] Там же. Л. 27.

[269] Четырнадцатая конференция РКП(б). С. 267.

ними союзниками происходила ожесточенная полемика. Важное значение имело письмо Дзержинского Сталину и Орджоникидзе, написанное в ночь с 5 на 6 октября. Характеризуя выступление «новой оппозиции», Дзержинский отметил, что речь идет о «новом Кронштадте внутри нашей партии». По его словам, если не противопоставить опасности Термидора единство партии, то «ленинцы, как пауки, будут пожирать себя»[270]. На следующий день письмо Дзержинского было зачитано на заседании «фракционного пленума», спровоцировав демонстративный уход оппозиционеров[271]. Для того, чтобы сгладить конфликт по предложению Сталина «фракционный пленум» принял постановление: «1. Фракция считает письмо т. Дзержинского неправильным по содержанию и недопустимым по тону; 2. Фракция считает, что тов. Сталин поступил неправильно, не представив предварительно письмо т. Дзержинского в семерку; 3. Фракция образует Президиум из трех со включением в него представителя от ушедших товарищей»[272].

В конечном итоге участники «фракционного пленума» пришли к компромиссному решению, которое заключалось в следующем: «Признать недопустимой открытую дискуссию между лидерами фракции, а равно и полемику в печати против них, обязав семерку следить за тем, чтобы было безусловно обеспечено единство линии ленинцев в подготовительной работе к XIV съезду путем предварительного согласования важнейших выступлений»[273]. Таким образом, в начале октября 1925 г. стороны внутрипартийного конфликта договорились не провоцировать публичную дискуссию в период подготовки к XIV съезду партии. Во избежание возможных столкновений Каменев и Зиновьев вынуждены были согласовывать в «семерке» тексты своих выступлений[274].

---

[270] Большевистское руководство. Переписка. С. 309—310.
[271] Зиновьев Г.Е. История фракционного центра // РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 324. Л. 16.
[272] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 56. Л. 63.
[273] Там же. Д. 57. Л. 1.
[274] См.: Там же. Д. 56. Л. 69—71; Там же. Д. 57. Л. 18—19, 30, 42; Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 130. Л. 106—109.

В начале заседания Политбюро 2 ноября 1925 г. Сталин выступил с достаточно резкими обвинениями в адрес Каменева. Речь шла о том, что Совет Труда и Обороны, который возглавлял Каменев, принял решение о пересмотре плана хлебозаготовок и хлебного экспорта до рассмотрения вопроса в Политбюро[275]. Каменев, в свою очередь, заявил о политической подоплеке выдвигаемых против него обвинений и попросил принять его отставку с должности председателя СТО[276]. В результате просьба Каменева об отставке была отклонена, решение СТО по вопросу о хлебозаготовках и хлебном экспорте было признано предварительным и передано для пересмотра в Политбюро[277]. Характерно, что соответствующий фрагмент стенограммы, который мог быть воспринят как свидетельство «травли» Каменева в Политбюро, в итоге не был включен в стенографический отчет. В целом, данный эпизод является наглядным примером того, как механизмы коллективного руководства препятствовали эскалации внутрипартийной борьбы и переходу к открытому противостоянию двух группировок.

10 декабря 1925 г. на заседании Политбюро стенографировался вопрос «О работе ЦСУ в области хлебофуражного баланса». Обсуждение данного вопроса приобрело важное значение потому, что «новая оппозиция» на основе данных Центрального статистического управления, опубликованных в его бюллетене в июле 1925 г., объявила о кулацкой опасности и отстаивала необходимость свертывания проводившейся «руководящим коллективом» политики «деревенского нэпа». В середине октября была создана специальная коллегия Рабоче-крестьянской инспекции под руководством экономиста Я.А. Яковлева. По итогам работы коллегия пришла к выводу о серьезных методологических просчетах ЦСУ, «затемняющих социально-экономическое значение средних слоев крестьянства». На основании крестьянских бюджетов 1923/24 г. была представлена совершенно иная версия хлебофуражного баланса. По оценке коллегии, доля зажиточных хозяйств в излишках была не

[275] Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 1. С. 369—370.
[276] Там же. С. 376.
[277] Там же. С. 378.

61, а 54 %, а в общем объеме продажи только 29,6 % (см. постановление коллегии НК РКИ, прикрепленное к стенографическому отчету заседания Политбюро от 10 декабря 1925 г.[278]).

Тактика сталинско-бухаринской группы на заседании Политбюро 10 декабря 1925 г. заключалась в том, чтобы на основе результатов работы коллегии НК РКИ дезавуировать критику «новой оппозиции», признав данные ЦСУ недостоверными и политически ангажированными. Несмотря на несогласие председателя ЦСУ П.И. Попова с отдельными пунктами обвинений в адрес его ведомства[279], Каменев, представлявший интересы оппозиции на этом заседании, вынужден был без возражений признать методологические просчеты, допущенные ЦСУ при составлении хлебофуражного баланса. Вместе с тем Каменев выступил решительно против придания «делу о работе ЦСУ» политического характера и встал на защиту Попова от обвинения в намеренном игнорировании роли середняка при составлении баланса[280]. Каменев, безусловно, понимал, что такая постановка вопроса давала сталинско-бухаринской группе возможность отнести Попова в лагерь оппозиционеров и тем самым критиковать взгляды «новой оппозиции», избегая громких политических обвинений в адрес ее лидеров.

В действительности, политические обвинения в адрес Попова были безосновательными, поскольку, как справедливо заметил Каменев, в балансе ЦСУ не было «ни малейшего намека на разбивку на кулаков, середняков, бедняков… даны группировки хозяйств исключительно по посевной площади»[281]. По существу, главным аргументом сталинско-бухаринской группы в полемике с Каменевым стала фраза Попова, взятая из контекста его ответов коллегии НК РКИ. По словам Яковлева, на одном из заседаний Попов заявил о том, что члены коллегии руководствуются «отжившей, давно сданной в архив старонароднической идейкой о середняке»[282].

---

[278] Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 1. С. 475—483.
[279] Там же. С. 432—440.
[280] Там же. С. 455.
[281] Там же. С. 455—456.
[282] Там же. С. 461.

Встретив решительные возражения Каменева, сталинско-бухаринская группа не стала выносить на итоговое голосование положений, политизирующих отстранение Попова от занимаемой должности[283]. Вместе с тем уже после заседания Сталин согласовал добавление в текст постановления Политбюро принципиальной приписки, содержавшей строгое предостережение работникам ЦСУ о том, что «всякая попытка подгонять цифры под предвзятое мнение будет рассматриваться как уголовное преступление»[284]. Безусловно, данное добавление позволяло трактовать допущенные при составлении баланса ЦСУ ошибки «политическими соображениями» Попова. Таким образом, контроль над принятием решений в Политбюро позволил сталинско-бухаринской группе легитимизировать придание «делу статистиков» политического характера. Данный эпизод показывает, что «дуумвират» и его сторонники накануне XIV партсъезда руководствовалась стремлением защитить свои позиции, не допуская при этом прямых обвинений в адрес Зиновьева и Каменева.

Другим проявлением скрытой внутрипартийной борьбы накануне XIV съезда было противостояние двух крупнейших парторганизаций — московской и ленинградской. 5 декабря 1925 г. Московская губпартконференция приняла резолюцию, в которой руководители ленинградской парторганизации осуждались за отрицание возможности победы социализма в одной стране. Их взгляды были квалифицированы как «ликвидаторство», «пораженчество» и «аксельродовщина». В ответной декларации Ленинградской губпартконференции было сказано: «Те оптимисты, которые в противоположность “пессимисту Ленину” доказывают, будто у нас уже кругом социализм, оказывают плохую услугу делу подлинного строительства социализма»[285]. Интересно, что в дневниковых записях Троцкого о политической борьбе тех дней говорится следующее: «Достаточно только продумать значение того факта, что в Ленинграде была принята единогласно или почти еди-

[283] Там же. С. 473—474.
[284] Там же. С. 474, 484.
[285] Назаров О.Г. Сталин и борьба за лидерство. С. 124.

ногласно резолюция, направленная против ЦК, в то время как московской организацией единогласно, без единого воздержавшегося, принята резолюция, направленная против Ленинграда»[286].

Несмотря на остроту предсъездовской борьбы, она носила скрытый характер. Стороны конфликта избегали прямых публичных обвинений, стремились предотвратить эскалацию конфликта. Следует отметить, что «дуумвират», вокруг которого сплотилось большинство Политбюро и ЦК, был готов на примирение с Зиновьевым и Каменевым в том случае, если «ленинградская оппозиция» не будет выступать с критикой «генерального курса» на XIV съезде.

Вечером 14 декабря 1925 г. по предложению Сталина для обсуждения вопроса о поведении членов Политбюро на предстоящем съезде состоялось совещание «семерки», на котором присутствовали члены и кандидаты в Политбюро Сталин, Бухарин, Зиновьев, Каменев, Рыков, Томский, Рудзутак, Молотов, Калинин, Дзержинский, а также председатель Президиума ЦКК Куйбышев[287]. 15 декабря большинство членов и кандидатов Политбюро (кроме Зиновьева и Каменева) «в целях единства партии, мира внутри партии» проголосовало за следующие предложения: «1. При составлении резолюции по отчету ЦК принять за основу резолюцию Московской конференции, смягчив отдельные формулировки; 2. Печатание письма Ленинградской конференции и ответа МК на письмо, как в газетах, так и в бюллетенях, признать в интересах единства нецелесообразным; 3. Членам Политбюро (не считая Троцкого) не выступать друг против друга на съезде»[288]. Добавим, что Зиновьев и Каменеву взамен на отказ от оппозиционных выступлений на съезде обещалось исполнение принятой ранее договоренности об исключении Троцкого из ЦК (или, по крайней мере, из Политбюро)[289].

---

[286] Архив Троцкого. Т. 1. С. 153.
[287] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 61. Л. 141.
[288] Там же. Л. 149.
[289] Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 1. С. 684.

Однако лидеры «новой оппозиции» были непреклонны, приняв решение о выходе из «семерки» и открытом выступлении против «дуумвирата» на XIV съезде партии (18—31 декабря 1925 г.). На съезде Сталин, который впервые выступал с политическим отчетом ЦК, заявил, что партия «должна сосредоточить огонь» на уклоне, состоящем в переоценке кулацкой опасности, «в раздувании роли кулака и вообще капиталистических элементов в деревне»[290]. «Странное дело! — говорил Сталин. — Люди вводили нэп, зная, что нэп есть оживление капитализма, оживление кулака… И вот стоило показаться кулаку, как стали кричать “караул”, потеряли голову. И растерянность дошла до того, что забыли о середняке. А между тем, основанная задача в деревне состоит теперь в борьбе за завоевание середняка, … в борьбе за изоляцию кулака путем установления прочного союза с середняком»[291].

Зиновьев, выступавший с содокладом по отчету ЦК, так прокомментировал один из основных пунктов дискуссии: «Бесспорно, и всем ходом нашего хозяйственного развития доказано, что мы действительно строим социализм в нашей стране. Мы спорим лишь о том, можно ли окончательно построить и закрепить социалистический строй в одной стране, и притом не в такой стране, как Америка, а в нашей, крестьянской»[292]. По словам Зиновьева, другой источник разногласий заключался в том, что «некоторые товарищи» пытались «объявить нэп социализмом», тем самым идеализируя нэп и капиталистические отношения[293].

Вслед за выступлением Зиновьева стороны вступили в прения. Первым после него выступил Бухарин, который обвинил Зиновьева и Каменева в «неверии в силы рабочего класса» и напомнил об их поведении накануне Октябрьской революции[294]. По словам Бухарина, Зиновьеву и Каменеву следовало признать свою ошибку, которая заключалась в проявлении «величайшей

[290] XIV съезд ВКП(б). С. 47—48.
[291] Там же. С. 47.
[292] Там же. С. 98.
[293] Там же. С. 101.
[294] Там же. С. 136—137.

нелояльности» к ЦК[295]. Крупская критиковала Бухарина за «неправильное понимание нэпа»[296], уделив особое внимание его лозунгу «Обогащайтесь!», обращенному «к тому слою, с которым мы боролись во время революции»[297]. Каменев обвинил Сталина в продвижении «неправильной политической линии, творцом и подлинным представителем которой является т. Бухарин»[298].

В целом, несмотря на остроту полемики, XIV съезд прошел под полным контролем «дуумвирата». Резолюция «По отчету ЦК» была принята подавляющим большинством голосов (559 голосов за резолюцию и только 65 против)[299]. 1 января 1926 г. избранные на XIV съезде члены ЦК сформировали новый состав Политбюро, в который вошли три новых члена — соратники Сталина Молотов и Ворошилов, а также Калинин. Зиновьев и Троцкий остались членами Политбюро, но Каменев был переведен из членов в кандидаты.

Перевод Каменева из членов в кандидаты Политбюро предсказуемо вызвал протест со стороны Зиновьева и Каменева. Зиновьев в знак солидарности с Каменевым даже предложил вычеркнуть его фамилию из предложенного для голосования списка членов Политбюро[300]. Логику, которой руководствовалась фракция большинства в данном случае, объяснил Дзержинский: «… если действительно создать Политбюро таким образом, чтобы в него вошли и Зиновьев, и Каменев, то не будет этой работоспособности в достаточной степени для проведения линии, намеченной съездом. Поэтому я считаю совершенно достаточным, если в нем будет Зиновьев… чтобы вы не могли говорить, что тут какие-нибудь политические гонения против вас и т.д.»[301].

Вскоре после окончания пленума был осуществлен организационный разгром «ленинградской оппозиции». 4 января 1926 г. Политбюро принимает решение о развертывании в Ленинграде отчетной кампании по разъяснению

---

[295] Там же. С. 152.
[296] Там же. С. 161.
[297] Там же. С. 160.
[298] Там же. С. 254.
[299] Там же. С. 524.
[300] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 209. Л. 3.
[301] Там же. Л. 5.

итогов XIV съезда. Для этого в Ленинград была командирована специальная группа членов Политбюро и ЦК в следующем составе: М.И. Калинин, М.П. Томский, В.М. Молотов, А.А. Андреев, Г.И. Петровский, С.М. Киров, К.Е. Ворошилов, Я.Э. Рудзутак и В.В. Шмидт. 7 января Киров сменил на посту первого секретаря Ленинградского комитета партии близкого соратника Зиновьева Г.Е. Евдокимова[302].

Интересным источником, позволяющим оценить политическую обстановку в Ленинграде в январе 1926 г., является доклад Ворошилова об итогах отчетной кампании, направленный членам Политбюро 28 января 1926 г. Ворошилов отметил, что «антипартийные уклоны в верхушке организации» были подкреплены поддержкой ленинградских комсомольцев. По его словам, на собраниях ленинградских партячеек комсомольцы «вели себя недопустимо, сплошь и рядом устраивая членам ЦК дикие обструкции»[303].

Одним из наиболее скандальных событий отчетной кампании стало собрание на заводе «Красный Треугольник», состоявшееся 15 января 1926 г. Киров в письме Орджоникидзе следующим образом описывал произошедшее: «Вчера были на Треугольнике, коллектив 2200 человек. Драка была невероятная. Характер собрания такой, какого я с октябрьских дней не только не видел, но даже не представлял, что может быть такое собрание членов Партии. Временами в отдельных частях собрания дело доходило до настоящего мордобоя! Говорю, не преувеличивая»[304].

В результате проведения отчетной кампании к концу января 1926 г. в поддержку линии ЦК выступили почти все ленинградские партячейки, а также комсомольская организация Ленинграда[305]. Для закрепления итогов отчетной кампании на заседании Политбюро 27 января 1926 г. было принято решение о созыве XXIII чрезвычайной губпартконференции, районных и уездных конференций[306].

---

[302] Там же. Оп. 3. Д. 537. Л. 6.
[303] Там же. Оп. 171. Д. 64. Л. 158.
[304] Большевистское руководство. Переписка. С. 318.
[305] Правда. 1926. 30 января.
[306] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 544. Л. 8.

Другим методом борьбы против ленинградских оппозиционеров было применение партийных взысканий и кадровых перемещений. 5—8 января 1926 г. проходили заседания следственной комиссии ЦКК по «делу о группировке в верхушке ленинградской организации». На основании заключений этой следственной комиссии 14 января 1926 г. было принято постановление Секретариата ЦКК, в соответствии с которым несколько руководящих работников ленинградской парторганизации получили строгий выговор и были отозваны в распоряжение ЦК[307]. По данным Орграспредотдела ЦК, всего за период с 1 января по 15 апреля 1926 г. в распоряжение ЦК из Ленинграда были отозваны 130 руководящих работников (из них 101 человек с партийной и комсомольской работы)[308].

Завершающим актом организационного разгрома «ленинградской оппозиции» стало снятие Зиновьева с поста председателя Ленсовета, утвержденное на заседании Политбюро 18 марта 1926 г. При этом формально замена Зиновьева Н.П. Комаровым на этом посту была представлена как утверждение принятого ранее постановления Ленинградского губкома[309]. Лидеры оппозиции решили использовать данное заседание для дискредитации методов политической борьбы со стороны фракции большинства, поэтому Евдокимов настоял на том, чтобы заседание стенографировалось. Общим рефреном выступлений Зиновьева, Каменева и Евдокимова стало утверждение о недопустимости применения «организационных выводов из послесъездовской дискуссии»[310].

Зиновьев, требуя «политической ясности», делал акцент на том, что оргвыводы в отношении ленинградской организации, инициированные фракцией большинства после партсъезда, противоречат нормам внутрипартийной демократии. Однако уязвимым местом Зиновьева и Каменева, было то, что ранее им самим было свойственно нарушать нормы внутрипартийной демо-

[307] Там же. Оп. 171. Д. 74. Л. 3—8.
[308] Там же. Д. 66. Л. 77.
[309] Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 1. С. 692.
[310] Там же. С. 657, 662, 669.

кратии, и апеллировать к демократическим ценностям они стали лишь тогда, когда оказались в меньшинстве. По существу, лидеры «новой оппозиции» обратились к «Платформе 46-ти», положения которой они относительно недавно так активно дискредитировали. Зиновьев, осознавая зыбкость позиций, с которых ему приходилось говорить о внутрипартийной демократии, вынужден был сделать в свое оправдание оговорку, впрочем, весьма расплывчатую. По его словам, предпосылки для демократизации внутрипартийной жизни сложились только к XIV партсъезду («хозяйственное, общеполитическое и международное положение долго заставляли нас держать военную дисциплину в партии»)[311].

Дезавуируя демократическую риторику оппозиционеров, фракция большинства использовала политический компромат на Зиновьева и Каменева. Сталин, называя их демократизм «смехотворным», припомнил, что накануне январского пленума 1925 г. при обсуждении меры наказания в отношении Троцкого они занимали более радикальную позицию, чем большинство ЦК[312].

Большое внимание фракция большинства уделила тому, что сам Зиновьев, занимая пост председателя Ленсовета, не считался с нормами внутрипартийной демократии и использовал свое влияние в ленинградской организации в целях фракционной борьбы против ЦК. Сталин отметил, что та «легкость», с которой удалось «изолировать» оппозицию в Ленинграде объясняется тем, что «съездовская кампания совпала с тем напором демократизма в партийных низах Ленинграда, который накоплялся исподволь и наконец прорвался в форме перевыборов бюро коллективов»[313]. Член ЦК ВКП(б), ленинградец И.П. Жуков, выступавший на стороне фракции большинства, сравнил Зиновьева с «феодальным князем», превратившим ленинградскую организа-

[311] Там же. С. с. 663, 672.
[312] Там же. С. 673.
[313] Там же. С. 674.

цию в «феодальную вотчину», в которой ни один партиец «не имел права сказать ни одного слова против оппозиции»[314].

Примечательно, что даже Троцкий, занимавший на данном заседании примирительную позицию и требовавший исправления внутрипартийного режима в целом (следует отметить, что спустя несколько недель Троцкий все-таки присоединился к оппозиции), признал, что «ленинградский режим» представлял собой «наиболее резкое выражение общепартийного режима»[315]. Отметим также, что вышеупомянутое высказывание Троцкого опровергает тезис Г.И. Чернявского о том, что в ходе заседания Политбюро 18 марта 1926 г. Троцкий оказывал поддержку Зиновьеву и тем самым наметил курс на создание «объединенной оппозиции»[316]. Колебания Троцкого относительно выбора политических союзников в те мартовские дни 1926 г. подтверждаются и тем фактом, что 19 марта, т.е. на следующий день после заседания, Троцкий предложил Бухарину встретиться и еще раз «переговорить о создавшемся положении»[317].

В конце заседания Сталин, закрывая тему внутрипартийной демократии, обратился к «доктрине единства», игравшей традиционно важную роль в полемическом арсенале фракции большинства. Данная доктрина, опиравшаяся на резолюцию X съезда «О единстве партии», провозглашала в качестве первоочередной необходимости обеспечение «единства и сплоченности партийных рядов»[318]. На этом основании деятельность оппозиции, провоцировавшая дискуссии по различным проблемам, трактовалась фракцией большинства как подрыв единства партии и пролетарской дисциплины. Суть данной позиции в лапидарной форме была сформулирована Сталиным в конце заседания: «Если хотят превратить партию в дискуссионный клуб, то мы не можем на это пойти, ибо наша партия есть боевая партия революционной

[314] Там же. С. 675.
[315] Там же. С. 677.
[316] Чернявский Г.И. Лев Троцкий. М., 2010. С. 393.
[317] Троцкий Л.Д. Портреты революционеров. М., 1991. С. 190.
[318] КПСС в резолюциях и решениях.Т. 2. С. 334—335.

борьбы, а не кружок дискуссантов»[319]. Вообще, тезис, гласивший, что «партия — это не дискуссионный клуб»[320], был одним из любимых штампов Сталина в полемике с оппозиционерами. Сталин неоднократно повторил данная формулировку как в ходе данного заседания[321], так и на заседании Политбюро 8 сентября 1927 г.[322]

Дискурс Каменева на этом заседании можно охарактеризовать как апеллирование к авторитету Ленина. Конечно, в условиях активного формирования культа Ленина в СССР, такого рода дискурс являлся органичной частью политической культуры большевизма. Однако утверждение Каменева о том, что Ленин не применял организационных мер против несогласных и избегал «теории дискредитирования»[323], было нетрудно опровергнуть. Справедливым представляется замечание Сталина о том, что Ленин «иногда действовал много круче и решительнее». В качестве примера Сталин привел общеизвестный факт: разногласия Зиновьева и Каменева с Лениным накануне Октябрьского переворота едва не привели к их исключению из партии[324]. Данный пример, напоминавший о прошлых «ошибках» Зиновьева и Каменева, также служил цели их компрометации. Кроме того, в зале заседания вскользь прозвучала фамилия А.Г. Шляпникова[325], которая также напоминала о нетерпимости Ленина по отношению к оппонентам[326].

Наконец, отдельного внимания заслуживает попытка Каменева использовать ленинское «Письмо к съезду» для компрометации Сталина: «Когда я на съезде сказал фразу о том, что Сталин не может объединить вокруг своего имени большевистского штаба (Каменев имел в виду фразу из своего выступления на XIV партсъезде[327] — *Д.А.*), и когда съезд шумно протестовал

---

[319] Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 1. С. 689—690.
[320] Данная формулировка является отсылкой к тексту резолюции «О партстроительстве» от 5 декабря 1923 г. Полная версия этой фразы гласит: «Партия… не может быть рассматриваема как дискуссионный клуб для всех и всяческих направлений» (РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 28).
[321] Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 1. С. 673, 682, 689.
[322] Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 2. С. 569, 596.
[323] Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 1. С. 669.
[324] Там же. С. 673.
[325] Там же.
[326] См. параграф 1.1.
[327] XIV съезд ВКП(б). С. 275.

против этого и устроил Сталину овацию, я бы мог перерезать эту овацию, если бы сказал, что я ведь только повторяю слова Ильича и ничего больше»[328].

Отвечая на данную реплику Каменева, Сталин проявил себя мастером софистического опровержения. В сталинской интерпретации смысл «Письма к съезду» был значительно искажен. При подготовке стенографического отчета Сталин вырезал из своей речи фразу, намекавшую о главных опасениях Ленина насчет него: «Я не гожусь и могу злоупотребить властью»[329]. Вместо этого Сталиным был сделан акцент на грубости как «свойстве не из хороших», не помешавшем, однако, пленуму ЦК дважды отклонить его просьбу об отставке[330]. Тем самым Сталин выступил еще и в образе «благородного политика», подчеркнув, что не держится за свою должность. Кроме того, упомянув о ленинских указаниях на «небольшевизм» Троцкого и «октябрьские ошибки» Зиновьева и Каменева («которые не были случайностью»), Сталин заявил, что является «единственным, об ошибках которого не упоминается в письме ни единым словом»[331]. Отметим, что с данным утверждением Сталина трудно поспорить, однако верно и другое замечание: Сталин был также единственным из упомянутых в «письме» большевистских вождей, которого Ленин рекомендовал снять с должности.

«Объединенная оппозиция», лидерами которой выступали Троцкий, Зиновьев и Каменев, складывалась постепенно, в ходе многочисленных политических маневров. Препятствием на пути к формированию «объединенной оппозиции» было взаимное недоверие между «троцкистами» и представителями «новой оппозиции», возникшее в результате внутрипартийной борьбы предшествующих лет.

Троцкий не принимал участия в дискуссии, происходившей между «новой оппозицией» и большинством партийного руководства в декабре 1925 г. Однако он внимательно следил за развитием событий. Как видно из

---

[328] Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 1. С. 686.
[329] Там же. С. 688, 712.
[330] Там же. С. 688.
[331] Там же.

его дневниковых записей, он отдавал себе полный отчет в том, что Зиновьев и Каменев являются такими же «аппаратчиками», как и Сталин, и что их выступление представляет собой лишь «аппаратную оппозицию» большинству ЦК[332].

После XIV съезда партии Троцкий контактировал со Сталиным и Бухариным, которые выражали готовность к сотрудничеству с «троцкистами» для того, чтобы предотвратить их возможный блок с «новой оппозицией»[333]. 9 января 1926 г. в личном письме Бухарину Троцкий выразил надежду на возрождение коллективной работы в Политбюро «без "троек", "четверок" и "девяток"»[334]. Как уже было отмечено выше, на заседании Политбюро 18 марта 1926 г. Троцкий занимал нейтральную позицию. На следующий день он предложил Бухарину встретиться, чтобы обсудить вопрос о внутрипартийном положении: «Хотя из вчерашнего заседания Политбюро мне стало совершенно ясно, что в Политбюро окончательно определилась линия на дальнейший зажим, со всеми вытекающими отсюда последствиями для партии, но я не хочу отказаться еще от одной попытки объяснения, тем более что Вы сами мне предложили переговорить о создавшемся положении»[335].

Колебания Троцкого Бухарин и Сталин считали «попыткой разыгрывать роль третьей силы»[336]. После того, как Троцкий убедился, что фракция большинства не намерена рассматривать его в качестве полноправного союзника, он сделал выбор в пользу союза с «новой оппозицией». В свою очередь, Зиновьев и Каменев после ряда серьезных поражений в борьбе с «дуумвиратом» нуждались в союзе с такой крупной политической фигурой, как Троцкий.

Сближение Троцкого и лидеров «новой оппозиции» впервые обнаружилось на пленуме ЦК, проходившем с 6 по 9 апреля 1926 г. В прениях по докладу Рыкова, посвященному хозяйственной политике, Троцкий раскрити-

---

[332] Архив Троцкого. Т. 1. С. 154.
[333] См.: Письмо Л.П. Серебрякова И.В. Сталину // Большевистское руководство. Переписка. С. 324—325.
[334] Троцкий Л.Д. Портреты революционеров. М., 1991. С. 188.
[335] Там же. С. 190.
[336] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 796. Л. 28, 40.

ковал недооценку фракцией большинства задачи более быстрого развития промышленности: «Мы находимся в периоде первоначального социалистического накопления, что предполагает высшее напряжение сил и средств для индустриализации… Политика должна быть согласована с хозяйственной целью. Только таким путем, не убаюкивая себя, понимая опасность отставания, а тем более смертельную опасность черепашьего шага, можно необходимый темп обеспечить. Фаталистический оптимизм недопустим… Здесь нужна отчетливая установка. Резолюция ее не дает»[337]. Каменев и Зиновьев заявили о своей солидарности с Троцким[338].

Совместное выступление Зиновьева, Каменева и Троцкого на заседании Политбюро 3 июня 1926 г. по вопросу об итогах всеобщей стачки в Великобритании ознаменовало собой окончательное оформление «объединенной оппозиции». Оппозиционеры получили возможность выступить с критикой большинства Политбюро по международным вопросам. Главный удар они планировали нанести по Англо-русскому комитету профсоюзного единства (АРК). Этот орган, в который на паритетных началах вошли представители ВЦСПС и Генерального совета тред-юнионов, должен был стать инструментом политики единого рабочего фронта в Европе[339]. 26 мая 1926 г. Зиновьев разослал членам Политбюро свой проект тезисов об «Уроках английской забастовки», в котором выдвинул требование выхода из АРК. Зиновьев заявил, что «вожди Генсовета, подло предавшие дело английского пролетариата, не призваны и не могут вести дело международного пролетариата, не могут выступать в роли борцов за международное пролетарское единство»[340].

Логика внутрипартийной борьбы вынуждала фракцию большинства выступить в защиту АРК. 1 июня 1926 г. Бухарин и Молотов написали об этом Сталину, который в тот момент находился в отпуске на Кавказе: «Считаем крайне важным, чтобы ты немедленно ознакомился с тезисами и дал

[337] Там же. Ф. 17. Оп. 2. Д. 220. Л. 19.
[338] Там же. Л. 29, 96—97.
[339] Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 163.
[340] Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 1. С. 860.

свое мнение сюда. Зиновьев обливает грязью проводившуюся до сих пор коминтерновскую политику… и берет фактически на себя инициативу немедленного разрыва с Генсоветом. Троцкий также за демонстративный разрыв с Генсоветом. Считаем это отзовистской глупостью, с которой ЦК должен беспощадно бороться. Надо вскрыть оппортунизм, прикрываемый "левой" фразой»[341].

Оппозиционеры требовали скорейшего обсуждения вопроса в Политбюро. Активные действия оппозиции стимулировались не только уверенностью в правильности своих взглядов, но и отсутствием Сталина[342]. В свою очередь, Сталин советовал своим соратникам не реагировать на требования оппозиционеров: «Не понимаю, как они могут торопить вас, когда вы имеете большинство. Отложите вопрос еще на неделю и пошлите их к черту»[343]. Однако традиции коллективной работы в Политбюро не позволяли так легко игнорировать требования лидеров оппозиции. В аппарате Бухарина в спешном порядке готовились контртезисы для предстоящего заседания Политбюро. По словам Молотова, они должны были «разоблачить авантюристический отзовизм в вопросе о разрыве с Генсоветом»[344].

Заседание Политбюро по вопросу «Об уроках английской всеобщей стачки» состоялось 3 июня 1926 г. По требованию Зиновьева данное заседание стенографировалось[345]. Докладчиком по единственному пункту повестки дня выступил Зиновьев. Вопреки очевидным фактам, Зиновьев настаивал на том, что стачка носила политический характер и могла привести к установлению в Великобритании власти рабочего класса, если бы не капитуляция Генсовета. Он подчеркивал, что еще задолго до стачки он предупреждал о неправильности курса Политбюро на сотрудничество с лейбористами и «мнимо-левыми вождями тред-юнионов»[346].

---

[341] Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 158—159.
[342] Решением Политбюро от 20 мая 1926 г. Сталину был предоставлен отпуск на полтора месяца (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1481. Л. 25).
[343] Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 61.
[344] Там же. С. 60.
[345] Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 1. С. 904.
[346] Там же. С. 745.

В заключительной части доклада Зиновьев обратился к своим оппонентам со следующими словами: «То, что вы предпринимаете, это танец с мертвецами. Вы хотите танцевать кадриль с мертвецами. Ибо как вожди борющегося пролетариата эти люди из Генсовета умерли, что вовсе не значит, что они умерли как агенты буржуазии. Увы, как с предателями рабочего дела с ними придется считаться еще не раз. Это ваша глубочайшая политическая ошибка»[347]. В целом, упреки Зиновьева и Троцкого в адрес большинства Политбюро подразумевали, что оно не способно разработать правильную линию в международных вопросах.

Контртезисы большинства Политбюро, внесенные от имени Бухарина, Молотова и Томского были розданы только в день заседания. Не отказываясь от критики в адрес «предателей» из Генсовета, они выступили за сохранение АРК. При этом подчеркивалось, что АРК был создан отнюдь не в революционных целях, а для того, чтобы «закрепить братскую связь между рабочим классом Великобритании и рабочим классом СССР и проложить путь к восстановлению единства международного профдвижения»[348]. Отвечая на выступление Зиновьева, Томский заявил: «Ваша концепция построена на ожидании завтрашней революции в Англии, чего на самом деле нет. Вы сами это знаете». На это тут же отреагировал Троцкий: «А ваша на том, что ее никогда не будет»[349].

В целом, дебаты в Политбюро 3 июня 1926 г. представляли собой столкновение двух разных тактических установок. Как верно заметил А.Ю. Ватлин, оппозиционеры сплотились вокруг «идеологически чистой» международной платформы, основанной на вере в возможность скорого осуществления социалистической революции в Великобритании[350]. Поэтому с идеологической точки зрения, позиция большинства Политбюро была заведомо

---

[347] Там же. С. 751.
[348] Там же. С. 877.
[349] Там же. С. 756.
[350] Vatlin A. "Class Brothers Unite!" The British General Strike and the Formation of the "United Opposition"// The lost Politburo transcripts: From collective rule to Stalin's dictatorship / edited by Paul R. Gregory and Norman Naimark. New Haven; London, 2008. P. 72.

проигрышной. С другой стороны, с точки зрения реальной политики (Realpolitik) оправданными представляются обвинения в адрес оппозиционеров в «левом ребячестве» (Томский)[351] и «беспринципной игре в "левизну"» (Молотов)[352].

Думается, что анализ дебатов об итогах всеобщей стачки в Великобритании позволяет согласиться с мнением А.Ю. Ватлина: каждая из конфликтующих сторон могла трактовать итоги данного заседания в свою пользу. С одной стороны, Зиновьев и Троцкий выступили единым фронтом и представили партийному активу свою платформу в международных вопросах. С другой стороны, фракция большинства в данной полемике, несмотря на отсутствие Сталина, показала себя способной дать действенный отпор «левой» риторике оппозиционеров при обсуждении международных проблем[353].

Таким образом, в связи с усилением внутрипартийной борьбы стенографические отчеты заседаний Политбюро предоставляли лидерам «объединенной оппозиции» легальную возможность выражения своей политической платформы и критики оппонентов. Стенографирование заседаний Политбюро выполняло функцию «защитного клапана»[354], который канализировал взаимную дискредитацию сторон, препятствуя переходу внутрипартийной борьбы в фазу открытого противостояния.

Новое столкновение между фракцией большинства и «объединенной оппозицией» произошло на заседании Политбюро 14 июня 1926 г., на котором обсуждался вопрос о работе Московского комитета партии. Как и в случае с заседанием 3 июня 1926 г., данное заседание стенографировалось. Следует отметить, что острота происходившей на этом заседании дискуссии была обусловлена тем, что деятельность МК имела важное значение в контексте внутрипартийной борьбы. В частности, об этом свидетельствуют слова, ска-

---

[351] Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 1. С. 754.
[352] Там же. С. 759.
[353] Vatlin A. "Class Brothers Unite!" The British General Strike and the Formation of the "United Opposition". P. 61, 71.
[354] Подробнее об особых институтах, играющих роль «защитных клапанов» во внутригрупповых конфликтах, см.: Козер Л. Указ. соч. С. 62—70.

занные докладчиком заседания, первым секретарем МК Углановым: «В Москве мы имеем основной политический центр — Коминтерн, ЦК, здесь наиболее быстро бьет политическая мысль, здесь критика на промахи выявляется более резко»[355]. В своем выступлении Угланов откровенно заявил, что руководство МК проводит курс на то, чтобы сделать московскую парторганизацию «стальной твердыней» в борьбе с оппозиционерами: «Мы работаем над укреплением единства нашей партии и боремся против фракций и группировок и ненужных дискуссий»[356].

По существу, в прениях по докладу Угланова оппоненты вернулись к вопросам, поднимавшимся в 1923 г. во время дискуссии о внутрипартийной демократии. Троцкий вновь выступил с критикой сложившегося внутрипартийного режима: «У нас никогда не было такого положения, чтобы один член партии так боялся другого, как сейчас… Партийцы молчат, ибо считают, что в случае критики их возьмут сейчас же на заметку… Когда морально-политическая спайка уходит куда-то под спуд, когда никто не смеет голосовать "против", когда все голосования всегда проходят единогласно на 100 %, разве это не является архитревожным признаком? Не может быть, чтобы в партии, которая включает в себя миллион членов разного социального происхождения, разного стажа, разных условий жизни, не было бы по тем или другим вопросам согласных или несогласных»[357].

Поднятая Троцким тема получила развитие в речи Зиновьева. В начале своего выступления Зиновьев охарактеризовал их совместную с Троцким деятельность как наступление против «самодержавия Сталина»[358]. Примечательно, что уже после заседания Зиновьев внес в заключительную часть своей речи фрагмент, делавший ее более острой с политической точки зрения: «Метод, который ввел т. Угланов в Москве, хорошо известен. Все делается шито-крыто, под сурдинку, не на открытых официальных собраниях.

---

[355] Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 2. С. 89.
[356] Там же.
[357] Там же. С. 89—90.
[358] Там же. С. 105.

Собираются какие-то "десятки" при закрытых дверях. Идут нашептывания. Фактически идет непрестанная фракционная "работа"... Высылки за смелое самостоятельное слово на партсобрании стали бытовым явлением. Никто не смеет слова сказать. Сотни выдающихся рабочих и работников партии вообще превращаются на деле в "беспартийных", они не могут пойти к рабочим, хотя рабочие хотели бы их видеть»[359].

В ответных выступлениях Молотова, Дзержинского и Бухарина доказывалось, что сила партии состоит в ее монолитном единстве, способности противостоять «раскольничьей» деятельности фракционных группировок[360]. Как и следовало ожидать, была принята резолюция, одобрявшая деятельность МК в различных областях, в том числе и в области внутрипартийной работы: «Московская организация в основном правильно и систематически ведет борьбу за единство партии против фракционности и группировок, расшатывающих это единство, и выполняет в этом отношении исключительно важную роль в деле идейного преодоления антиленинских уклонов в партии»[361].

Вместе с тем, вопреки ожиданиям оппозиции, стенографический отчет данного заседания Политбюро так и не был опубликован[362]. По всей видимости, решение о засекречивании данной стенограммы было реакцией фракции большинства на переход оппозиционеров к запрещенной фракционной деятельности.

15 июня 1926 г. находившийся на отдых Сталин писал Молотову: «А я думаю, что в скором времени партия набьет морду и Троцкому и Грише с Каменевым и сделает из них отщепенцев, вроде Шляпникова»[363]. Ожидания Сталина были связаны с так называемым «делом Лашевича».

6 июня 1926 г. в дачной местности в Подмосковье собралось около 70 коммунистов Краснопресненского района Москвы. Организаторами этого

---

[359] Там же. С. 108.
[360] Там же. С. 100—104, 109—110, 110—113.
[361] Там же. С. 121.
[362] Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 1. С. 16.
[363] Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 71.

собрания являлись бывшие работникики райкома партии, примыкавшие к оппозиции — Г.Я. Беленький, И.С. Чернышев, Б.Г. Шапиро. Главным событием собрания стал доклад о внутрипартийном положении, прочитанный соратником Зиновьева М.М. Лашевичем. Уже на следующий день один из участников мероприятия рассказал о нем секретарю Краснопресненского райкома М.Н. Рютину. В свою очередь, Рютин передал дело в ЦКК. 12 июня 1926 г. Президиум ЦКК на основании материалов следственной комиссии принял постановление, квалифицировавшее собрание как подпольное и фракционное. В отношении семи участников собрания были применены партийные взыскания. Лашевичу объявили строгий выговор с предупреждением. Более того, Президиум ЦКК принял решение обратиться к очередному пленуму ЦК и ЦКК с предложением исключить Лашевича из состава ЦК, снять его с поста зампреда Реввоенсовета СССР и лишить права занимать ответственные партийные должности в течение двух лет[364].

Вышеизложенные события имели значительные политические последствия. В письме соратникам от 25 июня 1926 г. Сталин предложил возложить на Зиновьева политическую ответственность за «дело Лашевича»: «Группа Зиновьева стала вдохновителем всего раскольничьего в оппозиционных течениях, фактическим лидером раскольничьих течений в партии»[365]. На этом основании в отношении Зиновьева предусматривалось конкретное политическое наказание: «Не только Лашевича нужно вывести из ЦК, но и Зиновьева нужно вывести из Политбюро с предупреждением вывода его из ЦК, если не будет прекращена его работа по подготовке раскола»[366]. Кроме того, в письме подчеркивалось, что вопрос об исключении Троцкого из Политбюро не стоит, поскольку его не следует связывать с «политикой раскола», проводимой Зиновьевым. При этом Сталин не скрывал, что в данном случае была сделана

[364] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 83. Л. 172 об—178 об.
[365] Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 72.
[366] Там же. С. 73.

ставка на то, чтобы вывести Троцкого из оппозиции и сделать его вновь «лояльным»[367].

Анализ июльского объединенного пленума ЦК и ЦКК (14—23 июля 1926 г.) показывает, что большинство ЦК действовало по сценарию, предложенному Сталиным и одобренному остальными членами «семерки». Этот план сводился к тому, чтобы «дело Лашевича» трансформировать в «дело Зиновьева». Рассмотрение пленумом «дела Лашевича» началось 21 июля. Докладчиком по данному вопросу выступил председатель ЦКК В.В. Куйбышев: «Все эти обстоятельства заставляют нас признать политически ответственным за эту фракционную борьбу и тов. Зиновьева. Было бы пустым формализмом, недостойным большевистского ЦК и ЦКК, если бы мы, имея перед собой это опасное явление, ограничились бы тем, что покарали бы стрелочника. Для всех нас очевидно и ясно, что дело тут идет о том, что эта фракционная борьба руководилась отсюда из центра и что Политбюро ЦК, членом которого являлся тов. Зиновьев, было тем местом, из которого руководилось это вредное для партии дело»[368].

Такой поворот событий был неожиданным для Зиновьева, уверенного в том, что фракция большинства не станет применять в отношении него наказание в виде исключения из Политбюро. В фонде Зиновьева сохранилась черновая запись, сделанная им приблизительно в середине июня 1926 г.: «Мученики — ответ на вопрос, почему не создать устойч[ивый] П[олит]б[юро]. Устранить из П[олит]б[юро] З[иновьева] и Т[роцкого] не мог[ут]»[369].

Несмотря на протест оппозиции[370], июльский пленум принял резолюцию, в которой утверждалось, что «оппозиция решила перейти от легального отстаивания своих взглядов к созданию всесоюзной нелегальной организации, противопоставляющей себя партии и подготовляющей, таким образом,

---

[367] Там же. С. 73—74.
[368] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 246. Вып. IV. Л. 6 об.
[369] Там же. Ф. 324. Оп. 1. Д. 110. Л. 73.
[370] Архив Троцкого. Т. 2. С. 22.

раскол ее рядов»[371]. Зиновьев был исключен из состава Политбюро за «фактическое руководство фракционной борьбой оппозиции». Лашевич был исключен из состава ЦК, снят с поста зампреда Реввоенсовета СССР и лишен права вести ответственную партийную работу в течение двух лет[372]. Следует отметить, что данное решение стало первым случаем применения 7 пункта резолюции X съезда «О единстве партии».

Осенью 1926 г. лидеры «объединенной оппозиции» перешли в открытое наступление, обратившись к массе рядовых членов партии с целью организовать политическую кампанию против политики ЦК партии. Для этого оппозиционеры выступали на собраниях партячеек, которые устраивались явочным порядком, без санкции местных парткомов[373].

В свою очередь, фракция большинства восприняла это как сигнал к контрнаступлению против оппозиции. В письме Молотову от 23 сентября 1926 г. Сталин обозначил ближайшие перспективы развития внутрипартийного конфликта: «Если Троцкий “в бешенстве”, и он думает “открыто ставить ва-банк”, тем хуже для него. Вполне возможно, что он вылетит из ПБ теперь же, — это зависит от его поведения. Вопрос стоит так: либо они должны подчиниться партии, либо партия должна подчиниться им»[374].

2 октября 1926 г. бюро МК ВКП(б) приняло резолюцию, в которой деятельность оппозиционеров в московских партячейках была подвергнута резкому осуждению: «Факты распространения нелегальной литературы, трудно отличимой от меньшевистской литературы, нелегальных собраний и даже нелегальных членских взносов свидетельствуют о том, что оппозиционные вожди переходят все границы партийно-допустимых методов борьбы… Фактическую подготовку раскола кучкой оппозиционных лидеров и попытки

[371] КПСС в резолюциях и решениях. Т. 4. С. 49—50.
[372] Там же. С. 52.
[373] Подробнее см.: Назаров О.Г. Сталин и борьба за лидерство. С. 156—158.
[374] Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 93.

срыва деловой работы партии бюро МК считает прямым преступлением против партии»[375].

3 октября 1926 г. Троцкий, Зиновьев и Пятаков направили в Политбюро свой протест по поводу резолюции МК, подчеркнув, что «она сама по себе представляет неоспоримый довод за необходимость изменения партийного режима»[376]. На следующий день, 4 октября, в Политбюро было направлено новое заявление, еще более осложнившее ситуацию. Лидеры «объединенной оппозиции» предложили фракции большинства совместными усилиями прийти к компромиссу: «Мы предлагаем Центральному Комитету еще раз совместными силами попытаться найти мирный выход из тяжелого положения. Ни для кого не может быть сомнения, что особенно за последний период внутрипартийная борьба приняла формы, грозящие нормальной жизни партии. Дальше так продолжаться не может»[377]. Вопрос о причинах такого шага требует специального изучения. Можно предположить, что тем самым оппозиционные лидеры, потерпевшие неудачу в попытке всколыхнуть партийную массу, рассчитывали сгладить остроту конфликта с большинством ЦК.

Условия для «установления мира в партии» обсуждались на заседаниях Политбюро 8 и 11 октября 1926 г. Документ, составленный Бухариным, Рыковым и Томским, требовал от оппозиционеров «немедленно прекратить фракционную работу» и травлю «партийного аппарата», а также открыто заявить о подчинении решениям высших партийных инстанций[378]. Оппозиционеры, в свою очередь, потребовали предоставления им политических гарантий: инакомыслящие» не должны обвиняться в «меньшевизме, неверии в социализм»; «отстаивание своих взглядов в ячейках не должно вызывать никаких репрессий»; «ЦКК пересматривает дела исключенных за оппозицию в целях восстановления их в членстве в партии»; «перед съездом оппозиция

[375] Приложение 1 к стенограмме заседаний Политбюро 8 и 11 октября 1926 г. // Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 2. С. 419.
[376] Приложение 2 к стенограмме… // Там же. С. 420.
[377] Приложение 3 к стенограмме… // Там же. С. 423.
[378] Приложение 9 к стенограмме… // Там же. С. 434.

должна получить возможность перед партией свои взгляды»[379]. Таким образом, изначальный расчет оппозиции состоял в том, чтобы добиться установления «мира» в партии на компромиссных условиях.

На заседании 8 октября большинство Политбюро сходу отвергло предложения оппозиции как «неискренние»[380] и тем самым дало понять, что рассчитывает на безоговорочную капитуляцию оппозиции. Пауза между заседаниями была использована для ужесточения ультиматума: в него был добавлен новый принципиальный пункт, согласно которому оппозиция должна была признать свою деятельность после XIV съезда «недопустимой и безусловно ошибочной». В ходе заседания 11 октября Зиновьев, выражая несогласие с предложенными условиями «мира», провел историческую аналогию с Брестским миром: «Действительно ли хотите добиться от нас чего-нибудь того, за что каждый большевик должен перестать себя уважать»[381].

Разумеется, столь решительная позиция фракции большинства в этом вопросе основывалась на соотношении сил в партии и последних неудачах оппозиции. Характерной в этом смысле является фраза кандидата в члены Политбюро Г.И. Петровского, произнесенная им в ходе заседания 11 октября: «Оппозиция требует равноправия? Требования выставляет? Вы явились сюда на заседание Политбюро стороной, которая в стране не имеет никакой поддержки»[382].

Заседание Политбюро 11 октября, продолжавшееся более шести часов[383], имело характер односторонней дискредитации оппозиции. Большое внимание было уделено критике «лицемерного» характера предложенного оппозицией компромисса: «Этот документ есть новый плевок в партию» (Рудзутак)[384]; «Ваш "мир" является перемирием, накоплением сил для нового

---

[379] Приложение 11 к стенограмме… // Там же. С. 438.
[380] Там же. С. 347—350.
[381] Там же. С. 402.
[382] Там же. С. 371
[383] Начало заседания было назначено на 6 часов вечера, в первом часу ночи прения еще продолжались (см.: Там же. С. 352, 395).
[384] Там же. С. 359

боя» (Угланов)[385]; «Оппозиция, предлагая мир, прячет за пазухой огромный булыжник» (Ворошилов)[386]; «Это не мир, а дипломатия» (Калинин)[387]. Выступление Зиновьева в Ленинграде 7 октября (т.е. «уже после подачи заявления о мире») Ворошилов прокомментировал с крайним раздражением: «Не для внешнего мира говорю, а говорю вам, чтобы вы знали, и при первой возможности скажу открыто всей партии, что вы организатор второго Кронштадта»[388].

Присутствовавшие на заседании оппозиционеры (Зиновьев, Каменев, Троцкий, Пятаков, Смилга и Сокольников), признав свое «поражение в военных действиях»[389], оказались в положении проигравшей стороны и вынуждены были отказаться от ответных политических обвинений. Безусловно, проведение такой «пассивной» тактики в рамках полемики, как правило, расценивается как безусловная слабость и капитуляция. Не случайно, Ворошилов, характеризуя поведение оппозиционеров на данном заседании, с удовлетворением писал Орджоникидзе, что они «держались как холуи»[390]. Думается, что фактором, стимулировавшим «покорность» оппозиционеров, стала угроза, четко сформулированная в выступлении Сталина: «Можем ли мы сохранить вас, лидеров оппозиции, как членов ЦК, или нет. В этом теперь главный вопрос»[391].

По всей видимости, в расчетах лидеров оппозиции возобладали именно эти соображения, когда 16 октября они подписали текст заявления, в котором признавали «ошибочность» своих действий после XIV съезда[392]. Данное заявление, опубликованное на следующий день в «Правде», по своей сути являлось актом публичного «покаяния» оппозиции. Благодаря этому заявлению лидеры оппозиции сохранили членство в ЦК, получив более мягкое наказа-

---

[385] Там же. С. 360.
[386] Там же. С. 364.
[387] Там же. С. 372.
[388] Там же. С. 363.
[389] Там же. С. 392.
[390] Дополнение 1 к стенограмме... // Там же. С. 458.
[391] Там же. С. 389.
[392] Там же. С. 451—453.

нис. 23 октября 1926 г. объединенный пленум ЦК и ЦКК вынес решение освободить Зиновьева от работы в Коминтерне, Троцкого — от обязанностей члена, а Каменева — кандидата в члены Политбюро[393].

Таким образом, осенью 1926 г. стенографирование заседаний Политбюро получило новую область применения. Содержание стенограмм Политбюро от 8 и 11 октября 1926 г. показывает, что фракция большинства использовала этот руководящий орган для проведения высшего партийного суда над лидерами оппозиции, прибегнувшими к запрещенным методам фракционной борьбы.

Зимой 1926—1927 гг. в ходе внутрипартийной борьбы наступило временное затишье. Импульсом для нового выступления «объединенной оппозиции» стал кризис революции в Китае. В течение нескольких лет Москва ориентировала китайских коммунистов на сотрудничество с Гоминьданом. Однако в апреле 1927 г. лидер Гоминьдана Чан Кайши обрушил на коммунистов волну репрессий. В данной ситуации оппозиционеры получили повод для новой критики в адрес «руководящего коллектива». Троцкий впоследствии писал: «Уже к началу 1927 г. Зиновьев был готов капитулировать, если не сразу, то в несколько приемов. Но тут произошли потрясающие события в Китае. Преступность сталинской политики ударила в глаза. Это отодвинуло на время капитуляцию Зиновьева и всех, кто последовал позже за ним»[394].

25 мая 1927 г. в адрес ЦК было направлено письмо, представлявшее собой программный документ оппозиции и получившее название «Заявление 83-х»[395]. Все подписавшие этот документ являлись большевиками с дооктябрьским стажем. Примечательно, что среди подписантов не было Каменева. Можно предположить, что уже тогда Каменев начинал задумываться о прекращении своей оппозиционной деятельности.

---

[393] КПСС в резолюциях и решениях. Т. 4. С. 67—68.

[394] Троцкий Л.Д. Моя жизнь. С. 502.

[395] На самом деле под документом стоит 84 подписи. По всей видимости, данное несоответствие было вызвано ошибкой при первоначальном подсчете.

«Заявление 83-х» начиналось с указания на ошибки, допущенные в руководстве китайской революцией, которые привели к ее поражению. К этим ошибкам были отнесены сотрудничество с «буржуазным» Гоминьданом и отсутствие решительных революционных действий. При этом подчеркивалось, что «поражение китайской революции может чрезвычайно приблизить войну против СССР»[396]. Другим международным вопросом, по которому критиковался официальный курс, была позиция по отношению к АРК. Сотрудничество с британским Генсоветом тред-юнионов в рамках АРК было подвергнуто критике на том основании, что деятели Генсовета занимают позицию «английской буржуазии». В этой связи делался вывод о том, что в случае войны «империалистических держав» против СССР они выступят на стороне своего правительства и «будут играть такую же подло-предательскую роль», как в период Первой мировой войны[397].

Критика в адрес ЦК была продолжена при анализе вопросов внутренней политики. Отмечая трудности хозяйственного развития СССР, авторы заявления подчеркивали, что эти трудности усугубляются принятием в качестве генеральной линии партии «мелкобуржуазной» сталинской теории «построения социализма в одной стране»[398]. Оппозиционеры утверждали, что ЦК «замалчивает» расслоение в деревне и продолжает делать «ставку на крепкого крестьянина». Политические последствия этой политики были обозначены следующим образом: «Все это ослабляет нашу опору в деревне и затрудняет союз рабочего класса и крестьянской бедноты с середняком»[399]. Кроме того, особое внимание уделялось критике внутрипартийного режима: «Всякая попытка поставить спорные вопросы перед партией, объявляется покушением на единство партии. Неправильная линия закрепляется сверху механическим путем. Создается показное единство и официальное благополучие»[400].

---

[396] Архив Троцкого. Т. 3. С. 61.
[397] Там же. С. 62.
[398] Там же. С. 63.
[399] Там же. С. 64.
[400] Там же. С. 68.

В целом, следует отметить, что процесс разрушения коллективного руководства в 1925—1927 гг. был обусловлен личными амбициями и ошибками Зиновьева и Троцкого, которые обратились к методам фракционной борьбы, стремясь перенести имевшиеся внутри «руководящего коллектива» партии противоречия (которые, между прочим, имели не принципиальный, антагонистический, а тактический характер и явно не соответствовали остроте конфликта[401]) в фазу открытого противостояния, — и тем самым грубо нарушали нормы и традиции коллективного руководства.

Оппозиционная деятельность Троцкого и Зиновьева стала предметом специального рассмотрения на заседаниях ЦКК 13 и 14 июня 1927 г. От имени оппозиции Троцкий заявил: «Сталинский режим мы будем критиковать до тех пор, пока вы нам механически не закроете рот. До тех пор, пока вы не вгоните нам в рот кляп, мы будем критиковать этот сталинский режим, который иначе подорвет все завоевания Октябрьской революции»[402].

Сталин, находившийся на отдыхе, остался крайне недоволен тем, что Троцкий и Зиновьев перехватили инициативу на этих заседаниях и использовали свои выступления для обвинений в адрес политических оппонентов. 23 июня 1927 г. Сталин с раздражением писал Молотову: «Посмотрел (очень бегло) “стенограмму заседания ЦКК” по делу Зиновьева и Троцкого. Получается впечатление сплошного конфуза для ЦКК. Допрашивали и обвиняли не члены ЦКК, а Зиновьев и Троцкий. Странно, что попрятались некоторые члены ЦКК. А где Серго (Орджоникидзе — *Д.А.*)? Куда и почему он спрятался? Позор! Решительно протестую против того, что комиссия по обвинению Троцкого и Зиновьева превратилась в трибуну по обвинению ЦК и КИ с заострением “дела” против Сталина, которого нет в Москве и на которого можно ввиду этого вешать всех собак. Неужели эту “стенограмму” отдадут

---

[401] Эта особенность противостояния фракции большинства и левой оппозиции неоднократно отмечалась в литературе: Черняков С.Ф. Указ. соч. С. 53—54, 70, 101, 107—122, 126—149; Васецкий Н.А. Указ. соч. С. 239—240; Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919—1927). М., 2001. С. 183—184, 294.

[402] Троцкий Л.Д. Сталинская школа фальсификаций: Поправки и дополнения к литературе эпигонов. М., 1990. С. 137.

на руки Троцкому и Зиновьеву для распространения. Этого еще не хватало»[403].

Следует отметить, что, несмотря на острую внутрипартийную борьбу 1926—1927 гг. и усилившееся влияние Сталина, Политбюро оставалось органом выработки коллективных решений. Вопрос об оппозиции вызывал большие споры в «руководящем коллективе». На XV съезде партии Орджоникидзе докладывал: «Если, товарищи, накануне 16 октября[404] ряд товарищей был исключен из партии за нарушение дисциплины, то после заявления 16 октября Контрольная комиссия делает буквально все для того, чтобы этих товарищей восстановить в качестве членов партии, и ставит перед ними только одно условие: больше не вести фракционной борьбы. Нам приходилось с некоторыми товарищами по три дня возиться, чтобы уговорить их остаться в партии… Я и т. Сольц возились с Владимиром Смирновым целую неделю… чтобы он отказался от того недопустимого заявления, которое он сделал на заседании ЦКК, и тем дал нам возможность отменить постановление МКК и оставить его в партии. Таким порядком мы восстановили почти 90 проц. исключенных…»[405]. Не случайно один из видных представителей левой оппозиции И.Я. Врачев в своем неопубликованном фантазийном рассказе «Из пережитого», написанном в конце 1928 г. во время пребывания в вологодской ссылке, определил Орджоникидзе особую роль: ему выпала честь быть одним из ораторов на XVII Чрезвычайном съезде ВКП(б), положившем конец «произволу сталинского аппарата». Более того, в фантазии Врачева Орджоникидзе был избран в президиум съезда как лидер «лучшей части бывшей центристской фракции»[406]. Отметим, что эти действия Орджоникидзе привели к конфликту со Сталиным. По словам Орджоникидзе, в конце 1926 г. у него со Сталиным произошло «резкое объяснение» на этот счет[407]. Бухарин в июле 1928 г. рассказывал Каменеву о поведении Орджони-

[403] Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 102.
[404] Имеется в виду 16 октября 1926 г., когда лидеры оппозиции подписали «покаянное» заявление.
[405] XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.—Л., 1928. С. 391.
[406] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 80. Л. 14.
[407] Там же. Оп. 171. Д. 181. Л. 7.

кидзе в связи с этим конфликтом: «Ходил ко мне, ругательски ругал Сталина»[408].

Летом 1927 г. вопрос об оппозиции вновь оказался в центре внимания «руководящего коллектива». Сталин добивался немедленного исключения Троцкого и Зиновьева из ЦК. 10 июня 1927 г. Молотов писал Сталину, находившемуся в тот момент в отпуске: «Обсуждали о Тр[оцком] и Зин[овьеве]. С мест Чубарь и Михайлов высказались против вывода Тр[оцкого] и Зин[овьева] из ЦК до съезда. Каган[ович] + Котов + Киров + Чудов за вывод. В итоге голоса разделились поровну (голосовали 7—7)»[409]. Рыков, Орджоникидзе, Калинин и некоторые другие члены «руководящего коллектива» выступали против немедленного исключения Троцкого и Зиновьева из ЦК, считая достаточным не избрать их в состав ЦК на ближайшем съезде[410]. Иными словами, эта умеренная линия заключалась в том, чтобы не применять в отношении оппозиционеров суровых наказаний, сохранив часть их политического авторитета.

Сталин требовал устроить новое голосование и учесть его голос заочно[411]. 21 июня Молотов отправил Сталину сообщение: «Вчера приняли вывод Зин[овьева] и Тр[оцкого] из ЦК с перевесом одного голоса… ЦКК завтра выносит свое решение и наверно в четверг — пятницу оно будет опубликовано в газетах»[412]. Действительно, 24 июня 1927 г. Президиум ЦКК принял постановление, в котором содержалось обращение к очередному пленуму ЦК и ЦКК с предложением исключить Зиновьева и Троцкого из состава ЦК[413]. Впрочем, объединенный пленум ЦК и ЦКК (29 июля — 9 августа 1927 г.) постановил снять с обсуждения вопрос об исключении Троцкого и Зиновьева из состава ЦК, ограничившись объявлением строгого выговора с предупреждением[414].

---

[408] См.: Там же. Л. 4, 7, 12 об.
[409] Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 767. Л. 37.
[410] Там же. Л. 38.
[411] Там же. Д. 71. Л. 8, 13.
[412] Там же. Д. 767. Л. 45.
[413] Правда. 1927. 26 июня.
[414] КПСС в резолюциях и решениях. Т. 4. С. 207.

Добавим, что Сталин встречал противодействие со стороны коллег и по некоторым другим вопросам. Так, в конце 1926 г. далеко не все члены «руководящего коллектива» разделяли его позицию относительно необходимости немедленного строительства электрической станции на Днепре — Днепростроя. Угланов впоследствии рассказал о разногласиях, проявившихся на заседании Политбюро 25 ноября 1926 г. при голосовании по данному вопросу: «… тт. Калинин, Томский, кажется, Ворошилов и я голосовали в Политбюро ЦК против этого, но вовсе не потому, что мы были против электрификации… А что я предлагал на Политбюро ЦК партии, когда решался вопрос о постройке Днепростроя? Я говорил: эта задача важная, но у нас есть более близкие задачи, более насущные. Я говорил: надо немедленно приступить к закладке и постройке крупнейших металлургических заводов, которые бы нам могли дать через 2—3 года 80—100 млн пудов чугуна, стали и железа, что будет гораздо важнее и для мирного хозяйственного строительства, и на случай войны»[415].

Отметим также, что летом 1927 г. Ворошилов, Орджоникидзе, Рыков и Рудзутак подвергали Сталина критике за то, что «наша политика в Китае поддается нажиму оппозиции»[416]. Не случайно 1 июля 1927 г. Молотов с тревогой писал Сталину о «внутреннем положении в "7-ке"»: «По вопросам об оппозиции, о Китае, об АРК уже наметилось б[олее] или м[енее] отчетливые деления, причем решения то и дело принимаются перевесом 1-го голоса… Я все больше думаю о том, не придется ли тебе приехать в М[оскву] раньше срока. Как это ни нежелательно из-за интересов лечения, но суди сам, какое положение. Кл[им] (Ворошилов — *Д.А.*)» доходит до огульного охаиванья "Вашего рук[оводст]ва за последние 2 года"! Симптомы плохие, устойчивость очень ненадежная»[417].

Таким образом, сильное сопротивление, с которым Сталин столкнулся в конце 1926 — 1927 гг. по вопросу об оппозиции и некоторым другим во-

[415] Как ломали нэп. Т. 4. С. 133, 709.
[416] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 767. Л. 36—37, 59.
[417] Там же. Л. 59—60.

просам, свидетельствует о том, что в указанный период по-прежнему сохранялось серьезное влияние традиций и механизмов коллективного руководства на принятие решений в высшем эшелоне власти.

К началу сентября 1927 г. был разработан наиболее подробный программный документ левой оппозиции под названием «Проект платформы большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП(б)». Его подписали 13 известных оппозиционных деятелей, являвшихся членами ЦК и ЦКК[418]. По мнению оппозиционеров, продолжение сталинского курса грозило партии и стране неминуемой катастрофой: «За последний период произошел решительный сдвиг партийного руководства с этих ленинских путей. Группа Сталина ведет партию вслепую. Скрывая силы врага, создавая везде и во всем казенную видимость благополучия, она не дает пролетариату никакой перспективы или, еще хуже, дает неправильную перспективу, движется зигзагами, приспособляясь и подлаживаясь к враждебной стихии, ослабляет и запутывает силы пролетарской армии, способствует росту пассивности, недоверия к руководству и неверию в дело революции»[419].

3 сентября 1927 г. оппозиционеры направили «Проект платформы» в Политбюро, требуя его распространения и открытия по нему общепартийной дискуссии в преддверии XV съезда партии. На объединенном заседание Политбюро и Президиума ЦКК 8 сентября 1927 г. фракция большинства и лидеры оппозиции вступили в жесткую полемику. Характер полемики был задан фракцией большинства уже в самом начале заседания, когда Рудзутак огласил проект резолюции Политбюро, сплошь состоявший из грубых политических обвинений в адрес оппозиции, названной «идейно-политическими банкротами» и «беспринципными демагогами»[420]. В результате взаимная дискредитация на сентябрьском заседании 1927 г. приобрела форму подавления и унижения противника.

---

[418] Н. Муралов, Г. Евдокимов, Х. Раковский, Г. Пятаков, И. Смилга, Г. Зиновьев, Л. Троцкий, Л. Каменев, А. Петерсон, М. Бакаев, К. Соловьев, Г. Лиздинь, М. Лашевич, И. Авдеев.
[419] Архив Троцкого. Т. 4. С. 114.
[420] Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 2. С. 606.

Характеризуя политическую риторику данного заседания, согласимся с замечанием Л. Токер о том, что стороны обвиняли друг друга в одних и тех же «смертных грехах»[421]. Дискредитируя оппозиционную платформу, фракция большинства обвинила оппозицию в обращении к тактике фальсификаций, сплетен и клеветы. В свою очередь, Зиновьев, разоблачая искажения фактов со стороны фракции большинства, использовал слова со схожим значением: «фокус», «штучки», «мошенничество»[422].

Интересным также представляется замечание Л. Токер об использовании фракцией большинства такого приема, как «детсадовская инверсия». Суть этого приема заключается в том, чтобы выдвинуть против оппонента то же самое обвинение, придав ему совершенно иной смысл. Например, оппозиция обвинила фракцию большинства в «бонапартизме» — в том смысле, что правящее меньшинство навязывает свою политику большинству. Сталин, в свою очередь, интерпретировал бонапартизм как «попытку меньшинства навязать большинству свою волю путем насилия»[423].

В общем, заседание превратилось в арену для взаимных оскорблений:

Рудзутак. «Тов. Троцкий, я знаю, что у вас умная голова, но дураку она досталась.

Троцкий. Ваше остроумие уже известно всему СССР больше, чем ваши административные таланты, о которых говорят в НКПС[424] и везде и всюду, и даже Сталин поговаривает в закоулках о ваших административных талантах»[425].

Кульминационный момент заседания наступил после того, как Троцкий и Сталин обвинили друг друга в провальных действиях на фронтах Гражданской войны. Сначала Троцкий припомнил Сталину его «неправильную поли-

---

[421] Toker L. Making the Unthinkable Thinkable: Language Microhistory of Politburo Meetings // The lost Politburo transcripts: From collective rule to Stalin's dictatorship / edited by Paul R. Gregory and Norman Naimark. New Haven; London, 2008. P. 135.
[422] Ibid. P. 151.
[423] Ibid. P. 151—152.
[424] С 1924 по 1930 гг. Рудзутак занимал должность наркома путей сообщения СССР.
[425] Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 2. С. 573.

тику» на Царицынском и Южном фронтах[426]. Затем Сталин, пытаясь дезавуировать роль Троцкого в победах Красной армии в Гражданской войне, вопреки очевидным фактам представил его в образе бесполезного штабного бюрократа, изредка появлявшегося на фронте и не внесшего существенного вклада в победы над Колчаком и Деникиным[427]. Отвечая на обвинения Троцкого в клевете, Сталин в порыве эмоций перешел на личные оскорбления: «Жалкий вы человек, лишенный элементарного чувства правды, трус и банкрот, нахал и наглец…»[428]. Троцкий продемонстрировал внешнее спокойствие, ответив аллюзией на «Письмо к съезду»: «Вот он: груб и нелоялен». «Бессилие ваше обнаруживает ругань ваша», — резюмировал Троцкий[429].

По всей видимости, именно этой причиной было обусловлено решение не рассылать стенографический отчет данного заседания: члены Политбюро постфактум не могли не осознавать того, что ведение полемики в таком грубом и оскорбительном ключе является недопустимым для представителей политической элиты. Возможно, свою роль сыграл и политический снобизм фракции большинства, не пожелавшей опубликования открытой пикировки с оппозиционерами, которых она считала «политическими банкротами». В этой связи интересным представляется заявление Троцкого и Зиновьева от 12 сентября 1927 г., свидетельствующее о том, что в лагере оппозиции не было иллюзий относительно будущего стенограммы данного заседания: «Мы… выражаем надежду, что эта стенограмма действительно скоро увидит свет (в практике последнего времени, к сожалению, бывало и так, что если стенограмма невыгодна для т. Сталина, то она просто не выпускается)»[430].

Не имея возможности осуществить легальную публикацию своей платформы, оппозиция занимались распространением документов, организовав их нелегальное издание. Подпольная издательская деятельность оппози-

---

[426] Там же. С. 586.
[427] Там же. С. 593—594.
[428] Там же. С. 594.
[429] Там же. С. 595.
[430] Л.Д. Троцкий. Архив в 9 томах: Том 1 / Ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://lib.ru/TROCKIJ/Arhiv_Trotskogo__t1.txt

ционеров была использована в качестве повода для применения новых санкций в отношении них. Сообщением ОГПУ от 13 сентября 1927 г. устанавливалась связь между одной из таких нелегальный оппозиционных типографий и организацией военного переворота в СССР[431]. «Организация нелегальной антипартийной типографии для разрушения партии» — таким было одно из главных обвинений, на основании которых объединенный пленум ЦК и ЦКК, проходивший 21—23 октября 1927 г., исключил Троцкого и Зиновьева из состава ЦК[432].

Несмотря на наказания и возрастающее давление, оппозиционеры продолжали сопротивляться, пытались апеллировать к партийным и рабочим массам, созывали собрания и выступали на различных митингах. 7 ноября 1927 г., в день празднования 10-летия Октябрьской революции, в Москве была устроена политическая акция оппозиции. В разных районах Москвы были устроены небольшие оппозиционные шествия под лозунгами: «Против кулака, нэпмана и бюрократа!», «Выполним завещание Ленина!», «Да здравствуют вожди мировой революции Зиновьев и Троцкий!»[433]. На некоторых зданиях были развешаны оппозиционные плакаты. Так, на здании Университета трудящихся Китая имени Сунь Ятсена висел плакат с карикатурой и надписью: «Волею зажимной всепартийный городовой Сталин и его ищейка Ярославка». На карикатуре Сталин был изображен царским жандармом, а член Президиума ЦКК Ярославский — верным псом у его ног[434].

Между тем, на улицах Москвы оппозиционеры встретили организованное сопротивление. Провокаторы осуществляли попытки сорвать оппозиционные шествия. На одной из улиц милиционеры обстреляли холостыми патронами автомобиль, в котором находились Троцкий, Каменев, Муралов и Смилга. Показателен инцидент, произошедший в квартире Смилги. С утра из окон этой квартиры были вывешены плакаты с портретами Ленина, Троцкого

[431] См.: Архив Троцкого. Т. 4. С. 189—191.
[432] КПСС в резолюциях и решениях. Т. 4. С. 249—250.
[433] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 108. Л. 146.
[434] Там же. Л. 53.

и Зиновьева и лозунгом «Выполним завещание Ленина!». Взобравшиеся на крышу дома люди пытались сорвать оппозиционные плакаты с помощью крючков. Находившиеся в квартире жена Смилги и другие женщины мешали им через окно половой щеткой. Ситуация обострилась после появления в квартире Смилги, Каменева и Муралова. В конечном итоге в квартиру ворвалась группа из 15—20 курсантов военных училищ и устроила погром[435].

Преследование оппозиции зачастую подогревалось антисемитскими настроениями. Так, в заявлении оппозиционеров И.Я. Врачева, С.С. Епихина и П.С. Свиридова от 12 ноября 1927 г. говорилось: «Применяемые ныне совершенно исключительные по своей резкости методы борьбы с оппозицией развязывают такую стихию, которая не может не способствовать сильному развитию антисемитизма. Во время демонстрации 7-го ноября были случаи возмутительного разгула антисемитизма на улицах Москвы (чего стоит, например, известный нам случай, когда у Троицких ворот Кремля какой-то черносотенец во всю глотку орал: "долой жидов Троцкого и Зиновьева", и когда коммунистка Янина Козловская крикнула: "долой провокаторов и антисемитов" — то подверглась избиению хулиганов, кричавших "бей троцкистку"»[436].

В обстановке все большего обострения внутрипартийной борьбы, решением ЦК и ЦКК от 14 ноября 1927 г.[437] Троцкий и Зиновьев были исключены из партии. Вместе с тем Каменев, Смилга, Евдокимов, Раковский и Авдеев были выведены из состава ЦК, а Муралов, Петерсон, Бакаев, Лиздинь, Соловьев и Шкловский — из ЦКК. Все они, кроме уже исключенных из партии Троцкого и Зиновьева, были предупреждены о том, что «вопрос о совместимости их деятельности с пребыванием в рядах ВКП(б)» будет поставлен на XV съезде партии[438].

---

[435] Там же. Л. 45—46.
[436] Там же. Оп. 71. Д. 80. Л. 9.
[437] Примечательно, что данное постановление было принято не на пленуме, а в формате обычного заседания.
[438] Правда. 1927. 15 ноября.

XV съезд, состоявшийся 2—19 декабря 1927 г., объявил взгляды левой оппозиции несовместимыми с членством в ВКП(б), исключив 75 ведущих активистов «объединенной оппозиции» и 23 сторонника оппозиционной «Платформы 15-ти»[439]. После съезда происходили массовые исключения оппозиционных активистов из партии, многие видные оппозиционеры были подвергнуты аресту и высылке в отдаленные районы страны. Между тем, уже в последний день съезда было оглашено заявление 23 оппозиционеров, в числе которых были Зиновьев и Каменев. Подписавшие это заявление оппозиционеры осуждали свои прошлые взгляды и действия и просили вернуть их в партию[440]. В 1928 г. их членство в партии было восстановлено. Левая оппозиция в СССР продолжала существовать, превратившись в подпольную организацию[441].

[439] XV съезд ВКП(б). С. 1245—1247.
[440] Там же. С. 1266—1267.
[441] Подробнее о деятельности левой оппозиции после ее разгрома на XV съезде партии см.: Гусев А.В. Левокоммунистическая оппозиция. С. 85—103.

***

Коллективное руководство большевистской партии — это олигархическая модель власти, гарантами которой являлись наиболее авторитетные члены Политбюро. Второй эшелон «руководящего коллектива» составляли члены ЦК и ЦКК. Императивом коллективного руководства было ригористическое соблюдение принципа «единства» как условия сохранения прочности диктатуры большевистской партии и стабильности в высшем эшелоне власти. Соблюдение принципа «единства» вступало в противоречие с нормами внутрипартийной демократии. Переход конфронтации между членами высшего руководства партии в публичную сферу неизбежно приводил к обострению конфликта и создавал риски для большевистской диктатуры. Поэтому в сознании большевистской элиты открытое противостояние между членами «руководящего коллектива» партии прочно связывалось с угрозой повторения «кронштадтских событий». При этом традиционным для коллективного руководства было сравнительно снисходительное отношение к оппозиционерам и инакомыслящим, являвшимся заслуженными партийными деятелями (члены Политбюро и ЦК, представители старой партийной гвардии).

Анализ механизмов коллективного руководства позволяет утверждать, что должность генерального секретаря ЦК предоставляла Сталину серьезный административный ресурс, однако этот фактор нельзя считать решающим, рассматривая вопрос о причинах победы Сталина во внутрипартийной борьбе и разрушения коллективного руководства.

Троцкий, несмотря на конфронтацию с «тройкой» и некоторое ослабление позиций в Политбюро и ЦК, до осени 1923 г. обладал особым политическим статусом «третьей силы», способной уравновесить расстановку сил в высшем эшелоне власти. Составление и распространение Троцким и его сторонниками оппозиционных документов в последние месяцы 1923 г. являлось грубым нарушением правил коллективного руководства. Демократическая риторика Троцкого и «группы 46-ти» воспринималась руководящим большинством партии как угроза диктатуре большевистской партии, основанной

на полном контроле над партийно-государственным аппаратом. Старая партийная гвардия из соображений «единства» была вынуждена принять сторону большинства ЦК.

«Семерка», созданная в августе 1924 г., являлась теневым органом власти, предназначенным для консолидации большинства членов Политбюро и преодоления внутренних конфликтов между ними. Выпад Троцкого против Зиновьева и Каменева осенью 1924 г. привел в действие защитные механизмы «семерки», выразившиеся в виде массированной кампании по разоблачению Троцкого и его взглядов. До конца 1925 г. защитные механизмы «семерки» эффективно сдерживали обострение конфронтации внутри Политбюро. В целом, создание и функционирование фракционной «семерки» следует считать проявлением гибкости модели коллективного руководства, поиском оптимального формата взаимоотношений внутри Политбюро.

Процесс разрушения коллективного руководства в 1925—1927 гг. был обусловлен личными амбициями и ошибками Зиновьева и Троцкого, которые обратились к методам фракционной борьбы, стремясь перенести в фазу открытого противостояния имевшиеся внутри «руководящего коллектива» партии противоречия, которые носили не принципиальный, антагонистический, а тактический характер и явно не соответствовали остроте конфликта. Тем самым они грубо нарушали нормы и традиции коллективного руководства.

В связи с усилением внутрипартийной борьбы стенографические отчеты заседаний Политбюро предоставляли лидерам «объединенной оппозиции» легальную возможность выражения своей политической платформы и критики оппонентов. Стенографирование заседаний Политбюро выполняло функцию «защитного клапана», который канализировал взаимную дискредитацию сторон, препятствуя переходу внутрипартийной борьбы в фазу открытого противостояния. Однако осенью 1926 г. стенографирование заседаний Политбюро получило новую область применения. Содержание стенограмм Политбюро от 8, 11 октября 1926 г. и 8 сентября 1927 г. показывает, что фракция большинства использовала этот руководящий орган для проведения

высшего партийного суда над лидерами оппозиции, прибегнувшими к запрещенным методам фракционной борьбы.

Вместе с тем, несмотря на острую внутрипартийную борьбу 1926—1927 гг. и усилившееся влияние Сталина, Политбюро оставалось органом выработки коллективных решений. Сильное сопротивление, с которым Сталин столкнулся в конце 1926 — 1927 гг. по вопросу об оппозиции и некоторым другим вопросам, свидетельствует о том, что в указанный период по-прежнему сохранялось серьезное влияние традиций и механизмов коллективного руководства на принятие решений в высшем эшелоне власти.

Глава 2. Завершающий этап внутрипартийной борьбы и предпосылки изменения характера власти (1928—1932 гг.)

2.1. Коллективное руководство в условиях кризиса нэпа конца 1920-х гг.

В историографии внутрипартийной борьбы 1920-х гг. существуют различные подходы к пониманию сущности и итогов противостояния И.В. Сталина и группы Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова и М.П. Томского[442] в 1928—1929 гг. Так, в рамках «сталиноцентричного» подхода к пониманию внутрипартийной борьбы распространено убеждение, что Сталин уже к концу 1927 г. сосредоточил в своих руках основные рычаги для утверждения единовластия, поэтому Бухарин и его союзники в этом противостоянии изначально были обречены на поражение[443]. Данная точка зрения представляется спорной, поскольку она не подкреплена серьезным анализом расстановки сил в высшем руководстве партии в период внутрипартийной борьбы 1928—1929 гг.

Видный представитель «троцкистской» историографической традиции В.З. Роговин, рассматривая левую оппозицию в качестве единственной адекватной альтернативы сталинизму, оценивал внутрипартийную борьбу 1928—1929 гг. лишь как противостояние «двух верхушечных фракций». При этом, по его мнению, обреченность «бухаринской тройки» в этом противостоянии была обусловлена не только могуществом сталинского аппарата, но и слабостью ее экономической программы, не представлявшей «серьезной альтернативы сталинской политике»[444].

---

[442] Идейным лидером этой группы можно считать Бухарина. Вместе с тем это была коалиция трех самодостаточных и равнозначных политических деятелей. По мнению С. Коэна, «они были единственными крупными лидерами большинства, которые не были так или иначе обязаны своим высоким положением Сталину» (Коэн С. Указ. соч. С. 273). О том, что в союзе с Бухариным Рыков оставался полностью самодостаточным политическим деятелем, свидетельствует хотя бы его заявление на апрельском пленуме 1929 г.: «Мы с тов. Бухариным, безусловно, согласны во всем основном. По отдельным вопросам и отдельным практическим предложениям, конечно, между нами есть разногласия, которых мы отнюдь не скрываем, так как не составляем какой-то фракции» (Как ломали нэп. Т. 4. С. 319).

[443] См., напр.: Назаров О.Г. Сталин и борьба за лидерство. С. 177—188; Он же. Борьба за лидерство в РКП(б) и ее влияние на создание номенклатурной системы в 20-е годы: дис. … докт. ист. наук. М., 2001. С. 358—367.

[444] Роговин В.З. Власть и оппозиции. М., 1993. С. 74—75, 100.

А.В. Шубин также исходит из того, что причиной, предопределившей поражение Бухарина в 1929 г., была неубедительность его программы в сравнении со сталинским курсом. По мнению Шубина, «сталинская стратегия» в отличие от «троцкистской» и «бухаринской» концепций развития в полной мере отвечала ожиданиям партийных функционеров: обеспечение быстрых темпов индустриального развития и достижение «марксистского идеала однородного общества, полностью управляемого из единого центра экономически и социально»[445]. Прежде всего, следует обратить внимание на то, что версия Шубина не объясняет, почему поражение «бухаринской стратегии» произошло только после того, как Бухарин был политически дискредитирован, будучи уличен в «закулисных фракционных переговорах» с Л.Б. Каменевым[446]. Представляется неверным также игнорирование широкого распространения в среде большевистских руководителей всех уровней «правых» настроений. Указание на этот фактор приводится в литературе: «Только недавно пережившие Гражданскую войну и издерганные постоянными кампаниями и колебаниями "генеральной линии", многие советские функционеры желали предсказуемости и стабильности»[447].

Широкую известность получила концепция «бухаринской альтернативы» сталинизму, утверждающая, что экономическая программа Бухарина («бухаринская альтернатива») представляла собой действительную альтернативу волюнтаристской по своей сути сталинской политике, предлагая более умеренные темпы и методы осуществления коллективизации и индустриализации[448]. В наиболее емком виде сущность этой концепции сформулировал В.П. Данилов: «Несталинский вариант осуществления индустриализации страны и социалистического преобразования крестьянской экономики»[449]. По мнению Данилова, отправной точкой формирования экономической доктрины Бухарина послужила теория крестьянской кооперации А.В. Чаянова.

[445] Шубин А.В. Указ. соч. С. 199—201, 370—371.
[446] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 47.
[447] Хлевнюк О.В. Хозяин. С. 28.
[448] Коэн С. Указ. соч. С. 15—24, 303—313, 331—395; Данилов В.П. «Бухаринская альтернатива». С. 82—129.
[449] Данилов В.П. «Бухаринская альтернатива». С. 88.

Согласно этой теории, органичный переход крестьянства к социализму был возможен только через кооперирование, представлявшее собой длительный и сложный процесс, связанный с «техническим перевооружением крестьянского труда» и «электрификацией сельского хозяйства»[450].

Нам представляется, что концепция «бухаринской альтернативы» имеет серьезные основания, однако ее слабость состоит в излишне жестком противопоставлении сталинского и бухаринско-рыковского вариантов развития. В действительности, противоречия в высшем эшелоне власти в конце 1920-х гг. хотя и носили весьма острый характер, в целом не являлись неразрешимыми. Прежде всего, следует отметить, что «правые», как и Сталин, исходили из необходимости скорейшей индустриализации страны. Подобно Сталину, у них не было четко продуманного плана конкретных действий, рассчитанных на ближайшую перспективу. При этом «правые» не настаивали на сохранении нэпа в неизменном виде и были готовы его корректировать. Примечательно, что в 1926—1927 гг. Бухарин, Рыков и Томский вместе со Сталиным проводили курс на усиление административно-государственного регулирования экономики, а в конце 1927 г. они сообща принимали решение о применении чрезвычайных мер при проведении хлебозаготовок[451]. Таким образом, в конце 1920-х гг. в высшем партийном руководстве столкнулись две стратегии экономического развития. Сталинской стратегии, основанной на откровенно волюнтаристских, административно-репрессивных установках, противостоял бухаринско-рыковский вариант развития, предполагавший более умеренные методы экономического регулирования, без авантюризма и эксцессов. Вместе с тем сохранялась возможность выработки компромиссного, относительно сбалансированного экономического курса.

Рассуждая о возможности реализации «бухаринской альтернативы», Данилов утверждает, что «сам Бухарин и та политика, которую он отстаивал, были обречены на поражение» в связи с тем, что в конце 1927 г., после ис-

[450] Там же. С. 95—97.
[451] Подробнее см.: Голанд Ю.М. Указ. соч. С. 59—79.

ключения из партии Л.Д. Троцкого, Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева, «сталинская группа получила безраздельное большинство», положив конец «возможности выбора политических решений»[452]. Иными словами, по вопросу о потенциале группы Бухарина—Рыкова во внутрипартийной борьбе конца 1920-х гг. Данилов повторил одно из спорных положений «сталиноцентричной» историографии.

С. Коэн полагает, что победа Сталина над «правыми» была обусловлена не только его бюрократической властью (Коэн справедливо, как нам представляется, отмечает особенность многих авторов преувеличивать значение «организационной силы» Сталина в 1928 г.), но и тем, что в апреле 1929 г. ведущие члены ЦК сделали выбор в пользу Сталина и его политики. Данный выбор Коэн объясняет тем, что им более импонировал твердый и решительный Сталин и его сверхоптимистическая программа индустриализации страны, нежели «правые» члены Политбюро, страдающие «излишней робостью» и готовые «поставить под удар темпы индустриализации»[453]. Между тем, представители этой «группы старших членов ЦК», как заметил сам Коэн, хотя и были часто связаны со Сталиным, «в большинстве своем не были бездумными политическими креатурами, а сами являлись крупными, независимо мыслящими руководителями»[454]. Принимая это во внимание, трудно согласиться с тем, что решающую роль в разгроме «правых» в 1929 г. сыграла солидарность большинства «старших» членов ЦК со взглядами Сталина по экономическим вопросам. Сомнительно, что экономическая стратегия Сталина встретила полную поддержку большинства ведущих членов ЦК, ведь прагматичный взгляд на ситуацию должен был неуклонно приводить их к осознанию того, что практическая реализация сталинского курса была связана с непредсказуемыми последствиями — вплоть до угрозы новой крестьянской войны против большевиков.

---

[452] Данилов В.П. «Бухаринская альтернатива». С. 87.
[453] Коэн С. Указ. соч. С. 391—394.
[454] Там же. С. 393.

Нельзя согласиться с Коэном и в том, что роковой ошибкой Бухарина и его союзников следует считать их нежелание апеллировать к народным — партийным и беспартийным — массам, которые в основном разделяли «правые» настроения[455]. Добавим, что подобного взгляда придерживаются Р.В. Даниелс[456] и М. Кун[457]. Нам представляется, что данная точка зрения не исторична, поскольку открытое обращение Бухарина к массам партийных и тем более беспартийных рабочих и крестьян в корне бы противоречило политическим нормам и традициям большевистского руководства. При таком развитии событий Бухарин наверняка бы повторил судьбу лидеров разгромленной ранее левой оппозиции. Осознание Бухариным этих политических реалий вполне передают некоторые детали его разговора с Каменевым, состоявшегося в июле 1928 г. Бухарин, в частности, говорил о том, что «надо действовать осторожно», в случае открытого выступления Сталин «зарежет по статье о расколе»[458]; «Нам начинать дискуссию? Нас за это зарежут! ЦК боится дискуссии»[459].

В общем, в историографии по-прежнему дискуссионным остается вопрос о том, имелись ли в 1928—1929 гг. у «правых» членов Политбюро реальные шансы на успешный исход в противостоянии со Сталиным? В этой связи представляется необходимым изучить влияние традиций и механизмов коллективного руководства на внутрипартийную борьбу 1928—1929 гг. В конечном счете, понимание этого неформального аспекта внутрипартийной борьбы является необходимым условием для получения полноценного ответа на вопрос о том, было ли неизбежным разрушение коллективного руководства большевистской партии и утверждение личной диктатуры Сталина?

В конце 1927 г. хлебозаготовительный кризис, являвшийся закономерным следствием ряда непродуманных действий руководства страны, вызвал

---

[455] Там же. С. 387—391.
[456] Daniels R.V. The Conscience of the Revolution. P. 363.
[457] Кун М. Бухарин: его друзья и враги. М., 1992. С. 302.
[458] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 3 об.
[459] Там же. Л. 4.

жесткую ответную реакцию правящей группы. В тот момент единственным способом выхода из кризиса большевистские руководители считали применение чрезвычайных, внеэкономических мер по отношению к крестьянству[460].

Противостояние сталинской стратегии «революции сверху», направленной на слом новой экономической политики, и бухаринско-рыковской концепции экономического развития, наметилось уже на начальном этапе применения чрезвычайных мер в деревне. Нормативной базе политики чрезвычайных мер с самого начала была присуща внутренняя противоречивость. Если директивы Политбюро от 24 декабря 1927 г.[461], подготовленные комиссией А.Д. Цюрупы[462], представляли собой «систему экстренных мер, не разрушавших нэп»[463], то директивы ЦК от 5 и 14 января 1928 г.[464] являлись «первыми собственно сталинскими директивами по хлебозаготовкам» и подразумевали «решительное и преимущественное использование административно-репрессивных мер»[465]. Думается, наличие этих двух линий директив показывает, что в начале 1928 г. в партийно-государственном руководстве имелись расхождения по вопросу о выборе стратегии экономического развития страны.

30 января 1929 г. на расширенном заседании Политбюро Рыков указывал на то, что «теперешние политические разногласия» возникли «с начала чрезвычайных мер и тянутся до сих пор»[466]. Н.А. Угланов впоследствии вспоминал, что уже в феврале 1928 г. в Политбюро обнаружились серьезные противоречия по вопросу о причинах хлебозаготовительного кризиса: «Если тов. Сталин делал в общей оценке главный удар и главную установку на то,

---

[460] Подробнее см.: Голанд Ю.М. Указ. соч. С. 59—79.

[461] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 1. Май 1927 — ноябрь 1929 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 1999. С. 111—114.

[462] Важно отметить, что в состав комиссии А.Д. Цюрупы (который являлся, по замечанию В.П. Данилова, «достаточно самостоятельным деятелем») входили не только А.И. Микоян и Я.Э. Рудзутак, но также М.П. Томский и М.И. Фрумкин, впоследствии оказавшиеся «правыми уклонистами» (Данилов В.П. Введение (Истоки и начало деревенской трагедии) // Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 29).

[463] Там же. С. 48.

[464] Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 136—137, 147.

[465] Данилов В.П. Введение (Истоки и начало деревенской трагедии). С. 31—34, 48.

[466] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 21.

что нам в хлебозаготовках кулак основательно дело попортил, то т. Рыков, Бухарин и москвичи говорили да, кулак дело попортил, но все же нельзя закрывать глаза на то, что тут дело не только в кулаке, но и в целом ряде крупнейших экономических вопросов, в целом ряде мероприятий в нашей общей хозяйственной политике, с которой это дело связано, что в этом заключался ряд наших ошибок по части руководства хозяйством»[467].

Таким образом, эти серьезные разногласия и стали основой для развития нового этапа внутрипартийной борьбы.

В феврале — марте 1928 г. усилия Рыкова и Бухарина, направленные на придание экономической и социальной политике более умеренного направления, натолкнулись на сопротивление Сталина, опиравшегося на помощь своего ближайшего соратника — секретаря ЦК В.М. Молотова.

13 февраля 1928 г. опросом членов Политбюро было принято директивное письмо ЦК «ко всем организациям ВКП(б)», отражавшее прежде всего сталинский взгляд по вопросу о причинах и способах преодоления хлебозаготовительного кризиса. Директива не только утверждала, что применение чрезвычайных мер в деревне «уже увенчалось первой решительной победой партии»[468], но и содержала призыв: «Неослабно продолжать кампанию усиления хлебных заготовок и добиться выполнения годового плана *во что бы то ни стало* (курсив мой — *Д.А.*)»[469]. Такое содержание директивы не должно вызывать удивления, учитывая состав комиссии, которой была поручена ее разработка. Помимо Сталина, Рыкова и Бухарина членами комиссии являлись сталинские помощники — Молотов и Микоян[470].

Вместе с тем по настоянию Рыкова и Бухарина в директиву вошел важный ограничительный пункт: запрещалось применение 107 статьи Уголовного кодекса РСФСР (противодействие спекуляции) и соответствующей статьи украинского кодекса в отношении хозяйств с запасами «товарного хлеба»

---

[467] Как ломали нэп. Т. 4. С. 132.
[468] Сталин И.В. Сочинения. Т. 11. С. 16.
[469] Там же. С. 17.
[470] Данилов В.П., Хлевнюк О.В. Апрельский пленум 1928 г. // Как ломали нэп. Т. 1. С. 17.

менее 2 тыс. пудов[471]. Кроме того, в директиву были включены написанные Бухариным строки: «Разговоры о том, что мы будто бы отменяем нэп, вводим продразверстку, раскулачивание и т.д., являются контрреволюционной болтовней, против которой необходима решительная борьба. Нэп есть основа экономической политики и остается таковой на длительный исторический период». Однако далее следует написанное Сталиным «продолжение», которое фактически перечеркивало бухаринское заявление. В нем утверждалось, что необходимо «регулировать торговлю с точки зрения диктатуры пролетариата»[472].

В конце февраля 1928 г. Рыков протестовал (впрочем, безуспешно) против бюджетного ассигнования в специальный колхозный фонд, называя это «потерей» 20 миллионов рублей[473]. В марте Рыков и Бухарин выступали против инициируемой Сталиным кампании «спецеедства»[474].

В преддверии очередного пленума ЦК отношения внутри Политбюро обострились настолько, что Рыков даже грозил поставить перед участниками предстоящего пленума вопрос о своей отставке с поста председателя СНК и СТО[475]. Это случилось после того, как 7 марта 1928 г. на заседании Политбюро Молотов заявил, что разработанный Совнаркомом промышленно-финансовый план «не отражает партийную линию» и является «творчеством госплановских спецов»[476]. Сталин, опасавшийся обострения конфликта, в записке Рыкову писал: «Дело надо сделать так: надо собраться нам, выпить маленько и поговорить по душам. Так и решим все недоразумения. В противном случае я скорее соглашусь перестроить Пол. Б[юро], чем менять что-либо в СНК»[477].

---

[471] Там же. С. 18.
[472] Там же. С. 17.
[473] См.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 797. Л. 90; Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 209, 212.
[474] Красильников С.А., Савин А.И., Ушакова С.Н. Шахтинский политический процесс 1928 года: источники в контексте эпохи // Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. Кн. 1. / отв. ред. С.А. Красильников. М., 2011. С. 47—49.
[475] Советское руководство. Переписка. С. 22—23.
[476] Как ломали нэп. Т. 4. С. 135.
[477] Советское руководство. Переписка. С. 24.

На объединенном пленуме ЦК и ЦКК, состоявшемся 6—11 апреля 1928 г., обсуждение вопроса о хлебозаготовках носило формальный характер, причем Сталин, Бухарин и другие члены Политбюро вообще воздержались от выступлений по этой проблеме. Принятая пленумом резолюция «О хлебозаготовках» являлась компромиссным документом, носившим «очень общий и отвлеченный характер»[478]. Тем самым членам Политбюро удалось приостановить эскалацию конфликта, предотвратив выяснение отношений на заседаниях апрельского пленума 1928 г. Впрочем, уже в апреле 1928 г. в московском партактиве распространялись «упорные слухи» о том, что во время пленума имелись «разногласия между Сталинской фракцией и Рыковской по крестьянскому вопросу»[479]. При этом спустя всего несколько дней после завершения пленума коренные расхождения в позициях Бухарина и Сталина проявились в их выступлениях, опубликованных на страницах «Правды»[480].

Обстановка в Политбюро еще более усложнилась в конце апреля 1928 г. в связи с тем, что Сталин, несмотря на разгар весенней посевной кампании, инициировал начало новой волны насилия в деревне, продолжавшейся вплоть до конца июня[481]. Вместе с тем в период между апрельским и июльским пленумами 1928 г. «правые» не имели реальной возможности сдерживать запущенный Сталиным механизм «перегибов» в отношении деревни, поскольку еще до апрельского пленума «проваливались» даже «робкие попытки» Бухарина «поставить общие вопросы» на заседаниях Политбюро[482].

Невозможность делового обсуждения проблем в Политбюро привела к тому, что стороны обратились к применению методов скрытой дискредитации. Кандидат в члены Политбюро и первый секретарь МК и МГК Н.А. Угланов, солидаризовавшийся с группой Рыкова—Бухарина по крестьянско-

[478] Данилов В.П., Хлевнюк О.В. Апрельский пленум 1928 г. // Как ломали нэп. Т. 1. С. 20—27.
[479] РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 1с. Д. 85. Л. 2.
[480] Данилов В.П. «Бухаринская альтернатива». С. 107—108.
[481] Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 237—262, 270—271, 312—317.
[482] Советское руководство. Переписка. С. 38; Как ломали нэп. Т. 4. С. 187.

му вопросу[483], перед июльским пленумом 1928 г. подбил часть «верхушки московской организации» на критику Сталина и его политики в деревне[484]. В частности, Угланова активно поддержал секретарь Краснопресненского райкома и кандидат в члены ЦК М.Н. Рютин. Накануне июльского пленума он начал предпринимать отчаянные попытки склонить мнение членов бюро райкома в пользу «правых»[485].

Сталин, в свою очередь, настраивал своих клиентов на дискредитацию Бухарина и его сторонников как «паникеров» и «правых уклонистов». Бухарин в заявлении от 30 января 1929 г. признался: «Перед июльским Пленумом меня крайне тревожил вопрос о чрезвычайных мерах... Меня закулисно объявили паникером и пустили слушок по стране»[486]. Не случайно шутка Менжинского про «паникерство» Бухарина вызвала смех у части присутствующих в зале заседаний июльского пленума 1928 г.[487] Впоследствии Сталин напомнил Г.К. Орджоникидзе о том, что к началу июля 1928 г., когда состоялись тайные переговоры Бухарина с Каменевым, «бухаринцы» уже назывались «правыми»[488]. При этом понятия «паникер» и «правый уклонист» воспринимались в большевистском руководстве как синонимы. Гибридное выражение «уклон в панике», являющееся проявлением синонимизации этих двух понятий, было употреблено на июльском пленуме 1928 г. в речи Угланова, заявившего об отсутствии страха перед «товарищами», нацеленными на «пришивание» ему этого ярлыка[489].

«Правые», безусловно, понимали, что апеллирование к членам ЦК и ЦКК с открытой критикой действий Сталина было бы воспринято большинством «руководящего коллектива» как политическая платформа очередной

---

[483] Отметим, что неприятие Углановым «чрезвычайной» политики в деревне документально прослеживается уже с начала 1928 г., по завершении его командировки в Поволжье (Данилов В.П. Введение (Истоки и начало деревенской трагедии). С. 34).
[484] Советское руководство. Переписка. С. 36; Как ломали нэп. Т. 4. С. 434—435.
[485] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 168. Л. 95—96.
[486] Там же. Д. 181. Л. 10.
[487] Как ломали нэп. Т. 2. С. 382.
[488] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 777. Л. 84.
[489] Как ломали нэп. Т. 2. С. 254.

оппозиционной фракции[490]. Примечательно, что в августе 1928 г. Бухарин в письме к Сталину отчетливо выразил свое нежелание становиться в глазах «руководящего коллектива» партии инициатором раскола: «Я тебе заявил, что драться не буду и не хочу. Я слишком хорошо знаю, что может означать драка, да еще в таких тяжких условиях, в каких находится вся наша страна и наша партия»[491].

Вместе с тем на июльском пленуме ЦК 1928 г. (4—12 июля 1928 г.) «правым» представилась возможность, не противореча преобладавшим в коллективном руководстве настроениям «единства», поставить вопрос о реальных причинах хлебозаготовительного кризиса и последствиях курса на «чрезвычайщину». Неудивительно, что накануне пленума в Политбюро снова разгорелся конфликт. В конце июня — начале июля 1928 г. на закрытых заседаниях Политбюро состоялось обсуждение резолюции по хлебозаготовкам, которую должен был принять предстоящий пленум[492]. На одном из этих заседаний Сталин и Бухарин вступили в словесную перепалку, в результате чего заседание было досрочно завершено[493]. Тем не менее, сторонам в очередной раз удалось приглушить конфликт и прийти к соглашению. Представленный Микояном проект резолюции был отвергнут как «слабый в политическом отношении»[494] — в итоге содержание резолюции, одобренной Политбюро и принятой июльским пленумом, было фактически определено декларацией Бухарина[495], которую он из соображений предосторожности написал в единственном рукописном экземпляре и зачитал участникам закрытого заседания Политбюро, «не выпуская из рук»[496].

---

[490] В этом смысле показательна ситуация, сложившаяся вокруг фигуры заместителя наркома финансов М.И. Фрумкина. 15 июня 1928 г. в Политбюро поступило письмо Фрумкина, содержавшее справедливые указания на то, что «переживаемые нами трудности кризисного характера» являются результатом «новой политической установки по отношению к деревне», идущей вразрез с решениями XIV и XV партсъездов. Ответы Сталина и Молотова от 20 и 25 июня стали отправной точкой для последующей «проработки» взглядов Фрумкина, навешивания на него ярлыка «правого уклониста» (см.: Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 290—295, 297—301, 443; Сталин И.В. Сочинения. Т. 11. С. 116—126).

[491] Советское руководство. Переписка. С. 40.

[492] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 17 об.

[493] Там же. Л. 4.

[494] Там же. Л. 20.

[495] См.: Дополнение 11 // Как ломали нэп. Т. 2. С. 650—656.

[496] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 4.

Предпринятые Бухариным меры предосторожности, по словам Сталина и Микояна, вызвали раздражение большинства участников этих заседаний[497]. Вместе с тем Рыков 30 января 1929 г. на расширенном заседании Политбюро достаточно убедительно объяснил оправданность этих мер: «Я, слава богу, не сделал письменного наброска, но если бы я успел что-либо записать, то я заявляю, что я не дал бы на руки никому своей записи… Когда ищут везде и всюду промахов и к ним пришивают уклон, то я не такой дурак, чтобы выпускать из рук черновые, предварительные наброски»[498].

Следует отметить, что, хотя Молотов и объявил декларацию Бухарина «не соответствующей линии партии»[499], Сталин вынужден был принять этот документ «на 9/10»[500]. Некоторую дискуссию вызвал бухаринский тезис о «начале размычки» — Сталину удалось убедить Политбюро в том, чтобы заменить его на утверждение об «опасности разрыва между городом и деревней»[501]. Тем не менее, резолюция о политике хлебозаготовок, принятая пленумом ЦК 10 июля 1928 г., являлась, по справедливому замечанию коллектива исследователей, «победой группы Бухарина — Рыкова»[502].

В резолюции указывалось на недопустимость повторения чрезвычайных мер при проведении хлебозаготовительной кампании 1928/29 г.: «Центральный Комитет партии при введении чрезвычайных мер со всей решительностью подчеркнул их временный характер, и если, несмотря на это, возникли толкования этих мер как органически вытекающих из решений XV съезда партии об усилении наступления на капиталистические элементы деревни, то такого рода толкования свидетельствуют лишь о том, что на отдельные прослойки партии до сих пор оказывает влияние чуждая ей идеология»[503]. В этом документе также утверждалось, что в предстоящей хлебозаготовительной кампании «внимание партии» должно акцентироваться на про-

---

[497] Там же. Л. 17 об; Как ломали нэп. Т. 4. С. 267.
[498] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 20.
[499] Там же.
[500] Там же. Л. 4.
[501] См.: Там же. Л. 17 об, 20; Как ломали нэп. Т. 2. С. 589, 651.
[502] Данилов В.П., Ватлин А.Ю., Хлевнюк О.В. Введение // Как ломали нэп. Т. 2. С. 12.
[503] Как ломали нэп. Т. 2. С. 590.

ведении конкретных мероприятий, «исключающих необходимость применения каких бы то ни было чрезвычайных мер»[504]. Рыков впоследствии рассказывал о том, какое значение он придавал этому успеху в те июльские дни 1928 г.: «Разногласия в этот период были настолько велики, что у меня не было уверенности, что мы придем к единому решению. Когда резолюция по вопросу о немедленной отмене чрезвычайных мер была выработана, я сказал, что я не ожидал такого величайшего успеха»[505].

Думается, этот успех «правых» членов Политбюро и уступчивость Сталина в начале июля 1928 г. были обусловлены балансом сил в коллективном руководстве. На первый взгляд полная поддержка сталинского курса в деревне могла быть обеспечена широкой распространенностью антинэповских настроений в обществе[506] и наличием в среде большевистских руководителей волюнтаристских наклонностей. В этой связи примечательно выступление Орджоникидзе на XV партсъезде, в котором он, сославшись на одно из ленинских произведений донэповского периода, призвал делегатов съезда руководствоваться тем, что крестьянство является враждебным классом «мелких хозяйчиков», которые своей «неуловимой, разлагающей деятельностью осуществляют те самые результаты, которые нужны буржуазии»[507]. Добавим, что в некоторой степени волюнтаризм был присущ даже «правым» членам Политбюро. Как и Сталин, они в конце 1927 г. были склонны игнорировать имевшиеся сигналы о значительном преувеличении «невидимых хлебных запасов у крестьян». Между тем, именно представления о «мифических» 900 млн пудов хлебных запасов послужили обоснованием применения чрезвычайных методов хлебозаготовок[508]. Осознание этой ошибки пришло к Бухарину позднее, уже после того, как стали очевидными

[504] Там же. С. 591.
[505] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 21.
[506] См.: Лившин А.Я. Указ. соч. С. 282—307.
[507] XV съезд ВКП(б). С. 389.
[508] Данилов В.П. Введение (Истоки и начало деревенской трагедии). С. 17—21.

результаты политики чрезвычайных хлебозаготовок[509]. Характеризуя волюнтаристские проявления «правых», отметим также, что Томский был одним из тех, кто весной 1928 г. солидаризовался со сталинской линией в отношении «шахтинского дела»[510].

Тем не менее, есть основания полагать, что изначально в «руководящем коллективе» было немного твердых сторонников стратегии «революции сверху». Дело в том, что проведение чрезвычайных мер в области хлебозаготовок не только вызывало стремительный рост крестьянских выступлений[511], но и самым негативным образом отражалось на политико-моральном состоянии Красной армии, являвшейся преимущественно крестьянской по своему составу[512]. Н.С. Тархова удачно обозначила потенциальную опасность продолжения сталинской политики в деревне: недовольство крестьян чрезвычайными методами хлебозаготовок и усиление «крестьянских настроений» среди красноармейцев «могли спровоцировать взрыв, подобный Кронштадтскому мятежу, а может быть, и сильнее»[513].

Представляется несомненным, что к лету 1928 г. в «руководящем коллективе» сложилось понимание того, что по мере продолжения насилия в деревне угроза новой крестьянской войны и «нового Кронштадта» будет принимать все более отчетливые очертания. И хотя многим участникам июльского пленума 1928 г. не понравился озвученный В.В. Осинским тезис о «размычке между городом и деревней»[514], резолюция о политике хлебозаго-

---

[509] «Если же дело в кулаке, то как же с 900 миллионами, которые теперь признаются мифическими? А если хлеба у нас вообще мало, то как же нас регульнул кулак?», — писал Бухарин Сталину летом 1928 г. (Советское руководство. Переписка. С. 38; Как ломали нэп. Т. 4. С. 187).

[510] Данилов В.П., Хлевнюк О.В. Апрельский пленум 1928 г. // Как ломали нэп. Т. 1. С. 30.

[511] Согласно докладу ОГПУ, подготовленному в марте 1931 г., только с апреля по июнь 1928 г. произошло 446 массовых выступлений крестьян, в то время как за 1926 и 1927 гг. в совокупности зафиксировано всего 63 массовых выступления. Применение методов чрезвычайных хлебозаготовок коррелировало также с увеличением количества совершенных крестьянами актов террора: в январе 1928 г. был совершен 21 теракт, в мае — уже 51, в последующие месяцы количество терактов продолжало расти (Трагедия советской деревни. Т. 2. Ноябрь 1929 — декабрь 1930 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 2000. С. 788—789).

[512] Подробнее о том, каким образом проведение в 1928—1933 гг. сталинского «нового курса» в деревне сказывалось на настроениях красноармейцев, см.: Тархова Н.С. Указ. соч. С. 95—131.

[513] Там же. С. 156.

[514] Как ломали нэп. Т. 2. С. 227, 239, 286, 297—298, 304, 306, 309, 332, 345, 364, 401, 417. По всей видимости, по этой причине Бухарин в своем выступлении на пленуме вынужден был смягчить тезис о «размычке», использовав выражение «угроза размычки» (Там же. С. 384). Интересно, что в разговоре с Каменевым 11 июля 1928 г. он позволил себе быть гораздо более откровенным на этот счет, высказав пророческую мысль:

товок, объявлявшая об «опасности разрыва между городом и деревней», была принята единогласно и без поправок[515]. Показательно то, как «цекисты», занимавшие ответственные должности в хлебородных регионах страны, подводили итоги минувшей хлебозаготовительной кампании. Секретарь Северо-Кавказского крайкома А.А. Андреев следующим образом резюмировал свою оценку крестьянских настроений на Северном Кавказе: «Мы не имеем еще разрыва с основной массой середняцкого крестьянства, но надо признать, что для такого разрыва создалась серьезная угроза и опасность»[516]. Не случайно в июле 1928 г. Бухарин в разговоре с Каменевым утверждал, что «Андреев за нас»[517]. По словам Г.И. Петровского, занимавшего должность председателя Всеукраинского ЦИК, на Украине сложилась еще более сложная ситуация, поскольку «к недовольству середняка… прибавилось в некоторых местах и недовольство бедноты»[518].

К числу тех представителей высшего эшелона власти, кто с самого начала без колебаний поддерживал сталинский курс в деревне, относились В.М. Молотов и Г.К. Орджоникидзе. Молотов был вообще единственным членом Политбюро, сохранявшим безусловную преданность Сталину на всем протяжении внутрипартийной борьбы 1920-х гг.

Относительно позиции Орджоникидзе в конфликте между Сталиным и группой Рыкова—Бухарина в историографии сложилось мнение о том, что в 1928 г. Орджоникидзе сначала поддерживал «правых», однако затем внезапно их «предал»[519]. Данное мнение основано на фразе Бухарина, вошедшей в конспект Каменева о его разговоре с Бухариным и Сокольниковым 11 июля 1928 г.: «Серго — не рыцарь. Ходил ко мне, ругательски ругал Ст[алина], а в решающий момент предал»[520]. Полный текст этого документа был доступен

«Политика Сталина ведет к гражданской войне. Ему придется заливать кровью восстания» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 4).

[515] Как ломали нэп. Т. 2. С. 451—452.

[516] Там же. С. 236.

[517] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 3 об.

[518] Как ломали нэп. Т. 2. С. 277.

[519] См., напр.: Такер Р. Указ. соч. С. 376; Шубин А.В. Указ. соч. С. 168.

[520] Фельштинский Ю.Г. Два эпизода из истории внутрипартийной борьбы: конфиденциальные беседы Бухарина // Вопросы истории. 1991. № 2—3. С. 182.

исследователям благодаря тому, что он отложился в архиве Троцкого, который хранится в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета[521].

Следует отметить, что троцкистская листовка, содержащая полный текст записи Каменева, была опубликована в приложении к стенографическому отчету объединенных заседаний Политбюро и Президиума ЦКК 30 января и 9 февраля 1929 г.[522] По неизвестной причине в этой публикации фрагмент текста об Орджоникидзе отличается от текста документа из архива Троцкого. Вместо глагола «предал» там значится «предан»[523], что в некоторой степени меняет значение приведенного высказывания. Суть этой смысловой метаморфозы заключается в том, что «предательство» Орджоникидзе по отношению к группе Рыкова—Бухарина трансформировалось в его «преданность» Сталину. Возможно, это не более чем опечатка, допущенная по невнимательности во время подготовки стенографического отчета. Нельзя исключать и того, что замена слова была умышленной. Об этом мог попросить Орджоникидзе, возмущенный словами Бухарина о «предательстве».

Однако в любом случае обвинение Орджоникидзе в «предательстве» следует признать несправедливым. Согласно репликам Орджоникидзе и Бухарина, сделанным 30 января 1929 г. на расширенном заседании Политбюро, напряженность в отношениях между Орджоникидзе и Сталиным, о которой Бухарин упомянул в разговоре с Каменевым в июле 1928 г., относилась не к 1928 г., а к концу 1926 г., и была связана с вопросом о левой оппозиции[524]. Таким образом, у нас нет оснований полагать, что в 1928 г. Орджоникидзе был не согласен со сталинским курсом в отношении деревни. Думается, упомянутое выше выступление Орджоникидзе на XV партсъезде вполне передает его установку в отношении крестьян.

Вместе с тем определенные колебания имелись у К.Е. Ворошилова и А.И. Микояна. Характеризуя расклад сил в Политбюро, следует отметить и

---

[521] Там же. С. 198.
[522] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 3—4.
[523] Там же. Л. 4.
[524] Там же. Л. 7, 12 об.

то обстоятельство, что «правым» симпатизировал М.И. Калинин, «расположенный в пользу крестьян»[525]. Примечательно, что Бухарин, готовясь к июльскому пленуму 1928 г., рассчитывал на поддержку Ворошилова и Калинина. Не получив этой поддержки[526], Бухарин принял позу обиженного. Перед самым завершением пленума Бухарин в разговоре с Каменевым с досадой заметил, что «Ворошилов и Калинин изменили в последний момент»[527]. Добавим, что 30 января 1929 г. на расширенном заседании Политбюро Ворошилов подтвердил, что имел с Бухариным доверительные беседы и «кое с чем соглашался»[528]. Также существует свидетельство о том, что Ворошилов в сентябре 1928 г. на одном из заседаний Политбюро говорил о необходимости прекращения «перегибов» в отношении «зажиточного мужика»[529].

Несмотря на то, что ведомство Микояна — Наркомторг СССР — играло важную роль в механизме осуществления политики чрезвычайных хлебозаготовок[530], у Сталина имелись опасения на предмет того, что Томский («или кто-либо другой») способен «подкачать» Микояна[531]. Как выяснилось впоследствии, опасения Сталина были небеспочвенны. Микоян предлагал участникам ноябрьского пленума 1928 г. принять «особые меры», направленные на повышение товарности крестьянских хозяйств. Речь шла о введении налоговых льгот в отношении хозяйств, сдающих все свои товарные излишки государству по договору контрактации, а также об освобождении новых посевных площадей от налогового обложения сроком на два года[532]. Интересно, что комиссией ноябрьского пленума было решено передать предложения Микояна о налоговых льготах «на обсуждение и разрешение Полит-

---

[525] Коэн С. Указ. соч. С. 504.

[526] На июльском пленуме 1928 г. Ворошилов воздержался от выступления с докладом, ограничившись короткими репликами с места. Калинин, обойдя стороной вопрос о последствиях политики чрезвычайных хлебозаготовок, заявил о своей солидарности со Сталиным по вопросу о совхозном строительстве: «… как совершенно правильно тов. Сталин в частном разговоре сказал, что, если мы разовьем совхозы, мы можем либеральнее относиться к индивидуальному хозяйству» (Как ломали нэп. Т. 2. С. 470).

[527] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 3 об.

[528] Там же. Л. 15.

[529] Как ломали нэп. Т. 4. С. 137.

[530] См.: Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 111, 137, 271.

[531] Хлевнюк О.В. Хозяин. С. 29.

[532] Как ломали нэп. Т. 3. С. 433—434

бюро»[533]. Политбюро, в свою очередь, 27 декабря 1928 г. постановило отложить рассмотрение этого вопроса и передать его для предварительного обсуждения комиссии под председательством М.И. Калинина[534]. Подробности обсуждения предложений Микояна членами этой комиссии неизвестны: 9 февраля 1929 г. на расширенном заседании Политбюро Калинин кратко сообщил о том, что они не были приняты[535].

По всей видимости, Сталин не был уверен в лояльности и другого члена Политбюро — Я.Э. Рудзутака. Рассчитывая принудить его и Калинина к лояльности, Сталин использовал шантаж. В личном фонде Орджоникидзе обнаружены полученные им в декабре 1928 г. и марте 1929 г. документы из архивов царской полиции, компрометирующие Калинина и Рудзутака[536].

Таким образом, сталинская стратегия «революции сверху» в 1928 г. не получила однозначной поддержки даже в ближайшем окружении Сталина.

Добавим, что, судя по некоторым косвенным свидетельствам, в руководстве ОГПУ также не было единства взглядов по вопросу о сталинской стратегии в отношении деревни. Бухарин рассказывал Каменеву о том, что «правым» удалось заручиться поддержкой заместителей председателя ОГПУ Г.Г. Ягоды и М.А. Трилиссера[537]. Несколько лет спустя, на одном из заседаний февральско-мартовского пленума 1937 г., опытный чекист Е.Г. Евдокимов припомнил Ягоде его солидарность с Рыковым по «шахтинскому делу»: «… нам всем известно, как т. Ягода относился к Рыкову, и знаем… политическую оценку Рыковым Шахтинского дела. А вы, т. Ягода, с Рыковым тогда, что называется, в одной постели спали, и его влияние на вас сказывалось»[538]. Учитывая вышесказанное, можно предположить, что Рыков оказывал влияние на мнение Ягоды не только по «Шахтинскому делу», но и по крестьянскому вопросу.

---

[533] Там же. С. 556.
[534] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 718. Л. 2.
[535] Там же. Оп. 171. Д. 181. Л. 39 об.
[536] Хлевнюк О.В. Хозяин. С. 31.
[537] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 3 об.
[538] Политический архив XX века. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 2. С. 7.

Однако победа «правых» на июльском пленуме 1928 г. не была полной и окончательной. Проблема заключалась в том, что несмотря на официальный отказ от применения чрезвычайных мер в предстоящей хлебозаготовительной кампании, Сталин по-прежнему обладал достаточным административным ресурсом для инициирования новой волны «чрезвычайщины». Для понимания того, насколько реальной была эта возможность, следует учитывать, что низовой аппарат в ходе хлебозаготовительной кампании 1927/28 г. ориентировался не столько на «умеренные» директивы высших органов власти, сколько на административное давление Москвы и угрозу репрессий в случае невыполнения значительно преувеличенных заданий[539]. Вообще, Сталину было привычно действовать в парадигме «византийского» стиля управления, когда преимущественное значение для партийно-государственного аппарата имели сигналы «сверху», нежели законодательные предписания[540].

При этом «правых», безусловно, настораживало и то, что Сталин в отличие от них[541] не подверг «самокритике» решения высшего партийно-государственного руководства при проведении кампании 1927/28 г. Напротив, он использовал ультралевую риторику, оправдывая применение чрезвычайных мер обострением в деревне классовой борьбы и сопротивлением «капиталистических элементов деревни»[542]. Интересно, что даже А.А. Сольц, не принадлежавший ни к одной из двух соперничавших группировок, в письме Орджоникидзе от 15 июля 1928 г. выразил мнение, что на пленуме «слишком много говорили об объективных обстоятельствах» и недостаток «самокритики» грозит привести к трудностям в деле хлебозаготовок[543]. На апрельском пленуме 1929 г. Бухарин отметил парадоксальность сталинской «теории»: «По этой странной теории выходит, что чем дальше мы идем вперед в деле продвижения к социализму, тем больше трудностей набирается, тем больше

---

[539] См.: Данилов В.П., Хлевнюк О.В. Апрельский пленум 1928 г. // Как ломали нэп. Т. 1. С. 25; Данилов В.П. Введение (Истоки и начало деревенской трагедии). С. 44.
[540] Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008. С. 36—37.
[541] См.: Как ломали нэп. Т. 2. С. 319, 374—375, 423—424.
[542] Там же. С. 360.
[543] Советское руководство. Переписка. С. 34.

обостряется классовая борьба, и у самых ворот социализма мы, очевидно, должны или открыть гражданскую войну, или подохнуть с голоду и лечь костьми»[544].

Другим подтверждением тому, что Сталин не отказался от продолжения своей «революции», являлся выдвинутый им на пленуме тезис о «дани», взимаемой с крестьянства в пользу индустриализации[545]. Томский в своем выступлении на пленуме открыто возразил против этой «опасной формулировки»[546]. 13 июля 1928 г., на следующий день после завершения пленума, представитель «бухаринской школы» П.Г. Петровский в редакционной статье «Ленинградской Правды» выступил с решительной критикой «теории безвозмездной дани»[547]. Бухарин уделил особое внимание «речи тов. Сталина о дани» в своем заявлении от 30 января 1929 г., представив ее как «лозунг военно-феодальной эксплуатации крестьянства»[548].

Таким образом, несмотря на то, что в кулуарах пленума было достигнуто формальное примирение сторон[549], противоречия в Политбюро оставались неразрешенными. Вскоре после завершения пленума Сталин, опираясь на административные рычаги и свое политическое влияние, организовал активное наступление на позиции «правых».

По существу, главные направления ударов были намечены Сталиным еще до июльского пленума 1928 г. На апрельском пленуме 1929 г. Угланов вспоминал, что осенью 1927 г., накануне XV съезда партии, между ним и Сталиным состоялся конфиденциальный разговор: «Я пришел в ЦК партии на понедельничное заседание раньше времени, застал в кабинете одного тов. Сталина, рассказываю ему о тарифной реформе. Я отмечал, что ВЦСПС и

---

[544] Как ломали нэп. Т. 4. С. 159.
[545] Как ломали нэп. Т. 2. С. 354.
[546] Там же. С. 427.
[547] Ленинградская Правда. 1928. 13 июля. Как оказалось впоследствии, поддержка «правых» в 1928 г. стоила П.Г. Петровскому должности ответственного редактора «Ленинградской Правды» — с января 1929 г. он приступил к работе в должности зам. редактора саратовского журнала «Нижнее Поволжье» (Корсаков С.Н. Тверские руководители (1917—1991): партия, Советы, комсомол. Тверь, 2002. С. 29).
[548] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 10.
[549] См. свидетельства Н.А. Угланова и Е.М. Ярославского о переговорах Сталина и «москвичей» во время июльского пленума 1928 г.: Как ломали нэп. Т. 4. С. 140—141; Советское руководство. Переписка. С. 36.

ВСНХ очень плохо подготовлены, — туговато проходит дело с тарифной реформой. Тов. Сталин знаете ли что ответил? — Неплохо было бы вас председателем ВЦСПС поставить. Я сразу несколько остолбенел… Я буквально ответил Сталину следующее: "нового председателя ВЦСПС нужно назначить только тогда, когда Томский умрет"»[550]. Весной 1928 г. Угланов рассказывал об этом разговоре М.И. Калинину и К.В. Уханову, поэтому неудивительно, что уже к лету 1928 г. по Москве распространились слухи о намерении Сталина лишить Томского поста председателя ВЦСПС[551].

В феврале 1929 г. в ходе работы IX пленума ИККИ В.В. Ломинадзе и Л.А. Шацкин, являвшиеся подопечными Сталина, подвергли критике некий «правый уклон», ответив тем самым на бухаринскую критику кантонского восстания[552]. Тогда развитие конфликта удалось приглушить, однако на июльском пленуме 1928 г. Ломинадзе вновь выступил против Бухарина как ведущего руководителя и теоретика Коминтерна (как и в предыдущем случае, фамилия Бухарина пока не называлась, однако было очевидно, что выступление было направлено в первую очередь против него): «Мне кажется, товарищи, что Исполнительный Комитет Коминтерна не сумел достаточно серьезно подготовиться к VI мировому конгрессу. Мне кажется, конгрессу грозит опасность, что он не сумеет конкретно и с необходимой полнотой рассмотреть основные узловые вопросы мировой политики и международного коммунистического движения»[553].

Бухарин впоследствии вспоминал, что в Коминтерне накануне VI конгресса (17 июля — 1 сентября 1928 г.) для него сложилась «крайне тяжелая и совершенно непереносимая обстановка»[554]. По настоятельной просьбе Бухарина и Рыкова[555] 30 июля 1928 г. Политбюро выступило с обращением к сеньорен-конвенту VI конгресса, в котором утверждалось, что члены Полит-

[550] Как ломали нэп. Т. 4. С. 142.
[551] Там же.
[552] Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 160.
[553] Как ломали нэп. Т. 2. С. 63.
[554] Как ломали нэп. Т. 4. С. 191.
[555] Об обстоятельствах рассмотрения этого вопроса в Политбюро рассказывал Рыков 30 января 1929 г. на расширенном заседании Политбюро (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 20 об.).

бюро «самым решительным образом протестуют против распространения каких бы то ни было слухов о разногласиях среди членов Политбюро ЦК ВКП(б)»[556]. По признанию Бухарина, «если бы этого заявления не было, то я не мог бы довести до конца конгресса»[557].

Путем интриг и кадровых манипуляций Сталину удалось добиться того, что к концу 1928 г. Бухарин и Томский фактически потеряли опору в своих «вотчинных» ведомствах и перестали там появляться, а их сторонники лишались своих должностей[558]. Важное значение имел разгром «правых» в Московской парторганизации. 16 октября «люди Сталина» добились снятия двух активных сторонников Угланова — секретарей двух московских райкомов М.Н. Рютина и М.А. Пенькова[559]. 19 октября в «Правде» было опубликовано «покаяние» Угланова, а с конца ноября, после того как Угланов подал в отставку и его место занял Молотов, в Московской парторганизации началась массовая чистка сторонников Бухарина[560].

Несомненно, позиции «правых» существенно ослабляло и то, что осенью 1928 г., когда «чрезвычайная» политика в деревне была приостановлена[561], их аргументы в споре со Сталиным оказались лишены наглядной убедительности. Относительно спокойная ситуация в деревне, установившаяся в первые месяцы новой хлебозаготовительной кампании, создавала ощущение, что, как выразился Ворошилов, «диагнозы, рассуждения, страхи», которые высказывал Бухарин, «жизнью постепенно ликвидировались»[562]. Тем самым создавалась иллюзия того, что Сталин был прав, называя Бухарина и его сторонников «паникерами».

---

[556] РГАСПИ. Ф. 329. Оп. 2. Д. 6. Л. 18.
[557] Как ломали нэп. Т. 4. С. 188.
[558] Подробнее см.: Данилов В.П., Хлевнюк О.В., Ватлин А.Ю. Ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) // Как ломали нэп. Т. 3. С. 8—10, 13—14; Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 231—245; Роговин В.З. Власть и оппозиции. С. 89—91. Добавим, что Бухарин и Томский 30 января 1929 г. на расширенном заседании Политбюро уделили достаточное внимание разъяснению сущности направленной против них «организационной политики» (см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 11, 23).
[559] Им обоим инкриминировалось проведение «антипартийной» линии, «неправильные и явно ошибочные» выступления и разговоры (см.: Там же. Д. 168. Л. 95—103).
[560] Коэн С. Указ. соч. С. 361.
[561] В свою очередь, это нашло отражение в значительном спаде крестьянских выступлений в период с июля по декабрь 1928 г. (см.: Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 788).
[562] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 15.

В этой связи следует отметить, что жесткой критике была подвергнута бухаринская статья «Заметки экономиста». В данной статье, опубликованной в «Правде» 30 сентября 1928 г., Бухарин выразил убеждение в необходимости обеспечения «экономического равновесия» между промышленностью и сельским хозяйством, выступив против форсирования капиталовложений в промышленный сектор. Иначе говоря, эта статья была написана свойственным внутрипартийной борьбе 1928—1929 гг. эзоповым языком[563] и была направлена против сталинских представлений о темпах и методах индустриализации[564]. В Постановлении Политбюро от 8 октября 1928 г. утверждалось, что редакция «Правды» не должна была публиковать статью Бухарина «без ведома Политбюро ЦК» в силу наличия в ней «ряда спорных положений»[565]. Если в постановлении Политбюро негативная оценка этой статьи была представлена в смягченном варианте, то Орджоникидзе в письме Ворошилову дал ей более резкую характеристику: «Зря он выскочил с такой статьей… Бухарчик в этой статье открыто не осмелился сказать, чего он хочет, а потому вышло и левым, и правым, в результате все недовольны»[566].

19 октября 1928 г. Сталин, выступая на пленуме МК и МКК, заявил о необходимости усиления идейной борьбы против «правого уклона»: «Что касается правой опасности, которая существовала и раньше, и которая теперь выступает более выпукло в виду усиления мелкобуржуазной стихии в связи с заготовительным кризисом прошлого года, то она, я думаю, не так ясна для известных слоев нашей партии. Поэтому задача состоит в том, чтобы, не ослабляя ни на йоту борьбы с левой, троцкистской опасностью, сделать ударение на борьбе с правым уклоном и принять все меры к тому, чтобы опасность этого уклона стала для партии столь же ясной, как ясна для нее троцкистская опасность»[567]. По существу, эти слова стали сигналом к развертыва-

---

[563] Коэн С. Указ. соч. С. 338.
[564] Правда. 1928. 30 сентября; Коэн С. Указ. соч. С. 358—359.
[565] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 172. Л. 6.
[566] Советское руководство. Переписка. С. 52.
[567] Правда. 1928. 23 октября.

нию на страницах «Правды» кампании по разоблачению «правого уклона» и «примиренческого к нему отношения»[568].

Сталин в упомянутом выше выступлении на пленуме МК и МКК заявил: «Есть ли в Политбюро какие-либо уклоны? В Политбюро нет у нас ни правых, ни левых, ни примиренцев с ними»[569]. Тем не менее, Сталин, получивший полный бюрократический контроль над Московской парторганизацией, использовал неформальные каналы коммуникации для проведения в Москве интенсивной кампании по персональной дискредитации Бухарина, Рыкова и Томского. «Вся пресса, призывая к борьбе с правой опасностью, не указывает ни имен, ни идеологов правого уклона, а по намекам и отдельным фразам можно было понять, что это было направлено против тт. Рыкова, Бухарина и Томского» — рассказывал В.А. Котов[570] на одном из заседаний апрельского пленума 1929 г.[571] К началу 1929 г. кампания по борьбе с опасностью «правого уклона» в московском партактиве достигла такой силы, что Калинин, отвечая на вопросы участников Бауманской партконференции (12—18 января 1929 г.), вынужден был категорически отрицать согласие со взглядами Рыкова[572].

Вместе с тем традиции и механизмы коллективного руководства позволяли «правым» даже в условиях «проработки» и «организационного окружения»[573] рассчитывать на положительный исход в противостоянии со Сталиным. В конце 1928 г. Сталин по-прежнему не мог рассчитывать на то, что «руководящий коллектив» поддержит исключение «правых» из Политбюро. Характерно, что даже Орджоникидзе, его ближайший соратник и один из наиболее авторитетных «цекистов», занимал примирительную позицию и

---

[568] Заметки такого содержания размещались преимущественно в рубрике «Партийное строительство» (см., напр.: Правда. 1928. 23 октября, 24 октября, 1 ноября, 3 ноября, 4 ноября, 6 ноября, 10 ноября, 15 ноября, 24 ноября, 27 ноября, 13 декабря, 21 декабря).

[569] Правда. 1928. 23 октября.

[570] Секретарь МК в 1925—1928 гг., соратник Н.А. Угланова.

[571] Как ломали нэп. Т. 4. С. 96.

[572] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 19, 21.

[573] Данное выражение, употребленное Сталиным при написании резолюции «по внутрипартийным делам» от 9 февраля 1929 г. (Там же. Л. 48 об.), как нельзя лучше отражает обстановку, в которой «правые» находились в конце 1928 г.

был склонен к поиску компромисса с «правыми». Думается, это обстоятельство объясняется не только миролюбивым нравом самого Орджоникидзе, но и тем, что в глазах большинства членов ЦК его должность председателя Центральной Контрольной Комиссии продолжала подразумевать обязанность предотвращать угрозу всевозможных «расколов» в партии. В этом отношении Орджоникидзе являлся «транслятором» настроений «единства», преобладавших в «руководящем коллективе».

Показателен эпизод, случившийся в начале ноября 1928 г. — во время работы комиссии Политбюро по выработке резолюции о контрольных цифрах народного хозяйства для предстоящего пленума ЦК. Бухарин, Рыков и Томский, имевшие со Сталиным разногласия по этому вопросу и уставшие от создавшегося для них «невыносимого положения», поставили Политбюро в известность о своем намерении обратиться к пленуму с просьбой освободить их от занимаемых должностей[574]. На следующий день состоялось закрытое заседание Политбюро, на котором Рыков, Бухарин и Томский предъявили собравшимся «требование из 16 пунктов», выполнение которых, по словам Орджоникидзе, «ставилось почти ультимативным условием для дальнейшей совместной работы»[575].

После долгих совещаний этот ультиматум почти полностью был принят. Главным итогом принятой договоренности было то, что в отношении некоторых активных противников «правого уклона» были определены различные меры взыскания[576]. Отметим, что было одобрено даже исключение сталинского «политкомиссара» Г.И. Крумина из редколлегии «Правды»[577]. Интересно, что спустя некоторое время по просьбе Бухарина и Рыкова это решение было отменено. Вероятно, взамен Бухарин получил гарантии того, что в дальнейшем «политкомы», внедренные Сталиным в «Правду», — Г.И.

---

[574] Там же. Л. 11, 49. При этом непосредственным толчком к этому демаршу «бухаринской группы» стали замечания Сталина к тезисам Рыкова о контрольных цифрах на 1928/29 г. (см.: Как ломали нэп. Т. 3. С. 604—605; Там же. Т. 4. С. 435—436).

[575] Там же. С. 436.

[576] См.: Там же. С. 436—441.

[577] Там же. С. 437.

Крумин, М.А. Савельев и Е.М. Ярославский — ослабят контроль над редакционной политикой центрального печатного органа партии.

Во всяком случае, несмотря на предостережение упомянутого выше постановления Политбюро от 8 октября 1928 г., в конце 1928 — начале 1929 гг. в «Правде» были опубликованы две речи Бухарина, содержавшие элементы скрытой полемики со Сталиным. В номере «Правды» от 2 декабря 1928 г. был опубликован доклад Бухарина, сделанный на IV Всесоюзном совещании рабселькоров (28 ноября — 7 декабря 1928 г.). В этом докладе, озаглавленном «Текущий момент и задачи нашей партии», Бухарин в очередной раз указал на «опасность разрыва между городом деревней» как «главнейшую внутреннюю опасность в нашей стране». Кроме того, Бухарин, как и на июльском пленуме 1928 г., обратил внимание на необходимость усиления «самокритики», которая должна стать «оружием нашего социалистического строительства»[578].

Значительно более критической была речь Бухарина, посвященная пятой годовщине смерти Ленина и опубликованная 24 января 1929 г. в «Правде» под заголовком «Политическое завещание Ленина». Ссылаясь на последние труды Ленина, Бухарин утверждал, что «основной внутренней гарантией в борьбе против империалистов» является следование выработанному Лениным «основному тактическому правилу»: «величайшая осторожность в тех пунктах политики, которые касаются отношения рабочей власти к крестьянству». Рассуждая об источниках средств для индустриализации, Бухарин призывал сместить акцент с «нездоровой базы» (денежная эмиссия, «проедание» золотовалютных резервов, «переобложение крестьянства») на «качественное повышение производительности общенародного труда и решительную борьбу с непроизводительными расходами». Имплицитной аргументацией против сталинских планов форсированной коллективизации было апеллирование Бухарина к «кооперативному плану» Ленина, «когда население идет к социализму через кооперацию, руководствуясь собственной выго-

[578] Правда. 1928. 2 декабря.

дой»[579]. В общем, значение этой речи Бухарина справедливо охарактеризовал С. Коэн: «Составленное по большей части ленинскими словами и подписанное Бухариным, "Политическое завещание Ленина" представляло собой полнозвучный антисталинский манифест в защиту нэповской философии и политики, от которых избавлялся теперь генсек»[580].

Возвращаясь к событиям, происходившим накануне ноябрьского пленума 1928 г. (16—24 ноября 1928 г.), следует отметить, что после достижения компромисса по тексту резолюции «О контрольных цифрах народного хозяйства на 1928/29 г.» Орджоникидзе «при молчаливом согласии» Бухарина, Рыкова и Томского разорвал их заявление об отставке[581]. Примерно в эти же дни Орджоникидзе в письме Рыкову выразил намерение и в дальнейшем способствовать урегулированию конфликтов в Политбюро: «Смешно, конечно, говорить о твоей "смене", Бухарина или Томского. Это прямо было бы сумасшествием. По-видимому, отношения между Сталиным и Бухариным значительно испортились, но нам надо сделать все возможное, чтобы их помирить»[582].

Эффективность «метода отставок» в качестве инструмента политического давления подтвердилась в январе 1929 г. После завершения VIII съезда профсоюзов Томский, недовольный созданием в ВЦСПС «двоецентрия»[583], дважды — 23 декабря и 10 января — обращался в Политбюро с просьбой принять его отставку с поста председателя ВЦСПС. В обоих случаях его просьба была отклонена[584]. Интересно свидетельство Томского о том, какая обстановка сложилась в Политбюро в связи с этим демаршем: «Перед 14 числом было очень острое заседание Политбюро, очень острые речи по мое-

[579] Правда. 1929. 24 января.
[580] Коэн С. Указ. соч. С. 367.
[581] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 7.
[582] Советское руководство. Переписка. С. 58.
[583] Каганович, выступавший на заседании большевистской фракции ВЦСПС с критикой работы профсоюзного руководства, был введен в состав Президиума ВЦСПС. Томский, в свою очередь, расценил это событие как факт создания в ВЦСПС «двоецентрия» (Роговин В.З. Власть и оппозиции. С. 91).
[584] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 32 об.

му адресу раздавались. Говорили о том, что из моего ухода с поста председателя ВЦСПС неизбежно следует уход из Политбюро»[585].

Встретив сопротивление большинства членов Политбюро, Томский 14 января 1929 г. направил членам Политбюро для предварительного ознакомления заявление, адресованное «всем членам ЦК»[586]. В этом заявлении Томский сообщил о том, что его работа в должности руководителя «такой широкой беспартийной организации» невозможна в силу создавшегося в ВЦСПС «двоецентрия», осложненного «наличием обостренных взаимоотношений в президиуме ВЦСПС» и «не вполне нормальных взаимоотношений внутри ПБ»[587]. По словам Томского, заявление от 14 января 1929 г. заставило его оппонентов изменить тональность: «Мне сказали просто, по-товарищески: "Томский, возьми обратно этот документ"». Получив отказ, Сталин попросил Томского отложить обсуждение этого документа на неделю[588]. При этом к остальным членам Политбюро Сталин обратился с предложением: «Я сомневаюсь, чтобы можно было разослать этот документ, критикующий двукратно принятое решение ПБ, без ответа Политбюро». Молотов, Ворошилов и Калинин выступили в поддержку сталинского предложения[589].

Несмотря на выигранное время, у Сталина, по всей видимости, возникли серьезные трудности с написанием документа, разоблачающего действия Томского. Во всяком случае, 30 января 1929 г. Томский «под стенограмму» отметил, что к тому моменту его заявление так и не было разослано указанным в нем адресатам[590]. В результате ознакомление членов ЦК с заявлением Томского было санкционировано только 30 января 1929 г., когда члены Политбюро и Президиума ЦКК приняли постановление, в котором прошения

---

[585] Там же. Л. 22 об.

[586] Свою подпись, подтверждающую факт ознакомления с заявлением Томского, поставили члены Политбюро Сталин, Рыков, Молотов, Ворошилов, Калинин, Рудзутак, Куйбышев, кандидат в члены Политбюро Микоян, а также председатель ЦКК Орджоникидзе (Там же. Д. 172. Л. 51).

[587] Там же. Д. 181. Л. 33.

[588] Там же. Л. 22 об.

[589] Там же. Д. 172. Л. 51.

[590] Там же. Д. 181. Л. 22 об.

Бухарина и Томского об отставке с занимаемых ими постов признавались «совершенно недопустимыми»[591].

Как нам представляется, эта задержка была обусловлена опасениями Сталина относительно того, что значительная часть членов ЦК выступит в поддержку Томского. Дополнительным фактором, осложнявшим положение Сталина по вопросу об отставке Томского, было то, что, как заметил Томский в своем заявлении, в составе Президиума ВЦСПС работало «более 10 членов ЦК»[592]. Вряд ли большинство из них лояльно отнеслись к «перетряхиванию» Сталиным руководства профсоюзов. В этой связи можно предположить, что, Сталин, скорее всего, рассчитывал на то, чтобы каким-то образом уладить конфликт с Томским. Возможно, как и двумя месяцами ранее, ему пришлось бы пойти на определенные уступки «правым». Добавим, что катастрофические последствия новой волны «чрезвычайщины» в деревне, проявившиеся уже в первые месяцы 1929 г.[593], также потенциально могли существенно ослабить позиции Сталина в преддверии очередного пленума ЦК.

---

[591] Там же. Л. 29 об.

[592] Там же. Л. 33. Отметим, что в состав ВЦСПС, избранного пленумом ВЦСПС 18 декабря 1926 г. вошли член Политбюро М.П. Томский, члены ЦК А.И. Догадов, А.А. Андреев, И.И. Лепсе, В.М. Михайлов, А.Ф. Радченко, И.И. Шварц, В.В. Шмидт, кандидаты в члены ЦК Г.Н. Мельничанский, Ф.Я. Угаров, члены ЦКК Ю.П. Фигатнер, Г.А. Коростелев (Примечания // Как ломали нэп. Т. 4. С. 704).

[593] С начала 1929 г. происходит нарастание эскалации конфликта в деревне. В январе 1929 г. было зафиксировано 42 массовых выступления (на 17 больше, чем в декабре 1928 г.), причем в отношении представителей власти было совершено 642 акта террора (данная цифра более чем в три раза превышает аналогичный показатель за декабрь 1928 г.). Всего за первое полугодие 1929 г. в деревне было совершено 699 массовых выступлений, 2696 актов террора. Для сравнения: за весь 1928 г. эти показатели составили соответственно 709 и 1027 случаев. (Подсчитано по: Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 788).

2.2. Объединенные заседания Политбюро и Президиума ЦКК 30 января и 9 февраля 1929 г. как фактор формирования сталинского большинства

Именно в январе 1929 г., когда у «правых» оставались реальные шансы на положительный исход в противостоянии со Сталиным, произошел переломный момент, предопределивший победу Сталина. 23 января Орджоникидзе был ознакомлен с выпущенной троцкистами листовкой, которая содержала запись Л.Б. Каменева о его разговоре с Бухариным и Г.Я. Сокольниковым, состоявшемся 11 июля 1928 г. В этот день Бухарин при посредничестве Сокольникова тайно встретился с Каменевым для того, чтобы к началу нового раунда противостояния со Сталиным получить поддержку Каменева и Зиновьева. Подоплеку этой встречи четко сформулировал Сокольников в письме Орджоникидзе от 28 января 1929 г.: «Бухарин… считал необходимым… объясниться с Кам., имея в виду предотвратить "нападение" на себя со стороны К. и З.»[594]. При этом непосредственным толчком к визиту Бухарина стали слухи о том, что «правые» ранее голосовали против восстановления Зиновьева и Каменева в партии[595]. Однако в ходе продолжительного разговора с Каменевым Бухарин не ограничился опровержением этих слухов, перейдя, как выразился впоследствии Каменев, к «описанию своего тяжелого положения в П. Бюро и на происходившем Пленуме ЦК и общего тяжелого положения в П. Бюро вообще»[596].

Как бы то ни было, согласимся с мнением коллектива авторов: «в рамках политической логики» действительно трудно объяснить тайную встречу и откровенный разговор Бухарина с Каменевым — бывшим оппозиционером, лишь недавно восстановленным в партии[597]. На объединенном заседании Политбюро и Президиума ЦКК 30 января 1929 г., когда конфликт вокруг этого инцидента уже достиг значительного накала, Ворошилов отметил абсурд-

[594] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 4 об.
[595] Там же.
[596] Письмо Л.Б. Каменева Г.К. Орджоникидзе от 27 января 1929 г. // Там же.
[597] Данилов В.П., Ватлин А.Ю., Хлевнюк О.В. Апрельский пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 1929 г. // Как ломали нэп. Т. 4. С. 7.

ность действий Бухарина: «Ты не хотел, чтобы Каменев и Зиновьев считали политику Сталина правильной и тем облегчили бы тебе возможность борьбы с Политбюро, борьбы, которую ты так неискусно затеял. Только сумасшедший может думать, что Политбюро нашей партии пойдет к Троцкому, Зиновьеву и Каменеву просить, чтобы они пришли его спасать…»[598]. Кандидат в члены Президиума ЦКК А.П. Розенгольц, принимавший участие в том же заседании, также выступил с экспрессивным высказыванием по этому поводу: «Бухарин говорил о сумасшедшем доме. Невольно такое сравнение приходит в голову, когда узнаешь о его переговорах с Каменевым. Бухарин побежал к Каменеву искать политического союзника… Это смешно и возмутительно»[599]. Думается, подоплека столь грубой ошибки, допущенной Бухариным в июле 1928 г., заключалась в его эмоциональном состоянии. На апрельском пленуме 1929 г. Бухарин признал, что в этот период он находился в «страшном волнении»[600].

Добавим, что в некоторой степени появление этого компромата было обусловлено стечением обстоятельств. Бухарин, разумеется, не мог предвидеть того, что Каменев составит для Зиновьева подробную запись об этом разговоре, копия которой впоследствии окажется у троцкистов и будет издана ими в виде листовки. Из признаний бывшего личного секретаря Каменева Ф.П. Швальбе, полученных секретным отделом ОГПУ в июне 1930 г., следует, что летом 1928 г. Швальбе снял копию с записи Каменева, после чего приехал в Москву и познакомил с ней Михаила, а тот, в свою очередь, дал возможность скопировать этот документ троцкисту М.С. Югову[601]. Эти показания согласуются с тем фактом, что в октябре 1928 г. Троцкому уже было известно содержание записи Каменева[602].

---

[598] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 15 об.
[599] Там же. Л. 22.
[600] Как ломали нэп. Т. 4. С. 188.
[601] Дополнение 16 // Как ломали нэп. Т. 4. С. 688.
[602] См.: Письмо Л.Д. Троцкого о тактике, Алма-Ата, 21 октября 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 172. Л. 17.

Следует также отметить, что на первом объединенном заседании Политбюро и Президиума ЦКК Бухарин попытался дезавуировать компрометирующий его документ, обратив внимание на «целый ряд несообразностей». Он утверждал, что данная прокламация не могла быть выпущена троцкистами «на днях», поскольку в ней нет упоминания ни о недавней высылке Троцкого за границу, ни о речи Сталина на пленуме ЦК 19 ноября 1928 г.[603] Подозрительным ему показалось и то, что этот документ был слабо распространен в Москве[604], в то время как «все троцкистские прокламации распространяются всюду и везде»[605]. На этом основании Бухарин называл документ «фальшивкой»[606] и требовал тщательной проверки его происхождения: «При непроверенном документе я должен разоряться здесь как подсудимый. Вы хотите меня судить, товарищи из ЦКК. Так и скажите! Но позвольте мне затребовать, чтобы вы выполнили завещание Ильича не брать на веру никаких документов»[607]. «Шантажистской, якобы троцкистской» прокламация была названа в заявлении Бухарина, Рыкова и Томского от 9 февраля 1929 г.[608]

Е.М. Ярославский, протестуя против «недомолвок» Бухарина, раздраженно заявил: «Скажите прямо, кого вы подозреваете в этих фальшивках — ЦКК, ГПУ, ЦК?»[609]. Действительно, перечисленных Бухариным «странностей» было недостаточно, чтобы признать обоснованность его сомнений относительно происхождения этого документа. Так, справедливым было замечание Ярославского: «То, что листовка не говорит об аресте Троцкого (имеется в виду кратковременный домашний арест, предназначенный для сборов в связи с высылкой за границу — *Д.А.*)? Но мы не знаем, когда она была сда-

[603] Данное выступление Сталина, в котором он вновь разоблачал «правый уклон» и, в частности, позицию М.И. Фрумкина, имело большую известность, будучи опубликованным в выпуске «Правды» от 24 ноября 1928 г. (см.: Сталин И.В. Сочинения. Т. 11. С. 245—290).

[604] Согласно справке ОГПУ от 30 января 1929 г., наибольшее количество экземпляров данной листовки — около 200 — было «перехвачено» в Хамовническом районе, в Рогожско-Симоновском районе при обыске в квартире некоего Черносвитова было обнаружено 78 экземпляров листовки. В остальных районах Москвы к концу января 1929 г. в общей сложности было найдено менее 100 экземпляров. При этом на некоторых московских предприятиях были зафиксированы только единичные находки экземпляров листовки, еще несколько экземпляров были переданы секретарям ячеек (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 172. Л. 67—68).

[605] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 7, 7 об., 10.

[606] Там же. Л. 9.

[607] Там же. Л. 7 об.

[608] Там же. Л. 37.

[609] Там же. Л. 42 об.

на в набор»[610]. Менжинский, ведомство которого занималось борьбой с нелегальной троцкистской организацией, достаточно убедительно объяснил отмеченный Бухариным факт слабой распространенности листовки: «Вы должны знать, каково положение сейчас в троцкистской организации, ведь в начале января троцкистская организация в Москве с политическим центром была разбита. Было произведено большое количество арестов, до 200 человек было арестовано, была взята типография, которую мы считаем центральной типографией троцкистов… Мы принимаем меры для предупреждения распространения листовок»[611]. В июле 1929 г. Троцкий опубликовал в «Бюллетене оппозиции» документ, который полностью опровергает высказанные Бухариным подозрения: из его содержания следует, что данная листовка была издана троцкистской организацией 20 января 1929 г.[612]

В общем, появлением троцкистской прокламации с записью Каменева Бухарин был застигнут врасплох. На апрельском пленуме 1929 г. он разочарованно констатировал: «Я никак не предполагал, что нет меры человеческой подлости и что можно такие разговоры "записать" и "использовать"»[613].

Первое разбирательство вокруг записи Каменева состоялось 24 января 1929 г., когда после исчерпания повестки дня заседания Политбюро по предложению Орджоникидзе состоялось закрытое заседание Политбюро. После того, как Орджоникидзе зачитал содержание троцкистской листовки, Бухарин подтвердил факт разговора с Каменевым, отметив, однако, в изложении Каменева некоторые «неточности» и «извращения»[614]. 27 и 28 января Орджоникидзе получил от Каменева и Сокольникова письменные пояснения относительно их участия в той встрече[615]. 28 января по данному вопросу состоялось повторное закрытое заседание Политбюро, на котором было приня-

---

[610] Там же. Л. 9.
[611] Там же. Л. 9 об.
[612] См.: Внутри право-центристского блока (Письмо из Москвы) // Бюллетень оппозиции. 1929. № 1—2. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://web.mit.edu/fjk/www/FI/BO/BO-01.shtml; Фельштинский Ю.Г. Разговоры с Бухариным. Комментарий к воспоминаниям А.М. Лариной (Бухариной) «Незабываемое» с приложениями. Нью-Йорк, 1991. С. 14.
[613] Как ломали нэп. Т. 4. С. 190.
[614] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 6, 37 об.
[615] Там же. Л. 4 об. — 5.

то решение о созыве 30 января в 11 часов утра объединенного заседания Политбюро и Президиума ЦКК[616]. Примечательно, что это решение было принято в отсутствие Бухарина и Томского, покинувших зал заседаний Политбюро после оскорбительных выкриков Ворошилова в адрес Бухарина[617]. Бухарин во время правки стенограммы своего выступления от 30 января 1929 г. оставил комментарий относительно случившегося на заседании 28 января: «Я всегда буду уходить, если будут ругаться сволочью»[618].

По существу, объединенные заседания Политбюро и Президиума ЦКК 30 января и 9 февраля 1929 г., проводившиеся «под стенограмму», изначально задумывались в качестве высшего партийного суда над «правыми». Авторским коллективом было верно подмечено, что «фактически речь шла о подобии объединенных пленумов ЦК и ЦКК, практиковавшихся в период борьбы с оппозицией»[619]. Бухарин это прекрасно понимал, поэтому 30 января уже в самом начале заседания он выступил с риторическим вопросом: «… Являюсь ли я здесь подсудимым, или трое нас являются подсудимыми?»[620]. И хотя Сталин сразу же заявил, что «настоящее заседание не есть судилище над тов. Бухариным»[621], судебный характер заседаний 30 января и 9 февраля 1929 г. был фактически подтвержден многочисленными обвинениями, направленными в адрес Бухарина, Томского и Рыкова.

Содержание полемики, происходившей на заседаниях 30 января и 9 февраля 1929 г., свидетельствует о том, что изданная троцкистами запись о тайном разговоре Бухарина с Каменевым стала триггером, создавшим в коллективном руководстве серьезные опасения относительно высокой вероятности того, что «правые» члены Политбюро были готовы в противостоянии со Сталиным пойти на крайние меры, перенеся имевшиеся в Политбюро противоречия за пределы узкого круга «руководящего коллектива». Эти опасения

---

[616] Там же. Д. 172. Л. 66.
[617] Там же. Д. 181. Л. 7 об., 12, 22 об.
[618] Там же. Д. 179. Л. 49.
[619] Данилов В.П., Ватлин А.Ю., Хлевнюк О.В. Апрельский пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 1929 г. // Как ломали нэп. Т. 4. С. 7.
[620] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 7.
[621] Там же. Л. 7 об.

довольно емко выразил Менжинский: «Никто не обязан любить Сталина и пр. Но, во всяком случае, обращаться к людям, против которых наравне с троцкистами вчера велась ожесточеннейшая борьба тем же Бухариным, — это никуда не годится. По-видимому, он чувствует себя к ним ближе, чем к членам Политбюро. Так получается»[622].

Иными словами, в коллективном руководстве создалось впечатление о «бухаринской группе» как о потенциальном организаторе очередной оппозиционной фракции (наподобие «троцкистско-зиновьевской») — внутренней силе, являющейся источником угрозы раскола в партии. Недоверие к Бухарину подкреплялось и тем обстоятельством, что за несколько дней до начала данного разбирательства Г.Л. Пятаков рассказал Сталину и Орджоникидзе о том, что в январе 1929 г. (еще до появления троцкистской листовки), у него состоялся тайный разговор с Бухариным и Каменевым. На этой встрече Бухарин прочитал бывшим оппозиционерам документ, в котором доказывал гибельность проводимого Сталиным экономического курса и указывал на необходимость «перегруппировки сил партии и восстановления власти Политбюро»[623]. «Каменеву показывал (речь идет об упомянутом выше документе — *Д.А.*), Пятакову показывал, Рыкову, Томскому показывал, — это все люди науки, а все остальные дураки?», — возмущался Орджоникидзе[624].

Следует отметить, что положение Бухарина не исправило даже то, что Бухарин и Сокольников в своих выступлениях на первом объединенном заседании Политбюро и Президиума ЦКК достаточно убедительно дезавуировали обвинение в их адрес о том, что целью встречи Бухарина с Каменевым в июле 1928 г. было создание оппозиционного блока «правых» и их недавних противников[625]. Показательно, что Орджоникидзе, характеризуя значение разговора Бухарина с Каменевым, говорил о том, что: 1) «Сама обстановка

---

[622] Там же. Л. 9 об.

[623] Там же. Л. 6 об., 18 об. Отметим также, что несколько месяцев спустя содержание этого разговора в общих чертах передал Троцкий, получивший сведения из некоторых конфиденциальных источников (См.: Внутри право-центристского блока (Письмо из Москвы) // Бюллетень оппозиции. 1929. № 1—2. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://web.mit.edu/fjk/www/FI/BO/BO-01.shtml).

[624] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 11 об.

[625] Там же. Л. 10, 16.

беседы, скрытие ее от ПБ, заставляет думать, что дым не без огня»[626]; 2) «Может быть, и переврал Каменев кое-что, во всяком случае никто не виноват, кроме Бухарина, во всем этом»[627]. «На данной стадии блок не был заключен», — заявил Ворошилов[628], демонстрируя свою убежденность в том, что Бухарин был полон решимости в скором времени перейти к запрещенным методам фракционной борьбы.

Сильное раздражение Орджоникидзе и Ворошилова вызвало и то, что, согласно записи Каменева, Бухарин в беседе с ним упомянул их фамилии в ходе рассуждений о потенциальных сторонниках «правых». Орджоникидзе, завершая свою вступительную речь, заявил: «Два слова о своей персоне. Я должен самым решительным образом заявить, что тов. Бухарин, если он действительно говорил тов. Каменеву, что я будто с ним был согласен, а в решающий момент его предал, — он бессовестно меня оболгал… Как неприлично, как некрасиво лгать на товарищей»[629]. Реплика Ворошилова, обращенная непосредственно к Бухарину, получилась не менее выразительной: «Может быть, ты будешь так добр и объяснишь, каким образом в этот документ… попало выражение, где говорится о том, что Калинин и Ворошилов в последний момент изменили? Это дает возможность товарищам думать, что у нас была группировка, мы затеивали против кого-то что-то и в последний момент изменили?»[630].

Таким образом, Бухарин, будучи политически скомпрометирован, оказался в крайне затруднительном положении. При этом Рыков и Томский рассматривались в качестве «обвиняемых», причастных к инкриминируемым Бухарину действиям. Как заметил Орджоникидзе, «в своей записи тов. Каменев говорит, что Бухарин говорил с ним от имени т.т. Рыкова и Томского»[631]. Данное свидетельство из записи Каменева стало формальным основанием

[626] Там же. Л. 6.
[627] Там же. Л. 27.
[628] Там же. Л. 16.
[629] Там же. Л. 7.
[630] Там же. Л. 12 об.
[631] Там же. Л. 6.

для фразы В.М. Молотова, являвшегося, как известно, «рупором» Сталина: «Что касается документа, который распространяют троцкисты, то этот документ бросает новый свет на политическое поведение трех членов Политбюро»[632]. После Молотова с аналогичным заявлением выступил и сам Сталин: «Могли ли мы знать тогда (т.е. в период ноябрьского пленума 1928 г. — *Д.А.*)… что в архиве Каменева имеется некая "запись", которая будет "украдена" троцкистами для публикации и из которой станет ясно, что мы имеем внутри Политбюро особую группу со своим особым "оттенком"?»[633]. На заседании 9 февраля Рыков категорически отрицал свою осведомленность о тайном разговоре Бухарина с Каменевым[634], однако к тому моменту Сталиным уже был написан проект резолюции, в котором утверждалось обратное[635].

Пользуясь ситуацией, Сталин не упустил возможности предъявить Бухарину и Томскому ультиматум. Этот ультиматум, озвученный Ярославским, заключался в следующем: «Надо находить выход из положения. Выход лежит в признании тов. Бухарина, что тут им сделана большая политическая ошибка. Второе признание, что нельзя дальше продолжать такого рода саботаж, который имеет место и со стороны тов. Томского, и со стороны тов. Бухарина. Надо им покончить с этим и немедленно приступить к работе, и, в-третьих, заявить, что никаких принципиальных разногласий нет, что наши противники подхватывают отдельные разговоры и раздувают их, а линия одна»[636].

Бухарин, конечно, понимал, что в случае невыполнения этого ультиматума велика вероятность применения в отношении него санкции в виде исключения из Политбюро на основании резолюции X партсъезда «О единстве партии». Эти опасения были вполне отчетливо выражены в его заявлении, зачитанном на заседании 30 января: «Совершенно ясно, что постановка во-

[632] Там же. Л. 13 об. — 14.
[633] Там же. Л. 18.
[634] Там же. Л. 37.
[635] Там же. Л. 47.
[636] Там же. Л. 9 об.

проса о фальшивой прокламации на настоящем собрании обнаруживает ясную установку ряда руководящих товарищей: тенденция к дискредитации и отсечению — совершенно ясна»[637]. На заседании 9 февраля Томский выразился даже более определенно: «Партия может завтра выбросить нас из Политбюро, и уже к этому дело идет…»[638].

Вместе с тем было очевидно, что Бухарин и Томский даже в случае полного выполнения ультиматума не смогут восстановить свой авторитет в «руководящем коллективе» партии и впоследствии наверняка не будут переизбраны в Политбюро. Не случайно на одном из предыдущих заседаний Политбюро (судя по всему, 28 января) Калинин заявил примерно следующее (содержание фразы передается со слов Рыкова): «Я согласился поддержать Томского, когда он был у меня, в его просьбе об отставке (имеется в виду период до появления троцкистской прокламации с записью Каменева — *Д.А.*)», а теперь я раздумал, потому что, если вы ему отставку дадите, он сто процентов веса потеряет, а если он останется в ВЦСПС, то 10—15 % его политического веса за ним сохранится»[639]. Томский, в свою очередь, с достоинством ему ответил: «Я такими дробными величинами не интересуюсь»[640]. Кроме того, Томский сообщил о своем частном разговоре с Калининым, в котором тот был более откровенен. Рыков пересказал фрагмент этого разговора: «А ответил, будто бы, тов. Калинин т. Томскому в основном так: "Ты, Томский, прав; я думаю, что песня твоя и Бухарина окончена". А потом, — сказал Томский, дойдет очередь до Рыкова, с чем Калинин согласился, прибавив: "После Рыкова дойдет очередь до меня"»[641].

В этой связи неудивительно, что Бухарин был готов удовлетворить только первое условие ультиматума, признав, что «сделал ошибку, откровенничая с Каменевым»[642]. Что касается выполнения второго условия, то Буха-

---

[637] Там же. Л. 11.
[638] Там же. Л. 36.
[639] Там же. Л. 20 об. — 21.
[640] Там же. Л. 21.
[641] Там же.
[642] Там же. Л. 11.

рин и Томский категорически отказались от возвращения к руководству Коминтерном, «Правдой» и ВЦСПС, выступив с повторной просьбой об отставке. Бухарин обоснованно считал, что в связи с полным недоверием к нему оставление за ним руководства над «Коминтерном» и «Правдой» будет «совершенно зрящной тратой нервов». «Но как же я буду руководить Коминтерном, когда мне нельзя верить? Это сумасшедшее положение! — с негодованием воскликнул Бухарин. — Все это должны понять. Если нужно довести меня до того, что я превращусь в совершенного инвалида, можно это сделать»[643]. Томский также негативно охарактеризовал перспективу продолжения своей работы на посту председателя ВЦСПС: «Теперь вы загоняете нас в угол этим документом, хотите его максимально использовать… Вы сами понимаете, вы политики, как я могу идти в ВЦСПС и работать? Поймите, не выйдет это. Я был бы в этом случае величайшим шарлатаном»[644].

В конце заседания 30 января Бухарин настойчиво просил избавить его от работы в Коминтерне и «Правде»: «Освободите меня от той трепки, которая никому не нужна, ни вам, ни мне»[645]. При этом он предложил завуалировать это решение, чтобы избежать большого резонанса в партийных кругах: «Я прошу, чтобы было как угодно законспирированное решение — Бухарина от работы в Коминтерне и "Правде" фактически освободить. Можно дать мне специальное поручение». В этот момент выступление Бухарина было прервано шуткой Орджоникидзе: «Ты будешь писать роман о свидании с Каменевым. (Смех)»[646].

На апрельском пленуме 1929 г. Бухарин четко сформулировал подоплеку продиктованной Сталиным линии на категорическое отклонение любых предложений Бухарина и Томского об отставке: «… нужно было сначала обязательно замарать, запачкать, дискредитировать, растоптать, и тогда речь пойдет уже не о том, чтобы удовлетворить просьбу об отставке, а о том, что-

[643] Там же. Л. 12.
[644] Там же. Л. 24.
[645] Там же. Л. 27.
[646] Там же.

бы "снять" "за саботаж"»[647]. Отметим, что Сталин, стремясь дискредитировать Бухарина любыми средствами, использовал даже обнаруженное в партийном архиве письмо Ленина А.Г. Шляпникову (март — апрель 1916 г.). Он процитировал фрагмент письма, в котором Ленин дал следующую характеристику Бухарину: «1) доверчив к сплетням, 2) дьявольски неустойчив в политике»[648]. В марте 1929 г. Шляпников в ответ на запрос Бухарина пояснил, что «данная характеристика Владимира Ильича была вызвана Вашим поведением при разборе дела о провокаторстве депутата Малиновского»[649] (с 1912 по 1917 гг. Ленин категорически отказывался принимать всерьез подозрения Бухарина в отношении депутата Государственной Думы от большевистской фракции Романа Малиновского, являвшегося в действительности агентом охранки[650]).

Вместо того, чтобы выполнить третье требование ультиматума, зачитав декларацию об отсутствии принципиальных разногласий в Политбюро, Бухарин сделал заявление, в котором рассказал об имевшихся между ним и Сталиным противоречиях. Центральным пунктом критики стал провозглашенный Сталиным на июльском пленуме 1928 г. «лозунг дани». Смысл «дани» Бухарин раскрыл как «военно-феодальная эксплуатация крестьянства… ничего общего не имеющая с социалистическим строительством»[651]. Бухарин, понимая, что в условиях внутрипартийной демократии сталинская «чрезвычайщина» была бы подвергнута значительной критике рядовых членов партии, заявил о недопустимости установившегося в партии бюрократического режима[652]. Однако Орджоникидзе не преминул сделать в адрес Бухарина саркастическое замечание:

---

[647] Как ломали нэп. Т. 4. С. 194.
[648] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 26 об.
[649] Там же. Д. 173. Л. 64.
[650] Коэн С. Указ. соч. С. 39.
[651] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 10.
[652] Там же. Л. 10 об.

«Бухарин. Кто раскроет рот по этим (хозяйственным — *Д.А.*) вопросам? Вот почему эти вопросы не ставятся, а держатся под спудом. Вот почему вся партия их обсуждает, но "про себя", по два, по три человека…

Орджоникидзе. Да, Бухарин, Зиновьев и Каменев»[653].

Следует отметить, что Сталин не был готов аргументированно отстаивать свою позицию в дискуссии по экономическим вопросам. Он избегал обсуждения проводимого им хозяйственного курса, переводя полемику в русло осуждения политических действий Бухарина. Рассуждая о своих разногласиях с «правыми», Сталин обратился к демагогии. Так, например, взглядам Бухарина он приписал откровенно абсурдный «тезис о полной свободе торговли»[654]. По этому поводу за Бухарина вступился Рыков: «В условиях национализации промышленности, национализации оптового торгового оборота и, фактически, национализации через кооперацию розничной торговли, свобода торговли — экономическая безграмотность. И никто не поверит, чтобы один из образованнейших людей нашей партии мог выставить такой тезис»[655]. Таким образом, трудно согласиться с утверждением А.В. Шубина о том, что Сталин был готов «развернуто спорить» с Бухариным по экономическим проблемам[656].

Решением Политбюро и Президиума ЦКК от 30 января 1929 г. была создана комиссия, которой предстояло в течение недели выработать проект резолюции[657]. Комиссия должна была руководствоваться тремя продиктованными Сталиным директивами: «первое, — осудить поведение тов. Бухарина в связи с переговорами с тов. Каменевым; второе — дать политическую оценку ошибок тов. Бухарина в связи с его "заявлением" от 30 января; третье — отклонить отставку т.т. Бухарина и Томского»[658].

---

[653] Там же. Л. 11.
[654] Там же. Л. 17 об.
[655] Там же. Л. 20.
[656] Шубин А.В. Указ. соч. С. 185.
[657] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 29 об.
[658] Там же. Л. 28.

6 февраля 1929 г., в первый и последний день работы комиссии, Бухарин отказался принять выдвинутые комиссией (фактически Сталиным) условия, которые полностью исходили из указанных выше директив[659]. Сталин предполагал такое развитие событий, поэтому заранее написал пространную резолюцию «по внутрипартийным делам»[660], которая представляла собой обвинительное заключение против «бухаринской группы». В ней говорилось о «фракционной работе» Бухарина и его «полной беспринципности». Поведение Рыкова и Томского признавалось «совершенно недопустимым»: им ставилось в вину то, что они «скрыли» от ЦК и ЦКК «факт известных им закулисных переговоров тов. Бухарина с тов. Каменевым»[661].

Бухарин, в свою очередь, посчитал нужным ко второму объединенному заседанию Политбюро и Президиума ЦКК написать ответ на сталинские обвинения. Рыков и Томский поддержали Бухарина[662]. На заседании, состоявшемся 9 февраля, оно было прочитано Рыковым. Совместное заявление «правых» от 9 февраля развивало положения предыдущего заявления Бухарина: вновь центральными пунктами критики являлись сталинский «лозунг дани» и бюрократизация политической жизни. Вместе с тем на этот раз Бухарин, оскорбленный сталинской резолюцией «по внутрипартийным делам», решился на более радикальный шаг и добавил в заявление отрывок из ленинского «Письма к съезду», в котором говорилось о «необъятной власти» Сталина, его грубости и необходимости убрать его с поста генсека ЦК[663]. Этот фрагмент заявления в определенной мере являлся своеобразным ответом на приведенные Сталиным строки из письма Ленина Шляпникову.

Неудивительно, что данное заявление было истолковано остальными участниками заседания как «повторение Троцкого»[664]. Разумеется, Сталин выступил в роли главного обвинителя: «Разве ваш сегодняшний документ,

---

[659] См.: Там же. Л. 34 — 34 об., 35.
[660] Авторство Сталина подтверждается репликой Орджоникидзе (Там же. Л. 37 об.)
[661] Там же. Л. 47.
[662] По признанию Рыкова, «главная часть документа» была написана Бухариным (Там же. Л. 37 об.).
[663] См.: Там же. Л. 38 — 38 об., 40—40 об.
[664] Там же. Л. 38, 40 об., 42.

подписанный т.т. Рыковым, Бухариным и Томским, не говорит о том, что вы представляли и представляете фракционную группу, объединенную своей особой платформой?»[665].

В общем, второе объединенное заседание Политбюро и Президиума ЦКК было ознаменовано грубыми препирательствами и неоднократными нарушениями «границ допустимого»:

Бухарин. «… В проекте резолюции вам предлагается одобрить то, что было сказано Сталиным о "дани". Я считаю, что ни одно партийное собрание этого принять не может.

Сталин. Фокусы. Банкрот!»[666].

Бухарин. «… Хотим ли мы драться — Томский, я, Рыков и проч., которых загнали в угол?

Молотов. Видим, видим.

Ворошилов. Ты в угол залез и из угла хватаешь за ляжки.

Бухарин. Если меня будут в углу ковырять каленым железом, конечно, я буду защищаться, пока меня не умертвят.

Само собой разумеется, что сейчас необходимо исходить из максимально дружной работы нашей верхушки.

Молотов. Ну, конечно.

Бухарин. Если, тов. Молотов, ты не хочешь меня слушать, я могу не говорить.

Молотов. Речь дружбы говоришь.

Бухарин. Ну, ладно, говори ты, если хочешь. Говорить в такой обстановке я не могу»[667].

Таким образом, усталость, накопившаяся в коллективном руководстве от многолетней внутрипартийной борьбы, позволила Сталину успешно использовать опубликованный троцкистами компромат на Бухарина, чтобы сплотить вокруг себя большинство членов Политбюро и ЦК, а также Прези-

---

[665] Там же. Л. 43 об.
[666] Там же. Л. 35 об.
[667] Там же. Л. 36.

диум ЦКК. В двух совместных заседаниях Политбюро и Президиума ЦКК в общей сложности приняли участие 9 членов и 3 кандидата в члены Политбюро, 19 членов и 9 кандидатов в члены Президиума ЦКК (т.е. почти полный состав Президиума ЦКК, включавшего 21 члена и 9 кандидатов[668]), 20 членов и 8 кандидатов в члены ЦК[669]. При этом «бухаринская группа» была практически полностью лишена поддержки членов «руководящего коллектива», присутствовавших на этих заседаниях. Достаточно отметить, что в поддержку прошений Бухарина и Томского об отставке с занимаемых ими постов высказался только Рыков[670], а против резолюции «по внутрипартийным делам» от 9 февраля 1929 г. было подано лишь четыре голоса, включая голоса Бухарина, Рыкова и Томского[671]. Не вызывает сомнений, что четвертый голос против резолюции принадлежал члену президиума ЦКК Ю.П. Фигатнеру, которого связывали служебные (Фигатнер входил в состав Президиума ВЦСПС) и дружеские[672] отношения с Томским. Из покаяния Фигатнера, адресованного президиуму ноябрьского пленума 1929 г., следует, что на апрельском пленуме 1929 г. он голосовал против резолюции пленума от 23 апреля 1929 г., осуждавшей «фракционную» деятельность «группы Бухарина»[673].

Благодаря этой поддержке Сталину удалось нанести сокрушительный удар по позициям Бухарина, Томского и Рыкова в коллективном руководстве, предопределив его разрушение. Недаром резолюция от 9 февраля 1929 г. трактовалась в заявлении «бухаринской группы» в качестве «новой партийной конституции», означавшей «фактическое уничтожение коллективного руководства в ЦК»[674].

---

[668] Устав ВКП(б), утвержденный ЦК ВКП(б) 17 июня 1926 г. // Всесоюзная коммунистическая партия (б) в резолюциях и решениях. С. 89.
[669] Подсчитано по: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 29 об., 46.
[670] Там же. Л. 19 об., 28.
[671] Там же. Л. 45 об.
[672] Как ломали нэп. Т. 4. С. 441.
[673] Как ломали нэп. Т. 5. С. 577.
[674] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 181. Л. 40 об.

Подготовка к апрельскому объединенному пленуму ЦК и ЦКК (16—23 апреля 1929 г.) и XVI партконференции (23—29 апреля 1929 г.) проходила в обстановке дискредитации «группы Бухарина». Газета «Правда» и другие официальные каналы информации об этом не писали, однако по всей стране проходили партсобрания, предназначенные для этой цели. Как следует из письма члена ЦКК Д.П. Розита, направленного в адрес председателя ЦКК и членов Политбюро, уже 1 февраля 1929 г. секретарь Краснопресненского РК Москвы Ф.Г. Леонов проводил собрание, на котором он разъяснял присутствовавшим (по оценке Розита, собрание посетило более 100 человек) суть обвинений, прозвучавших в адрес Бухарина на первом объединенном заседании Политбюро и Президиума ЦКК[675]. Леонов был чрезвычайно резок в своих высказываниях насчет Бухарина: «Бухарин не требует отставки, но своей отставкой он проводит ловкий маневр. Он хочет, чтобы его, Бухарина, ударили не палкой, а ремнем. Надо ударить палкой, чтобы помочь Бухарину не колебаться, а проводить решения»[676]. По всей видимости, подобные собрания в эти дни проходили и в других районах Москвы.

Работа в этом направлении усилилась после 9 февраля, когда началась редакционная подготовка стенографического отчета объединенных заседаний Политбюро и Президиума ЦКК. В стенографический отчет в качестве приложения были включены резолюции нескольких местных партийных организаций, одобрявшие осуждение Бухарина, Томского и Рыкова[677]. Эти резолюции играли роль своеобразного образца для других местных парткомов. К концу февраля редакционная работа над стенографическим отчетом была завершена, его экземпляры были разосланы по местным организациям[678].

Бухарин, понимавший обреченность своего положения, выступление на апрельском пленуме 1929 г. начал со слов: «Товарищи, прошу выслушать мою речь с возможно большим вниманием, ибо я полагаю, что в качестве

---

[675] Там же. Д. 172. Л. 95—95 об.
[676] Там же. Л. 95.
[677] См.: Там же. Д. 181. Л. 50 — 51 об.
[678] См. пометку на письме секретаря Уральского обкома И.Д. Кабакова Сталину от 27 февраля 1929 г. (Там же. Д. 172. Л. 264).

члена Политбюро произношу свою речь перед пленумом в последний раз»[679]. Его выступление неоднократно обрывалось выкриками с мест. В один из таких моментов Бухарин не выдержал и вступил в перепалку с Орджоникидзе:

«Бухарин. Подождите! Я говорю так, как я хочу! Я думаю, что председатель ЦКК обязан к максимальному спокойствию, даже несмотря на свой южный темперамент! (Смех)

Орджоникидзе. Я думаю, что генеральному секретарю Коминтерна можно задавать вопросы, хотя и политически обанкротившемуся»[680].

Вместе с тем Бухарин все еще надеялся повлиять на умонастроения представителей высшего эшелона власти с тем, чтобы смягчить разрушительные последствия проводимого Сталиным курса: «Я считаю, что, если будем взвешивать две эти вещи — ввоз хлеба или же продолжение чрезвычайных мер… нам выгоднее пойти на ввоз хлеба»[681]; «… кулак есть небольшое меньшинство населения, кучка… Он, конечно, чрезвычайных мер не любит. Но, к сожалению, не любит их и середняк. Этого вы не заметили, тов. Сталин! А вот в этом все дело и в этом вся суть!»[682].

В поддержку Бухарина, Рыкова и Томского на пленуме высказались Н.А. Угланов[683], а также Е.Ф. Куликов[684] и В.А. Котов[685], работавшие ранее в Московской парторганизации в команде Угланова. С примирительных позиций, против исключения Бухарина и Томского из Политбюро, выступила Н.К. Крупская[686]. М.И. Ульянова, пропустившая заседания пленума в виду болезни, 22 апреля обратилась к пленуму с письмом, выражавшим протест против создавшейся на пленуме обстановки: «Перед своей смертью Владимир Ильич… предупреждал партию, что… только коллегиальная работа может обеспечить правильное руководство и единство партии. Вывод из По-

[679] Как ломали нэп. Т. 4. С. 151.
[680] Там же. С. 164.
[681] Там же. С. 178.
[682] Там же. С. 186.
[683] Там же. С. 150.
[684] Там же. С. 227—229.
[685] Там же. С. 98.
[686] Там же. С. 429—430.

литбюро трех крупнейших работников партии — Рыкова, Бухарина, Томского — или дальнейшая "проработка" и дискредитация их, которая приведет к тому же несколько раньше или позднее, является угрозой этому коллективному руководству»[687]. Добавим, что письмо Ульяновой под формальным предлогом не было оглашено участникам пленума. Возвращая письмо, председательствовавший на пленуме Я.Э. Рудзутак сослался на отсутствие в проекте резолюции пленума пункта «об исключении этих товарищей из Политбюро»[688].

23 апреля 1929 г. на заключительном заседании пленума против одобрения резолюции, осуждавшей «фракционную» деятельность «группы Бухарина» было подано лишь 10 голосов[689]. Взгляды Бухарина, Рыкова и Томского впервые были официально обозначены как «несовместимые с генеральной линией партии и совпадающие в основном с позицией правого уклона». Бухарин и Томский были сняты с занимаемых постов (Коминтерн, «Правда» и ВЦСПС), причем им было вынесено предупреждение о том, что «в случае малейшей попытки с их стороны нарушить постановления ЦК и его органов они будут немедля выведены из состава Политбюро как разрушители партийной дисциплины»[690].

По всей видимости, Сталин не настаивал на немедленном исключении Бухарина из Политбюро, поскольку учитывал, что столь стремительная расправа над недавним «любимцем партии» могла вызвать недовольство и настороженность определенной части членов ЦК и партийных функционеров среднего звена (позиция Крупской и Ульяновой, которых нельзя причислить к тому или иному политическому лагерю, была в этом смысле симптоматичной). Характерно, что на XVI партконференции, указавшей на «важнейшие

[687] Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 126.
[688] Там же. С. 127.
[689] Как ломали нэп. Т. 4. С. 528.
[690] Там же. С. 538—539.

ошибки правых в крестьянском вопросе»[691], вопрос о «группе Бухарина» не поднимался.

Для осуществления задуманного Сталину потребовалась дополнительная серия «проработки» Бухарина и его союзников. Повод для новой волны дискредитации «правых» представился в связи с доносами Г. Платонова и В. Воробьева. Необходимо отметить, что для раннего этапа утверждения сталинской диктатуры было характерно использование Сталиным доносов в качестве средства борьбы с инакомыслием в высших органах власти. Данная тенденция отражала растущее влияние Сталина и способствовала постепенному изживанию традиций коллективного руководства.

12 июля 1929 г. Сталин разослал членам и кандидатам Политбюро, Президиума ЦКК и Секретариата ЦК ВЛКСМ письмо некоего комсомольца Г. Платонова, содержавшее рассказ о его беседе с Бухариным, состоявшейся на курорте в Теберде в начале июля. Если верить Платонову, то Бухарин в ходе этой беседы раскрыл незнакомому комсомольцу подробности своих разногласия со Сталиным, повторив основные критические положения своих выступлений, прозвучавших в ходе объединенных заседаний Политбюро и Президиума ЦКК и апрельского пленума 1929 г.[692] Действительно, можно было подумать, что эпизод с Каменевым Бухарина ничему не научил. Этот разговор выглядит еще более странным, учитывая, что к тому моменту Бухарину уже было вынесено предупреждение апрельского пленума о недопустимости подобных действий. Бухарин прекрасно понимал, что любой откровенный разговор за пределами Политбюро и ЦК был сопряжен с неоправданными политическими рисками.

Гораздо более правдоподобным представляется заявление Бухарина в адрес Политбюро и Президиума ЦКК, в котором он прояснил обстоятельства и содержание этого разговора. Платонов дважды безуспешно добивался разговора с Бухариным, однако оба раза получал отказ, поскольку «производил

---

[691] XVI конференция Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.—Л., 1929. С. 302—304.

[692] См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 173. Л. 173—182.

сугубо странное впечатление». Наконец, Платонов пришел к Бухарину и заявил, что должен поговорить с ним «во что бы то ни стало», и к тому же добавил, что «страдает тяжелыми нервными припадками». Бухарин посчитал нужным выслушать его и успокоить. Сначала Платонов рассказывал ему о беззакониях. творившихся на Кавказе, после чего стал возмущаться «некрасивыми методами борьбы» против Бухарина. При этом, по словам Бухарина, «обнаруживалось полное знакомство с содержанием красных тетрадок» (стенографических отчетов объединенных заседаний Политбюро и Президиума ЦКК и апрельского пленума 1929 г.). Бухарин не рассказывал Платонову своей программы и не доказывал ему гибельность сталинского курса, а лишь отвечал на наводящие вопросы Платонова, подтверждая некоторые сведения из стенографических отчетов, известных Платонову[693].

Относительно мотивов, побудивших Платонова написать ложный донос, Бухарин заявил следующее: «Картина, по-моему, совершенно ясна. Буржуазная семья, "духовное происхождение"[694] и т.д. мешают Платонову "выдвинуться". При маниакальной установке на "фанатика" он решил блеснуть при чистке[695] и перекрыть всякое "духовное происхождение", искренно, по всей вероятности, считая, что это можно сделать при помощи "сенсационного разоблачения"»[696]. Думается, не случайно уже в начале сентября Платонов был принят в партию ячейкой паровозных бригад депо Баку[697]. Стремление Платонова за счет разоблачения Бухарина сделать успешную карьеру партийного пропагандиста выдает его письмо Сталину от 6 сентября 1929 г.: «Я всегда готов лично с фактами из низов и речами хвостистов доказать ему (Бухарину — *Д.А.*), что он, действительно является рупором кулака, хвостистов и т.д. Это будут не слова, а факты. И, если только понадобится партии, я

---

[693] Там же. Л. 186.
[694] Отец Платонова служил миссионером (Там же).
[695] XVI партконференция в апреле 1929 г. санкционировала проведение «генеральной чистки партии», призванной к XVI съезду партии избавить партийные ряды от «мелкобуржуазных элементов» (XVI конференция Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 314—318).
[696] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 173. Л. 186—187.
[697] Там же. Д. 174. Л. 12.

это сделаю. Я даже прошу вас предоставить эту возможность»[698]. В конце письма Платонов просил Сталина посодействовать его переходу на партийную учебу в Москву[699].

Не исключено, что Платонов был кем-то (возможно, сотрудниками ОГПУ) подготовлен к разговору с Бухариным. Это объясняет, каким образом простому комсомольцу из Баку удалось настолько внимательно ознакомиться с текстами стенографических отчетов высших органов власти, являвшихся конспиративными документами. Как бы то ни было, показательным является сам факт рассылки Сталиным материала, основанного на весьма сомнительных показаниях.

Так называемое дело «Промакадемии» было основано на показаниях В. Воробьева, сделанных 19 сентября 1929 г. на заседании бюро ячейки Промышленной академии ВСНХ СССР. Согласно этим показаниям, Воробьев был в курсе основных политических разговоров «правых», часто встречался с Углановым, через которого знакомился с документами Политбюро и ЦК, неоднократно присутствовал на собраниях «бухаринской школы», проходивших в редакции «Правды», и даже контактировал с Бухариным, которого он представил в роли «высшего» руководителя фракции «правых». Себя Воробьев позиционировал в качестве «главного активиста» ячейки Промышленной академии, поддерживавшего связь с «высшим миром»[700].

Таким образом, лейтмотивом показаний Воробьева было конструирование образа сплоченной, хорошо организованной фракции «правых», в подчинении которой находилась сеть подпольных ячеек. Серьезные политические последствия имело следующее заявление Воробьева: «… если раньше у них не было такой групповой, фракционной сплоченности, то теперь, несомненно, образование групповой сплоченности налицо»[701]. На этом основании 1 октября 1929 г. бюро МК постановило: «Это заявление (заявление Воробь-

---

[698] Там же.
[699] Там же.
[700] См.: Дополнение 4 // Как ломали нэп. Т. 5. С. 598—619.
[701] Там же. С. 608.

ева — *Д.А.*) характеризует двурушничество правых уклонистов, заявляющих о своем подчинении решениям партии и в то же время до последнего времени, т.е. и после Апрельского пленума ЦК продолжающих свою антипартийную фракционную работу»[702].

Бухарин и Угланов, обвиненные в «антипартийной, фракционной деятельности», в своих заявлениях отметили абсурдность показаний Воробьева и возмутились постановлением бюро МК, принятым на основе этих показаний[703]. Приведем наиболее интересные выдержки из заявления Бухарина: «Воробьева я не знал, никогда в жизни не видал и о нем, а равно о его политической деятельности, не был наслышан; следовательно, ни прямого, ни косвенного отношения к нему не имел. Таким образом, утверждение Воробьева о том, что он, якобы, был "связан с высшим миром", "был главным активистом" и т.д. … есть ни что иное, как клевета, объединенная с вульгарноватой хлестаковщиной… Смысл всего документа (стенограммы заседания бюро ячейки Промакадемии от 19 сентября 1929 г.) яснее ясного вскрыт в поспешном постановлении бюро МК… в пункте о моей, якобы, фракционной деятельности после апрельского пленума. Особливое подчеркивание этого момента в резолюции связано с требованием соответствующих выводов. А в то же время Воробьев пишет (оговорка Бухарина, имевшего в виду фрагмент стенограммы —*Д.А.*), что он раскаялся в апреле, т.е. непосредственно после пленума. Из слов самого Воробьева следует, что после апрельского пленума он уже ничего не мог знать. А по резолюции Бюро МК выходит, что он и после раскаяния (!!) был "главным активистом", связанным с "высшим миром"… Таким образом, главнейший пункт обвинения Бюро МК стоит в вопиющем противоречии даже с показаниями самого Воробьева»[704].

На основе этих сомнительных, противоречивых показаний Воробьева Сталину удалось провести решение об исключении Бухарина из Политбюро. 7 октября 1929 г. Сталин писал Молотову: «Читал стенограмму ячейки

[702] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 174. Л. 50.
[703] См.: Там же. Л. 58—60.
[704] Там же. Л. 58.

пром[ышленной] академии. Придется поставить вопрос на Пленуме ЦК. Надо думать, что Бухарин вылетит из Политбюро»[705]. Постановлением ноябрьского пленума ЦК от 17 ноября 1929 г. Бухарин как «застрельщик и руководитель правых уклонистов» был исключен из Политбюро[706].

Поражение группы Рыкова—Бухарина привело к превращению Политбюро и ЦК в сталинскую фракцию. В начале 1930-х гг. власть Сталина постепенно приобретала очертания единоличной диктатуры. Этому периоду внутрипартийной борьбы посвящен следующий параграф.

[705] Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 168.
[706] Как ломали нэп. Т. 5. С. 543.

2.3. Начальный этап утверждения сталинской диктатуры и остатки коллективного руководства (начало 1930-х гг.)

Начало 1930-х гг. можно охарактеризовать как переходный период, обусловленный распадом системы коллективного руководства и постепенным утверждением сталинской диктатуры. Будучи безусловным лидером Политбюро, Сталин отказался от поста председателя СНК СССР в пользу Молотова[707], сосредоточившись на удержании и укреплении своей власти. Ведомственные интересы членов Политбюро, ведомственный лоббизм и межведомственные конфликты способствовали укреплению сталинской власти. В этих столкновениях Сталин являлся своеобразным арбитром, к которому апеллировали другие члены Политбюро, пытавшиеся заручиться его поддержкой[708].

О том, насколько важное значение это новое амплуа Сталина имело для функционирования Политбюро можно судить по письму Кагановича Сталину от 21 июля 1932 г.: «Прошу не ругать очень за то, что мы продлили вам отпуск. Нам самим, в особенности мне, тяжело без вас работать и разрешать вопросы, перед которыми зачастую становишься в тупик, я уже не говорю о вопросах, связанных со спорными хозяйственными (контрольные цифры III кв., распределение стройматериалов и т.д.). Один тянет себе, другой себе, приводят самые острые аргументы, иногда политически неверные, а пред наш (председатель СНК В.М. Молотов, который также председательствовал на заседаниях Политбюро — *Д.А.*), к сожалению, старается "ублаготворять", избегая споров, когда приедете, смогу подробнее рассказать»[709].

Вместе с тем, как убедительно показано в литературе, «с политической точки зрения ведомственность, опиравшаяся на позиции членов Политбюро

[707] Подробнее см.: Хлевнюк О.В. Хозяин. С. 72 — 82; Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 217, 222—223; Советское руководство. Переписка. С. 144—145;
[708] Подробнее см.: Хлевнюк О.В. Хозяин. С. 101—112.
[709] Сталин и Каганович. Переписка. С. 238—239.

— руководителей ведомств, оставалась последним препятствием на пути единоличной диктатуры»[710].

Результаты победы сталинской стратегии экономического развития незамедлительно отразились на ситуации в деревне: в первые месяцы 1930 г. в рамках операции по «ликвидации кулацких хозяйств» репрессивные мероприятия в деревне достигли своего апогея, вызвав масштабную волну ответного насилия[711]. Трагическая ситуация в деревне создавала почву для возникновения в ВКП(б) новых оппозиций.

Особенностью внутрипартийной борьбы начала 1930-х гг. было то, что инакомыслие в высшем эшелоне власти концентрировалось не в Политбюро, как это было в 1920-е гг., а на уровне ЦК. По всей видимости, в начале 1930-х гг. в сознании членов Политбюро уже достаточно прочно укоренилось чувство коллективной ответственности за проводимый Сталиным курс, однако члены ЦК оставались достаточно влиятельными политическими фигурами, поэтому некоторые из них втайне осуждали ультралевую политику Сталина.

Дело С.И. Сырцова и В.В. Ломинадзе, двух высокопоставленных партийных функционеров, которые ранее поддерживали Сталина в его борьбе с «правыми», представляет собой важный показатель реакции партийных чиновников на первые результаты форсированной коллективизации и индустриализации. Сырцов являлся кандидатом в члены Политбюро и председателем СНК РСФСР. Однако, по собственному признанию Сырцова, он «с руководящими товарищами не спаялся», Политбюро для него оставалось «замкнутым», «законспирированным» органом власти[712]. Иными словами, Сырцов был отстранен от реального участия в принятии решений в Политбюро, оставаясь функционером уровня ЦК, а не Политбюро. Ломинадзе был членом ЦК и занимал должность первого секретаря Закавказского крайкома ВКП(б). В качестве обвиняемых по данному делу была привлечена группа партийных

[710] Хлевнюк О.В. Хозяин. С. 452.
[711] См.: Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 10—11, 17—20, 126—130, 163—167, 788.
[712] Приложение 7 к стенограмме объединенного заседания Политбюро и Президиума ЦКК 4 ноября 1930 г. // Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 3. С. 293.

работников, сблизившихся с Сырцовым во время совместной работы Сибири[713] — И.С. Нусинов, В.А. Каврайский, А.И. Гальперин, А.Л. Курс, а также приятель Ломинадзе Л.А. Шацкин.

Обвинение Сырцова и Ломинадзе в создании «антипартийной» фракции строилось на показаниях Б.Г. Резникова[714], который, судя по многим признакам, являлся провокатором. Несмотря на высокую степень вероятности наличия сознательной провокации со стороны Резникова, можно утверждать, что обвинения в адрес Сырцова и Ломинадзе во многом соответствовали действительности. Показания оппозиционеров, ставшие доступными благодаря стенографическому отчету объединенных заседаний Политбюро и Президиума ЦКК от 4 ноября 1930 г., в основном подтверждают свидетельства Резникова[715]. По понятным причинам Сырцов и Ломинадзе оспаривали трактовку их действий как «направленных против партии и Сталина» и отрицали намерение сместить Сталина с должности генсека[716].

Тем не менее, объективно их действия были «антисталинскими». Участники группы Сырцова и Ломинадзе регулярно встречались, обсуждали текущие вопросы и осторожно вербовали новых сторонников. Они не исключали возможности прямого обращения к пленуму ЦК в случае обострения кризиса в стране. Критика экономического курса Сталина должна была неизбежно привести их к осознанию необходимости замены лидера партии. Иными словами, единовластию Сталина они противопоставляли восстановление коллективного руководства. При этом предложения Сырцова и Ломинадзе заметно отличались от бухаринской программы 1928—1929 гг., фактически они настаивали на продолжении левого курса, но в более умеренном виде, без авантюризма и эксцессов[717].

---

[713] Сырцов в 1926—1929 гг. занимал должность первого секретаря Сибирского крайкома ВКП(б).

[714] Ранее Резников работал с Сырцовым в Сибири, после переезда в Москву учился в Институте красной профессуры, был секретарем его партийной ячейки.

[715] См. Приложение 7 к стенограмме… // Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 3. С. 205—302.

[716] См. заявления Сырцова и Ломинадзе от 2 и 3 ноября 1932 г. (Там же. С. 294, 297).

[717] Подробнее об обстоятельствах дела Сырцова—Ломинадзе см.: Khlevniuk O. Stalin, Syrtsov, Lominadze: Preparation for the «Second Great Breakthrough» // The lost Politburo transcripts: From collective rule to Stalin's dictatorship / edited by Paul R. Gregory and Norman Naimark. New Haven; London, 2008. P. 78—96.

Характер объединенного заседания Политбюро и Президиума ЦКК 4 ноября 1930 г. в полной мере отражает вступительная речь Г.К. Орджоникидзе: «Колебания и путаность Ломинадзе, его донкихотство никого не могли удивить, но допустить, что Ломинадзе может одно говорить, а другое делать, что он может надувать партию, я этого совершенно себе не представлял. Представьте себе, для меня и сейчас произнести слово "двурушник" по адресу Ломинадзе и Сырцова тяжело. О Шацкине говорить не буду, он вообще способен на всякую пакость»[718].

Сырцов, который двумя днями ранее признал свою вину в заявлении, направленном в адрес Орджоникидзе[719], заявил о раскаянии: «Да, я запутался по очень многим вопросам, я это не отрицаю. Нет никакого сомнения, что такое мое отношение вытекало из известного преувеличения трудностей, из пристального внимания ко всем трудностям, и это, безусловно, надломило мое сознание, и из этого вырос целый ряд моих ошибок. Я ни в какой мере не хочу ссылаться здесь на вещи объективного порядка, ни в какой мере не хочу снимать с себя ответственность за свои ошибки и тем более не хочу перекладывать эту ответственность на кого бы то ни было… Я виновен, безусловно, в том отношении, что своими резкими отдельными замечаниями не только в официальных, но и в частных разговорах давал повод к групповщине, которая создавалась. Я, безусловно, давал волю нездоровым, неправильным элементам, которые были элементами фракционности и организации общественного мнения в сторону оценки руководства как неправильного»[720].

Вообще, как и следовало ожидать, заседание проходило в формате судебного процесса над участниками очередной «фракционной» группировки. Характерным является шутливое замечание, сделанное С.В. Косиором перед выступлением Ломинадзе:

«Председатель. Товарищ Ломинадзе, угодно вам слово?

Голоса. Только нельзя ли подойти ближе.

---

[718] Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 3. С. 119.
[719] Приложение 7 к стенограмме… // Там же. С. 290—294.
[720] Там же. С. 128—129.

Косиор. На лобное место (смех)»[721].

Ломинадзе пытался дезавуировать выдвинутые против него обвинения в «двурушничестве» и сочувствии «бухаринской теории». Признавая факты откровенных разговоров с Шацкиным и Сырцовым, свое «фрондерское отношение к ЦК», Ломинадзе вместе с тем отрицал трактовку своих действий как фракционных, направленных на создание блока с Сырцовым и его окружением[722].

Относительно выступлений Сырцова и Ломинадзе Косиор заявил: «После этих жалких и смешных речей совершенно очевидно наличие двух законспирированных фракционных групп, и факт, что они объединились на правой платформе»[723]. Кроме того, он утверждал, что указания Ломинадзе на ошибки экономической политики, допущенные руководством партии (Ломинадзе говорил об «эмпиризме руководства»), являются «самой сволочной оценкой того руководства, того ЦК, в котором Ломинадзе сам сидит»[724]. Крайней грубостью отличалась речь Молотова: «... нам приходится заниматься воистину жалкой политической группой. Жалкая она вместе с ее вождями — Сырцовым, Ломинадзе и Шацкиным, не говоря уже о том, что в этой группе оказались Нусинов, Курс, Каврайский, Гальперин и др., которым место не в большевистской, а в меньшевистской партии... Это какие-то полуменьшевистские элементы, это какие-то недоноски большевистской партии»[725].

Рассмотрение дела Сырцова—Ломинадзе предоставило сталинской группе очередной повод для дискредитации «правых уклонистов» — Бухарина, Рыкова и Томского, которых обвиняли в недостаточно активном проведении «генеральной линии» партии. Причем особенное внимание было обращено на Рыкова[726]: отчасти по причине его близких контактов с Сырцовым[727], отчасти это было связано с подготовкой к снятию Рыкова с поста

[721] Там же. С. 130.
[722] Там же. С. 131—138.
[723] Там же. С. 144.
[724] Там же. С. 146.
[725] Там же. С. 156.
[726] Там же. С. 163, 173, 186.
[727] Хлевнюк О.В. Хозяин. С. 58—59.

председателя СНК СССР. Реагируя на эти обвинения, Рыков доказывал безосновательность заявлений, связывающих его с деятельностью группы Сырцова—Ломинадзе: «Товарищи, я хотел говорить только по вопросам о группировке Сырцов—Ломинадзе, но т.к. предыдущие ораторы в эту группировку почти что включили и меня, то мне приходится говорить на две темы… Я заявляю, что это для меня было совершенно неожиданным, так как одной из существенных черт этой группировки, одной из главных тем, обсуждавшихся в их среде (а между собой они, я думаю, говорили не за страх, а за совесть), является отмежевание от правого уклона вообще и от меня, как бывшего участника его, в частности»[728].

По итогам разбирательства было принято решение об исключении Сырцова и Ломинадзе из состава ЦК, Шацкина — из состава ЦКК[729]. Вместе с тем следует отметить, что Сырцов, Ломинадзе и Шацкин тогда избежали более серьезного наказания — исключения из партии (несмотря на то, что это предложение было озвучено на объединенном заседании Политбюро и Президиума ЦКК[730]) и тюремного срока. Ранее нами уже было отмечено, что традиции коллективного руководства предполагали сравнительно снисходительное отношение к оппозиционерам, являвшимся заслуженными партийными деятелями.

Отдавая дань уважения традициям коллективного руководства, Сталин в конце заседания даже предложил не исключать Сырцова и Ломинадзе из ЦК окончательно, переведя их в кандидаты. Данное предложение было настолько неуместным, что при правке стенограммы этот фрагмент был вычеркнут[731]. Очевидно, что Сталин предложил такой «компромиссный» вариант в расчете на то, что его наверняка отвергнут. Тем не менее, важен сам факт того, что даже в 1930 г. Сталин по-прежнему считал необходимыми подобные демонстрации собственного «миролюбия».

---

[728] Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 3. С. 165, 167.
[729] Там же. С. 195.
[730] Там же. С. 192—193.
[731] Там же. С. 193.

Думается, что по этим соображениям Сталин в январе 1931 г. принял решение о «помиловании» М.Н. Рютина. В сентябре 1930 г. бывший коллега Рютина по работе в Краснопресненском райкоме А.С. Немов написал донос в ЦКК, в котором сообщил, что в Рютин в разговорах с ним подвергал резкой критике политику Сталина. В частности, по словам Немова, Рютин называл Сталина «фокусником и политическим интриганом, который приведет страну к гибели». На этом основании Рютин был исключен из партии. 13 ноября 1930 г. он был арестован ОГПУ и отправлен в Бутырскую тюрьму для допросов. Во время допросов Рютин отрицал обвинения во фракционной работе «правых», утверждая, что показания Немова носили «клеветнический» характер. В этой связи Менжинский обратился к Сталину за инструкциями. Сталин кратко ответил: «Нужно, по-моему, отпустить». В результате 17 января 1931 г. Рютин был выпущен из тюрьмы[732].

Заметим также, что «прощение» Рютина стало возможным во многом благодаря его заявлению от 11 декабря 1930 г., в котором он не только отрекся от своей солидарности с «правыми», но и продемонстрировал преданность Сталину и его политическому курсу: «В отношении руководства партией я считаю, что наш ЦК ВКП(б), избранный на XVI съезде партии, является Ленинским центральным комитетом, последовательно проводящим в жизнь принципы ленинизма и ленинские заветы. Тов. Сталин является лучшим учеником Ленина, по праву является вождем партии и Коминтерна и блестящим теоретиком партии… Я целиком присоединяюсь к тем решениям партийных организаций, которые категорически требуют от Рыкова, Томского и других ясно и прямо сказать с кем они, и если они не дадут ясного, четкого ответа … то ЦК должен в отношении их сделать необходимые оргвыводы… Наконец, вне зависимости от того буду ли я восстановлен в партии или нет, я гаранти-

[732] Clark W.A. The Ryutin Affair and the Terrorism Narrative of The Purges // Russian History. Vol. 42 (2015). P. 392—393.

руя ГПУ и заверяю его, что оно в дальнейшем сможет убедиться в моей преданности делу партии и пролетарской революции»[733].

В 1932 г. на фоне массового голода в СССР происходила активизация оппозиционных настроений. Попыткой организовать сплоченную оппозиционную группу являлась деятельность «Союза марксистов-ленинцев». Наиболее активными участниками этой группы являлись упомянутый выше М.Н. Рютин, старые большевики М.С. Иванов, П.А. Галкин, В.Н. Каюров и его сын А.В. Каюров. В марте 1932 г. Рютин при помощи Иванова и Каюровых подготовил проекты двух программных документов группы — «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» и обращение «Ко всем членам ВКП(б)»[734].

В документе «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» содержалась резкая критика Сталина как политического деятеля («беспринципный интриган», «софист», «полуменьшевик»), разоблачалась его «авантюристическая» экономическая политика, приведшая к тяжелому экономическому кризису, указывалось на проблемы Коминтерна и недостатки сложившегося внутрипартийного режима[735]. В конце документа содержался призыв к тайной (по словам Рютина, «нужна величайшая конспирация»[736]) подготовке насильственного свержения сталинской группы: «Но зайдя в безвыходный тупик и установив во всей стране в самых разнообразных формах господство террора, Сталин отрезал себе и всякие пути для отступления и эволюционного выхода из кризиса. Он возвел себя на пьедестал непогрешимого папы и не может признать не только преступности своей политики, но и малейшей своей ошибки. Диктатор не может ошибаться — ошибаются только его подчиненные. Устранение Сталина и его клики нормальными демократическими методами, гарантированными Уставом партии и Советской Конституцией, таким образом, совершенно исключено… При таком положении вещей у партии остается два выбора: или — или. Или дальше безропотно выносить изде-

[733] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 186. Л. 113—114, 118.
[734] Реабилитация. Политические процессы 30—50-х годов / Под общ. ред. А.Н. Яковлева. М., 1991. С. 92—93.
[735] Там же. С. 335—432.
[736] Там же. С. 439.

вательства над ленинизмом, террор и спокойно ожидать окончательной гибели пролетарской диктатуры, или силою устранить эту клику и спасти дело коммунизма»[737].

Первое организационное собрание «Союза марксистов-ленинцев» произошло в августе 1932 г. в Подмосковье. Вскоре участники группы приступили к распространению программных документов «Союза» среди членов партии путем личных контактов и рассылки почтой. С платформой организации успели ознакомиться несколько десятков человек, включая лидеров бывших оппозиций Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева, Н.А. Угланова, а также одного из представителей «бухаринской школы» А.Н. Слепкова[738].

Деятельность «Союза марксистов-ленинцев» была прекращена уже в сентябре 1932 г. 14 сентября члены ВКП(б) Н.К. Кузьмина и Н.А. Стороженко написали в ЦК заявление, в котором сообщили о распространении платформы «Союза». На следующий день органами ОГПУ начались аресты всех, кто имел какое-либо отношение к деятельности или материалам «союза». 2 октября 1932 г. пленум ЦК и Президиум ЦКК постановили: «… принять самые решительные меры для полной ликвидации деятельности белогвардейской контрреволюционной группы Рютина—Слепкова, их вдохновителей, их укрывателей»[739].

Зиновьев и Угланов, уличенные в связях с группой Рютина, пытались исправить положение. 4 октября 1932 г. Зиновьев писал Сталину: «Дорогой товарищ, я обращаюсь к Вам с большой просьбой: принять и выслушать меня по поводу предъявленных ко мне обвинений. Я невиновен. А если я невольно принес вред делу, то готов сделать все, чтобы это исправить. Очень, очень прошу меня выслушать. Я твердо надеюсь, что в этой просьбе Вы мне не откажете и буду ждать с нетерпением»[740]. Угланов в письме Сталину от 8 октября 1932 г. признал, что «совершил преступление против партии тем, что

---

[737] Там же. С. 433—434.
[738] Там же. С. 93.
[739] Там же. С. 95.
[740] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 188. Л. 51.

скрывал от партии авантюристические замыслы рютинской группы». При этом Угланов заверял, что у него не было «никаких злостных намерений» и просил Сталина помочь ему остаться в рядах партии[741]. Впрочем, Зиновьеву и Угланову не удалось избежать ни исключения из партии, ни привлечения к уголовной ответственности.

9 октября 1932 г. состоялось заседание Президиума ЦКК, посвященное рассмотрению дела о «контрреволюционной группе Рютина, Галкина, Иванова и других». Во время заседания обвинители не сдерживались в выражениях, используя против участников группы Рютина крайне грубые политические ярлыки. Так, Е.М. Ярославский во время допроса М.Е. Равича-Черкасского, обвиненного в сокрытии факта ознакомления с платформой группы Рютина, заявил: «Ведь это же перерожденцы, фашисты, которые прикрываются обманным флагом "марксистов-ленинцев" и ведут работу в нашей партии, а вы считали, что на это можно не реагировать и спустить в клозет»[742]. Постановлением Президиума ЦКК от 9 октября 1932 г. 24 человека были исключены из партии как «враги коммунизма и Советской власти». В соответствии с третьим пунктом постановления, который не был напечатан в «Правде», коллегия ОГПУ должна была применить в отношении «организаторов и участников» группы Рютина «соответствующие меры судебно-административного характера»[743].

11 октября 1932 г. коллегия ОГПУ приговорила участников группы Рютина к различным срокам тюрьмы и ссылки. Наиболее суровое наказание было применено в отношении Рютина, приговоренного к 10-летнему тюремному заключению. В общей сложности по обвинению в причастности к группе Рютина в 1932—1933 гг. были привлечены к партийной и уголовной ответственности 30 человек[744].

---

[741] Там же. Л. 83—84.
[742] Там же. Л. 92.
[743] Там же. Л. 110—112.
[744] Реабилитация. Политические процессы 30—50-х годов. С. 96.

В исследовании, проведенном в связи с горбачевской реабилитацией, отмечалось: «"Союз марксистов-ленинцев" ко времени пресечения его деятельности находился в стадии организационного оформления и выработки программных документов, никаких практических действий по осуществлению содержащихся в них установок, за исключением распространения "манифеста" и политической "платформы", его участники не совершили»[745]. Тем не менее, содержание платформы «Союза» было воспринято Сталиным и его соратниками как достаточное основание для применения радикальных мер. Как нам представляется, привлечение участников «Союза марксистов-ленинцев» к уголовной ответственности в несудебном порядке (в отличие от предыдущих процессов, когда наказание оппозиционеров ограничивалось применением партийных взысканий) следует считать ответной реакцией сталинской группы на решительность намерений Рютина и его сторонников, их стремление создать подпольную антисталинскую организацию.

В общем, как точно заметил И.А. Анфертьев, «ликвидация Союза марксистов-ленинцев осенью 1932 г. стала рубежной для Сталина в его стремлении упрочить единоличную власть в партии… впервые с таким размахом репрессии обрушились на целую группу заслуженных членов партии»[746]. Тем самым окончательно нивелировалось различие между оппозиционерами и контрреволюционерами.

Следует отметить, что уже в конце 1932 г. некоторые местные партийные комитеты и сотрудники СПО ОГПУ, получив сигналы «сверху», сосредоточили внимание на выявлении «филиалов» «Союза марксистов-ленинцев». Так, в ноябре 1932 г. в Средневолжском крае состоялось разбирательство по делу о «контрреволюционной четверке» (В. Сусенков, А. Арзамасцев, Я. Горшак, В. Паньшинский)[747]. Связь с делом о группе Рютина была установлена в деле о дальневосточной группе Ф.В. Мирохина и деле Е.И. Куприна — студента Историко-архивного института им. М.Н. Покровского,

[745] Там же. С. 96—97.
[746] Анфертьев И.А. Указ. соч. С. 217—218.
[747] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 188. Л. 141.

признавшегося в откровенных разговорах с Рютиным и некоторыми другими членами ВКП(б)[748].

Численность лиц, осужденных по обвинению в причастности к тому или иному «филиалу», на данный момент неизвестна, поскольку сведения об этих процессах не подлежали опубликованию. По всей видимости, на этом настаивал Сталин, не желавший в тот момент предавать огласке информацию об активизации оппозиционных настроений в ВКП(б). Из архивных материалов следует, что в начале декабря 1932 г. Сталин отклонил предложение Молотова об опубликовании телеграммы Средневолжского крайкома с кратким отчетом по упомянутому выше делу о «контрреволюционной четверке»: «Т. Молотов! Я думаю, что опубликовать не следует. Но я за то, чтобы всех исключенных (из партии — *Д.А.*) выслать, скажем в Туруханск»[749]. Таким образом, появление «Союза марксистов-ленинцев» и его «филиалов» свидетельствует о том, что в начале 1930-х гг., несмотря на ужесточение внутрипартийного режима, оппозиционные настроения в ВКП(б) постепенно нарастали.

Средством подавления остатков инакомыслия в высшем эшелоне партии и старой партийной гвардии послужило разбирательство дела Смирнова—Эйсмонта—Толмачева. Подобно другим политическим процессам начала 1930-х гг., поводом к данному разбирательству послужил донос. Согласно показаниям старого большевика Н.В. Никольского, 7 ноября 1932 г. в квартире его давнего знакомого, члена коллегии Наркомснаба СССР Н.Б. Эйсмонта состоялся вечер по случаю очередной годовщины Октябрьской революции. По словам Никольского, Эйсмонт в беседе с ним дал политике Сталина в «высшей степени пессимистическую оценку», рассказывал о недовольстве многих членов ЦК, критическом настрое члена ЦК А.П. Смирнова и старого большевика В.Н. Томачева[750], упоминал о своих контактах с Рыковым. Никольский также утверждал, что конце разговора Эйсмонт предложил

[748] См.: Там же. Л. 156—239.
[749] Там же. Л. 141.
[750] В 1931—1932 гг. В.Н. Толмачев занимал должность начальника Главдортранса при СНК РСФСР.

ему вступить в некую группу: «Теперь момент такой, что каждый должен политически самоопределяться — или Сталин, или крестьянские восстания»[751].

Показания Эйсмонта, данные на допросах в СПО ОГПУ 24 и 26 ноября 1932 г., частично подтверждают правдивость заявлений Никольского. Смирнов, Эйсмонт и Толмачев действительно встречались и критиковали ошибки Сталина, признавали необходимость его смещения с поста генсека. При этом он добавил, что, по его информации, ряд членов ЦК (в том числе Томский и кандидат в члены ЦК, бывший заместитель Рыкова в СНК В.В. Шмидт) «имеют сомнения по ряду решений ЦК ВКП(б), но не голосуют против или из соображений единства, или считают бесполезным, имея в виду, что за Сталиным все равно будет большинство». Вместе с тем Эйсмонт отрицал наличие оппозиционной организации: «Ни с кем регулярно и часто не встречаюсь, политические разговоры носят случайных характер обсуждения текущих вопросов». Судя по всему, группа Смирнова, Эйсмонта и Толмачева была далека от стадии организационного оформления. Кроме того, в ходе допросов не было получено достаточных оснований, чтобы утверждать об их тесной связи с Рыковым и Томским[752].

Тем не менее, 27 ноября 1932 г. состоялось объединенное заседание Политбюро и Президиума ЦКК, посвященное рассмотрению вопроса «О группе Смирнова А.П., Эйсмонта и др.». Несмотря на указанные выше обстоятельства, Я.Э. Рудзутак, делавший вступительный доклад, объявил о том, что приглашенные на заседание Томский, Рыков и Шмидт также рассматриваются в качестве обвиняемых[753].

Ч. Винн справедливо заметил, что фактором, значительно обострявшим обсуждение дела Смирнова—Эйсмонта—Толмачевым, было недавнее разоблачение группы Рютина. Есть основания считать, что Сталин и другие члены высшего руководства партии действительно испытывали сильную тревогу по

---

[751] Приложение 2 к стенограмме объединенного заседания Политбюро и Президиума ЦКК 27 ноября 1932 г. // Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 3. С. 644.
[752] Там же. С. 645—647.
[753] Там же. С. 551.

поводу возникновения «контрреволюционных террористических групп». Содержание платформы Рютина значительно усилило эти опасения[754]. В этой связи любое проявление инакомыслия проходило сквозь призму крайне обостренного восприятия Сталина и его соратников, ощущавших угрозу своей безопасности.

С этой угрозой непосредственно ассоциировались бывшие лидеры «правого уклона», хотя они и были многократно осуждены в официальных резолюциях партии. Взгляды, которые они отстаивали в 1928—1929 гг., были реабилитированы самим ходом истории — трагическими последствиями сталинской «революции сверху». Со временем платформа «правых» могла стать своего рода знаменем, объединяющим оппозиционно настроенную партийную общественность. Тем более многие представители старой партийной гвардии по-прежнему считали Бухарина, Рыкова и Томского заслуженными партийными деятелями, способными оказывать влияние на умонастроения партийной массы. Довольно откровенно на этот счет высказался Томский: «Меня знают очень многие на протяжении десятков лет моей партийной и иной общественной политической работы. Вы знаете все последние политические события, знаете, что я был партией осужден. Меня многие считают обиженным и т.д. Достаточно заметная фигура, чтобы та или иная оппозиционная группировка проявляла к ней интерес»[755].

Принимая это обстоятельство во внимание, Сталин и его соратники посчитали группу Смирнова, Эйсмонта и Толмачева «реинкарнацией» «правого уклона» конца 1920-х гг.[756] Упоминание Томского и Рыкова во время допросов в ОГПУ послужило формальным основанием для привлечения их к ответственности. На объединенном заседании Политбюро и Президиума ЦКК 27 ноября 1932 г. Томский и Рыков стали объектом яростной атаки. Их назы-

---

[754] Wynn C. The Right Opposition and the Smirnov—Eismont—Tolmachev Affair // The lost Politburo transcripts: From collective rule to Stalin's dictatorship / edited by Paul R. Gregory and Norman Naimark. New Haven; London, 2008. P. 102—103.

[755] Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 3. С. 559.

[756] Wynn C. The Right Opposition and the Smirnov—Eismont—Tolmachev Affair. P. 97.

вали «вдохновителями» оппозиционных настроений, требуя от них признания ошибок и активной борьбы за «генеральную линию партии»[757].

Вопрос о группе Смирнова—Эйсмонта—Ломинадзе был включен в повестку дня январского объединенного пленума ЦК и ЦКК 1933 г. (7—12 января 1933 г.). Наказание Смирнова ограничивалось выведением его из состава ЦК. Вместе с тем пленум одобрил решение Президиума ЦКК об исключении Эйсмонта и Толмачева из партии «как разложившихся и переродившихся антисоветских людей»[758] (коллегией ОГПУ они были приговорены к трем годам заключения). Думается, столь суровое наказание в отношении этих двух представителей старой партийной гвардии отражало изменения в политическом сознании высшего эшелона партии. Томский, Рыков и Шмидт сохранили свои места в ЦК, однако пленум указал, что они «поощряли» группу Смирнова—Эйсмонта—Ломинадзе в их «антипартийной работе». Им было вынесено предупреждение о том, что «при продолжении их нынешнего поведения к ним будут применены суровые меры партийных взысканий»[759].

Таким образом, дела «Союза марксистов-ленинцев» и Смирнова—Эйсмонта—Толмачева нанесли значительный удар по традициям коллективного руководства и являлись важнейшими вехами в процессе его разрушения.

[757] Стенограммы заседаний Политбюро. Т. 3. С. 581—582, 592, 605—606, 611—612, 620, 637—638.
[758] КПСС в резолюциях. Т. 6. С. 32.
[759] Там же. С. 33.

***

В конце 1920-х гг. в высшем партийном руководстве столкнулись две стратегии экономического развития. Сталинской стратегии, основанной на откровенно волюнтаристских, безответственных установках, противостоял бухаринско-рыковский вариант развития, предполагавший более умеренные методы экономического регулирования, без авантюризма и эксцессов. Вместе с тем сохранялась возможность выработки компромиссного, относительно сбалансированного экономического курса.

Исход противостояния Сталина и группы Рыкова—Бухарина в 1928—1929 гг. не был заранее предопределен. Баланс сил, сложившийся в высшем эшелоне большевистской партии в 1928 г., обусловил значительное влияние традиций и механизмов коллективного руководства на внутрипартийную борьбу. Они препятствовали обострению внутрипартийной борьбы и перенесению дискуссии в публичную сферу. С одной стороны, этот фактор не позволял «правым» апеллировать к общественному мнению и тем самым лишал их важного преимущества. В условиях скрытого противостояния Сталин в полной мере реализовал потенциал имевшейся в его распоряжении аппаратной власти. С другой стороны, группе Рыкова—Бухарина, опиравшейся на механизмы коллективного руководства, удавалось долгое время ограничивать развитие сталинского курса на радикализацию экономической политики. Более того, благодаря действию этих механизмов Бухарин и Томский в конце 1928 — начале 1929 гг. использовали «метод отставок» в качестве эффективного инструмента политического давления. Преобладавшие в «руководящем коллективе» партии настроения «единства», а также опасения значительной части членов Политбюро и ЦК по поводу возможных социальных последствий продолжения курса на насилие в деревне вынуждали Сталина идти «правым» на уступки и соглашаться на компромиссные решения.

По существу, поражение группы Рыкова—Бухарина и разрушение коллективного руководства стало очевидным только в конце января 1929 г. и были вызвано грубой политической ошибкой Бухарина и отчасти стечением

обстоятельств. Объединенные заседания Политбюро и Президиума ЦКК, состоявшиеся 30 января и 9 февраля 1929 г., изначально задумывались в качестве высшего партийного суда над «правыми». Содержание полемики, происходившей на этих заседаниях, свидетельствует о том, что изданная троцкистами запись о тайном разговоре Бухарина с Каменевым стала триггером, создавшим в коллективном руководстве впечатление о «бухаринской группе» как о потенциальном организаторе очередной оппозиционной фракции — внутренней силе, являющейся источником угрозы раскола в партии. Усталость, накопившаяся в коллективном руководстве от многолетней внутрипартийной борьбы, позволила Сталину успешно использовать опубликованный троцкистами компромат на Бухарина, чтобы сплотить вокруг себя большинство членов Политбюро и ЦК, а также Президиум ЦКК. Благодаря этой поддержке Сталину удалось нанести сокрушительный удар по позициям Бухарина, Томского и Рыкова в коллективном руководстве, предопределив его разрушение.

Поражение группы Рыкова—Бухарина привело к превращению Политбюро и ЦК в сталинскую фракцию. В начале 1930-х гг. инакомыслие в высшем эшелоне власти концентрировалось не в Политбюро, как это было в 1920-е гг., а на уровне ЦК. В отличие от конфликтов в Политбюро, происходивших в 1920-е гг., внутрипартийная борьба в начале 1930-х гг. имела совершенно иную природу возникновения. Она была обусловлена отнюдь не политическими амбициями членов Политбюро, как это было ранее. К началу 1930-х гг. в высшем эшелоне партийной власти не осталось деятелей, способных составить Сталину конкуренцию в борьбе за власть. Возникновение в начале 1930-х гг. групп антисталинской направленности было реакцией на социально-экономические последствия ультралевой политики Сталина.

Для раннего этапа утверждения сталинской диктатуры было характерно использование Сталиным доносов в качестве средства борьбы с инакомыслием в высшем эшелоне партии и старой партийной гвардии. Данная тенденция отражала растущее влияние Сталина и способствовала постепен-

ному изживанию традиций коллективного руководства. К концу 1932 г. в политическом сознании Сталина и его окружения закрепилось представление о том, что любое проявление инакомыслия таило угрозу их безопасности. Грань между инакомыслящими и контрреволюционерами оказалась стертой. Эти изменения открывали перспективу для окончательного утверждения сталинской диктатуры, которое произойдет позднее, вследствие проведения чисток 1937—1938 гг.

Заключение

Исследование внутрипартийной борьбы 1920-х — начала 1930-х гг. как комплексной проблемы, учитывающей как объективные условия политического процесса, так и неформальные, субъективные факторы является необходимым условием более глубокого понимания этого важнейшего феномена отечественной истории. Как показано в диссертационном исследовании, актуальной задачей, особенно с учетом наличия новых комплексов архивных документов, является изучение традиций и механизмов большевистского коллективного руководства, в рамках которого разворачивалась внутрипартийная борьба.

Коллективное руководство представляло собой олигархическую систему власти, основанную на взаимодействии равнозначных вождей большевистской партии, являвшихся членами Политбюро. Члены ЦК и ЦКК, которые составляли второй эшелон коллективного руководства, в 1920-е гг. играли значительную, нередко решающую, роль в функционировании этой системы власти, участвуя в принятии важнейших решений, определявших как вектор социально-экономического и политического развития страны, так и результаты борьбы за власть.

Модель коллективной власти являлась логическим продолжением традиций, сложившихся при Ленине. После Ленина коллективное руководство воспринималось в партийной среде в качестве оптимального пути политического развития в условиях отсутствия безусловного лидера партии. В коллективном руководстве преобладали настроения «единства», большинство функционеров большевистской партии считало внутрипартийную борьбу опасным явлением, представлявшим угрозу подрыва диктатуры большевистской партии и стабильности в высшем эшелоне власти. Как показывает наше исследование, демократическая риторика оппозиции противоречила устоям коллективного руководства, поэтому борьба за внутрипартийную демократию в рамках большевистской диктатуры была обречена на поражение.

Для более глубокого понимания особенностей внутрипартийной борьбы следует учитывать, что традиционным для коллективного руководства было сравнительно снисходительное отношение к оппозиционерам и инакомыслящим из числа заслуженных деятелей партии. К этой категории относились в первую очередь члены Политбюро и ЦК, а также представители старой партийной гвардии.

Проведенный анализ механизмов функционирования высшей партийной власти позволяет утверждать, что должность генерального секретаря ЦК, несомненно, давала Сталину важные преимущества в борьбе за власть, однако этот фактор не был определяющим в победе Сталина во внутрипартийной борьбе и разрушении коллективного руководства. Исследование различий в программных позициях большевистского руководства показывает, что в 1920-е гг. они не являлись непримиримыми и оставляли возможность для поиска компромиссных решений. Судьба коллективного руководства зависела во многом от субъективного фактора — способности большевистских вождей придерживаться негласной «конституции» коллективного руководства: отстаивать свои позиции в борьбе за власть, не перенося противоречия в фазу открытого противостояния.

Новые архивные документы, ставшие доступными в последние годы, позволяют более подробно исследовать, помимо формальных, малоизвестные неформальные институты коллективного руководства, в частности деятельность так называемой «семерки». Создание и функционирование фракционной «семерки» следует считать проявлением гибкости модели коллективного руководства, поиском оптимального формата взаимоотношений внутри Политбюро. Принцип конфиденциальности, положенный в основу деятельности этого теневого органа власти, создавал условия для консолидации большинства членов Политбюро и преодоления внутренних конфликтов между ними. Примечательно, что защитные механизмы «семерки» более года (с момента возникновения «семерки» в августе 1924 г. до конца 1925 г.) сдерживали обострение конфликтов в Политбюро. Опыт деятельности фракционной «се-

мерки» способствовал утверждению практики проведения закрытых, неофициальных заседаний Политбюро. В частности, в ходе таких заседаний накануне июльского пленума 1928 г. Сталин и «правые» члены Политбюро достигли важного компромисса.

В качестве своеобразного атрибута коллективного руководства выступало стенографирование заседаний высших органов партии — Политбюро и пленумов ЦК. В диссертации эта процедура рассматривается как важный метод поддержания коллективного руководства. Стенограммы Политбюро и пленумов ЦК выполняли функцию «защитного клапана», который канализировал взаимную дискредитацию сторон, препятствуя переходу внутрипартийной борьбы в стадию прямых публичных столкновений. Вместе с тем по мере обострения внутрипартийной борьбы стенографирование заседаний руководящих органов партии и последующая рассылка стенограмм партийному активу все чаще служили в руках фракции большинства средством расправы над оппонентами. Эта практика, подробно рассмотренная в диссертации, является хорошим примером ослабления институтов коллективного руководства в условиях резкого обострения внутрипартийной борьбы и возможности превращения этих институтов в орудие нарушения баланса сил и борьбы за преобладания одной группы, а затем и одного лидера.

На разных этапах внутрипартийной борьбы Троцкий, Зиновьев и Бухарин допускали ошибки, непростительные с точки зрения основополагающих принципов коллективной модели власти. Своими непродуманными действиями они настраивали против себя большинство членов «руководящего коллектива», создавали впечатление о себе как об угрозе «единству» партии. На их фоне Сталин представал в образе спокойного, уравновешенного лидера, способного предотвратить раскол в партийных рядах, обеспечить мир в большевистской партии и незыблемость ее диктатуры. По этой причине в решающие моменты внутрипартийной борьбы Сталину удавалось заручиться необходимой поддержкой в высшем эшелоне власти.

Важную роль в процессе консолидации «руководящего коллектива» вокруг Сталина сыграли встречи Бухарина с Каменевым, которые создавали видимость готовности Бухарина пойти на соглашение с оппозиционерами. Для Сталина не составляло особого труда с максимальной политической выгодой воспользоваться этой ошибкой и придать ее широкой гласности. Для изучения этого важнейшего эпизода внутрипартийной борьбы в диссертации использованы ранее неизвестные стенограммы заседаний Политбюро в начале 1929 г. Их анализ позволяет утверждать, что политические обвинения в нелояльности Бухарина к коллективному руководству сыграли в укреплении позиций Сталина и разгроме «правых», по крайней мере, не меньшую роль, чем разногласия по поводу социально-экономического курса и методов хлебозаготовок. В связи с этим грубую политическую ошибку Бухарина можно трактовать как важнейший, но случайный фактор, влиявший на исход противостояния в Политбюро и обеспечивший консолидацию большинства вокруг Сталина.

Поражение рыковско-бухаринской группы в 1929 г. привело к превращению Политбюро и ЦК в сталинскую фракцию, положив начало утверждению сталинской диктатуры. Вместе с тем, как показано в диссертации, в начале 1930-х годов наблюдалось сохранение элементов традиционного коллективного руководства и важной роли членов Политбюро как политических деятелей и руководителей отдельных влиятельных советских ведомств. Их позиции подкреплялись также наличием своеобразных патрон-клиентских сетей в составе ЦК ВКП(б), ориентировавшихся на различных членов высшего руководства. Именно из среды ЦК в начале 1930-х годов исходило недовольство как радикализацией политического курса Сталина, так и постепенным разрушением традиций, институтов и процедур коллективного руководства. Таким образом, движущей силой внутрипартийной борьбы в начале 1930-х гг. была реакция некоторых членов ЦК и представителей старой партийной гвардии на первые результаты сталинской «революции сверху». Такие выступления, среди которых выделялась попытка консолидации группы

Сырцова-Ломинадзе, были одним из свидетельств остаточного влияние традиций коллективного руководства. Вместе с тем, запущенный в 1920-е годы механизм подавления внутрипартийного инакомыслия и усиления преобладания единого лидера приобрел в начале 1930-х годов дополнительные основания. В условиях экономического и социального кризиса начала 1930-х гг. угроза гражданской войны и столкновения партии с широкими слоями населения, в частности с коллективизируемым крестьянством, рассматривалась как более серьезная, чем угроза традициям коллективного руководства в партии.

Эти тенденции и настроения вновь, как и в 1920-е годы, нашли свое отражение в процедурах работы высших органов власти. Разрушение коллективного руководства сопровождалось утверждением нового формата заседаний Политбюро. Содержание стенограмм совместных заседаний Политбюро и Президиума ЦКК и пленумов ЦК начала 1930-х гг. показывает, что эти заседания использовались для проведения высшего партийного суда над членами ЦК, уличенными в оппозиционной деятельности или инакомыслии. В результате к концу 1932 г. фактически стертой оказалась грань между инакомыслящими и контрреволюционерами. Тем самым был заложен фундамент для окончательного утверждения сталинской диктатуры в конце 1930-х гг.

Подводя итоги, следует отметить, что результаты нашего исследования подтверждают гипотезу, сформулированную во вводной части диссертации, а именно: сохранение в 1920-е гг. коллективного руководства большевистской партии являлось реальной возможностью. В основе поражения этого варианта политического развития лежали как некоторые объективные факторы социально-экономического и политического развития страны, так и комплекс субъективных причин — череда грубых ошибок политических конкурентов Сталина, выводивших их за рамки «легальности», установленные в коллективном руководстве.

Перспективы дальнейшей разработки данной проблематики видятся в изучении влияния на внутрипартийную борьбу клиентелистских практик и комплексном исследовании участия ОГПУ в перипетиях внутрипартийной борьбы.

Список использованных источников и литературы

I. Архивные материалы

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 171 (тематическая папка архивного фонда Политбюро ЦК КПСС: «Деятельность оппозиционных групп 1920 — 1960-х гг.»).

2. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71 (коллекция документальных материалов оппозиции).

3. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2 (пленумы ЦК РКП(б) — ВКП(б) VII—XVIII созывов).

4. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3, 162, 163 (протоколы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) VII—XVIII созывов).

5. Документы из личных фондов, хранящихся в РГАСПИ:

1) Ф. 558 (И.В. Сталин);

2) Ф. 325 (Л.Д. Троцкий);

3) Ф. 324 (Г.Е. Зиновьев);

4) Ф. 323 (Л.Б. Каменев);

5) Ф. 329 (Н.И. Бухарин);

6) Ф. 85 (Г.К. Орджоникидзе).

II. Опубликованные источники

2.1. Документальные сборники и публикации документов:

1. Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923—1927: в 4 т. / Ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. — М.: «Терра», 1990. — Т. 1. — 256 с.; Т. 2. — 253 с.; Т. 3. — 256 с.; Т. 4.— 280 с.
2. В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891—1922 гг. — М.: РОССПЭН, 2000. — 607 с.
3. Всесоюзная коммунистическая партия (б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1935). Изд. 5-е. Ч. II. 1925—1935. — М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. — 694 с.

4. Двенадцатый съезд РКП(б). 17—25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. — М.: Политиздат, 1968. — 903 с.
5. Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928—1929 гг.: в 5 т. — М.: МФД, 2000. — Т. 1. Объединенный пленум ЦК ВКП(б) 6—11 апреля 1928 г. / Отв. ред. В.П. Данилов, О.В. Хлевнюк. — 495 с.; Т. 2. Пленум ЦК ВКП(б) 4—12 июля 1928 г. / Отв. ред. В.П. Данилов, О.В. Хлевнюк, А.Ю. Ватлин. — 719 с.; Т. 3. Пленум ЦК ВКП(б) 16—24 ноября 1928 г. / Отв. ред. В.П. Данилов, О.В. Хлевнюк. — 663 с.; Т. 4. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 16—23 апреля 1929 г. / Отв. ред. В.П. Данилов, А.Ю. Ватлин, О.В. Хлевнюк. — 767 с.; Т. 5. Пленум ЦК ВКП(б) 10—17 ноября 1929 г. / Отв. ред. В.П. Данилов, О.В. Хлевнюк. — 703 с.
6. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1988): в 15 т. 9-е изд., доп. и испр. Т. 2. 1917—1922. — М.: Политиздат, 1983. — 606 с.; Т. 3. 1922—1925. — М.: Политиздат, 1984. — 494 с.; Т. 4. 1926—1929. — М.: Политиздат, 1984. — 575 с.; Т. 6. 1933—1937. — М.: Политиздат, 1985. — 431 с.
7. Л.Д. Троцкий. Архив в 9 томах: Том 1 / Ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://lib.ru/TROCKIJ/Arhiv_Trotskogo__t1.txt
8. Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн: 1919—1943 гг. Документы. — М.: РОССПЭН, 2004. — 960 с.
9. Политический архив XX века. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 2. С. 3—26.
10. РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы. 1923 г. / Отв. сост. В.П. Вилкова. — М.: РОССПЭН, 2004. — 464 с.
11. Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). 1923—1938 гг.: в 3 т. — М.: РОССПЭН, 2007. — Т. 1. 1923—1926 гг. / Под

ред. А.Ю. Ватлина, П. Грегори, Е.Е. Кирилловой, Л.Н. Малашенко, А.С. Соколова. — 960 с.; Т. 2. 1926—1927 гг. / Под ред. М.С. Астаховой, А.Ю. Ватлина, Г.В. Горской. — 672 с.; Т. 3. 1928—1938 гг. / Под ред. Л.П. Кошелевой, Л.А. Роговой, О.В. Хлевнюка. — 816 с.

12. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. Т. 1. Май 1927 — ноябрь 1929 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. — М.: РОССПЭН, 1999. — 880 с.; Т. 2. Ноябрь 1929 — декабрь 1930 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. — М.: РОССПЭН, 2000. — 927 с.
13. Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года. Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1963. — 883 с.
14. Четырнадцатая конференция РКП(б). Стенографический отчет. М.—Л.: Госиздат, 1925. — 335 с.
15. Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. Кн. 1. / отв. ред. С.А. Красильников. — М.: РОССПЭН, 2011. — 975 с.
16. X съезд РКП(б). 8 марта — 16 марта 1921 г. — М.: Партиздат, 1933. — 954 с.
17. XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. — М.—Л: Госиздат, 1926. — 1029 с.
18. XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. — М.—Л.: Госиздат, 1928. — 1416 с.
19. XVI конференция Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. — М.—Л.: Госиздат, 1929. — 336 с.

2.3. Переписка:

1. Большевистское руководство. Переписка. 1912—1927 / Сост. А.В. Квашонкин, О.В. Хлевнюк, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. — М.: РОССПЭН, 1996. — 423 с.
2. Советское руководство. Переписка. 1928—1941 гг. / Сост. А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, О.В. Хлевнюк. — М.: РОССПЭН, 1999. — 519 с.

3. Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925—1936 гг. / Сост. Л.П. Кошелева, В.С. Лельчук, В.П. Наумов, О.В. Наумов, О.В. Хлевнюк. — М.: Россия молодая, 1995. — 303 с.
4. Сталин и Каганович. Переписка. 1931—1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис, Л.П. Кошелева, Э.А. Рис, Л.А. Роговая. — М.: РОССПЭН, 2001. — 798 с.

2.4. Мемуарная литература:

1. Абрамович И.Л. Воспоминания и взгляды. Кн. 1. Воспоминания. — М.: Крук-Престиж, 2004. — 285 с.
2. Авторханов А. Технология власти. — М.: СП «Слово» — Центр «Новый мир», 1991. — 638 с.
3. Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. — СПб.: Всемирное слово, 1992. — 312 с.
4. Валентинов Н.В. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. — М.: Современник, 1991. — 367 с.
5. Каганович Л.М. Памятные записки. — М.: ВАГРИУС, 1996. — 570 с.
6. Ларина (Бухарина) А.М. Незабываемое. — М.: Изд-во АПН, 1989. — 368 с.
7. Микоян А.И. Так было. Размышления о минувшем. — М.: ВАГРИУС, 1999. — 636 с.
8. Павлов И.М. 1920-е: революция и бюрократия. Записки оппозиционера. — СПб.: Петербург — XXI век, 2001. — 128 с.
9. Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. — М.: Праксис, 2001. — 686 с.
10. Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 1—2. — М.: Панорама, 1991. — 624 с.
11. Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. — М.: «Терра», 1991. — 604 с.

2.5. Политические сочинения:

1. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. М., 1966—1981. Т. 45 — 729 с.; Т. 54 — 863 с.
2. Сталин И.В. Сочинения: в 13 т. — М.: Гос. изд-во полит. лит., 1946—1954. Т. 11 — 381 с.
3. Троцкий Л.Д. К истории русской революции. — М.: Политиздат, 1990. — 447 с.
4. Троцкий Л.Д. О Ленине: материалы для биографа. — М.: Госиздат, 1924. — 168 с.
5. Троцкий Л.Д. Портреты революционеров. — М.: Московский рабочий, 1991. — 365 с.
6. Троцкий Л.Д. Сталинская школа фальсификаций: Поправки и дополнения к литературе эпигонов. — М.: Наука, 1990. — 336 с.

2.6. Периодическая печать:

1. Бюллетень оппозиции. 1929, 1935. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://web.mit.edu/fjk/www/FI/BO/BO-01.shtml
2. Известия ЦК КПСС. 1989, 1990, 1991.
3. Ленинградская Правда. 1928.
4. Правда. 1923, 1924, 1926, 1927, 1928, 1929.

III. Литература

1. Азаренко В.М. Большевистская печать как инструмент внутрипартийной борьбы (1920—1928 гг.): дис. … канд. ист. наук. Славянск-на-Кубани, 2008.
2. Анфертьев И.А. Деятельность «Союза марксистов-ленинцев». М.Н. Рютин и борьба за власть в 1928—1932 гг.: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2004.
3. Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура: субъективные заметки об истории советского общества. — М.: Политиздат, 1992. — 352 с.

4. Борисенок Е. Феномен советской украинизации. 1920—1930-е годы. — М.: Издательство «Европа», 2006. — 256 с.
5. Бруэ П. Главы из книги «Троцкий» // ЭКО. 1989. № 9. С. 160—174; № 10. С. 102—118; № 11. С. 156—170.
6. Ваганов Ф.М. Правый уклон в ВКП(б) и его разгром (1928—1930). — М.: Политиздат, 1970. — 285 с.
7. Васецкий Н.А. Троцкий: Опыт политической биографии. — М.: Республика, 1992. — 351 с.
8. Ватлин А.Ю. Коминтерн: Идеи, решения, судьбы. — М.: РОССПЭН, 2009. — 374 с.
9. Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. — М.: РОССПЭН, 1995. — 400 с.
10. Воейков М.И. Ленинское наследие: Зиновьев, Сталин, Бухарин или Троцкий? // Альтернативы: теоретический и общественно-политический журнал. 2010. № 1. С. 46—65.
11. Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия: Политический портрет И.В. Сталина: в 2 кн. Кн. 1. —М.: АПН, 1989. — Ч. 1 — 301 с.; Ч. 2. — 331 с.
12. Гайсинский М.Г. Борьба с уклонами от генеральной линии партии. — М—Л.: Госиздат, 1930. — 220 с.
13. Гетти А. Практика сталинизма: Большевики, бояре и неумирающая традиция. — М.: Политическая энциклопедия, 2016. — 374 с.
14. Гимпельсон Е.Г. НЭП и советская политическая система: 20-е годы. — М.: Ин-т рос. истории РАН, 2000. — 437 с.
15. Голанд Ю.М. Кризисы, разрушившие нэп. — М.: МНИИПУ, 1991. — 94 с.
16. Горелов И.Е. Николай Бухарин. — М.: Московский рабочий, 1988. — 282 с.
17. Горинов М.М., Цакунов С.В. Евгений Преображенский: трагедия революционера // Отечественная история. 1992. № 2. С. 72—95.

18. Гусев А.В. Децисты — «пролетарская оппозиция» сталинизму // За справедливость и свободу: Рабочее движение и левые силы против авторитаризма и тоталитаризма: история и современность. — М.: Книжный дом «Либроком», 2014. — 248 с. — С. 53—61.
19. Гусев А.В. Левокоммунистическая оппозиция в СССР в конце 20-х годов // Отечественная история. 1996. № 1. С. 85—103.
20. Данилов В.П. «Бухаринская альтернатива» // Бухарин: человек, политик, ученый / Под общ. ред. В.В. Журавлева. — М.: Политиздат, 1990. — 412 с. — С. 82—129.
21. Девятов С.В. Единовластие в России. Возникновение и становление (1922—1927 гг.). — М.: МГУЛ, 2000. — 412 с.
22. Девятов С.В. История изучения и осмысления процесса зарождения и становления единовластия в Советской России // Историография сталинизма. Сборник статей. — М.: РОССПЭН, 2007. — 478 с. — С. 29—107.
23. Демидов В.В. Дискуссии и внутрипартийная борьба в большевистских организациях Сибири (ноябрь 1919 г. — декабрь 1929 г.). — Новосибирск: Изд-во Сибирского кадрового центра, 1997. — 165 с.
24. Дмитренко С.Л. Борьба КПСС за единство своих рядов. — М.: Политиздат, 1976. — 320 с.
25. Дмитренко С.Л. Ленинский принцип коллективности руководства в деятельности КПСС (1924—1927 гг.). — М.: Изд-во МГУ, 1979. — 236 с.
26. Дойчер И. Троцкий. Безоружный пророк. 1921—1929 гг. — М.: Центрполиграф, 2006. — 495 с.
27. Емельянов Ю.В. Сталин: Путь к власти. — М.: Вече, 2003. — 475 с.
28. Зевелев А.И. Истоки сталинизма. — М.: Высшая школа, 1990. — 110 с.
29. Иванов В.М. Борьба партии против антиленинских течений и групп в период строительства социализма. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. — 132 с.

30. История ВКП(б). Краткий курс. М.: Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда», 1938. — 352 с.
31. Карр Э.Х. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917—1929. — М.: «Интер — Версо», 1990. — 208 с.
32. Каширин С.В. Марксистская историческая наука в условиях внутрипартийной борьбы с правой оппозицией (1928—1934 гг.): дис. … канд. ист. наук. М., 2004.
33. Козер Л. Функции социального конфликта. — М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. — 208 с.
34. Козлов А.И. Сталин: борьба за власть. — Ростов н/Д: Издательство Ростовского университета, 1991. — 416 с.
35. Козлов В.П. Публичность архивов и свобода архивной информации // Советская историография. — М.: РГГУ, 1996. — 592 с. — С. 522—536.
36. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. — СПб.: Лики России, 2012. — 318 с.
37. Кондратьева Т. Большевики-якобинцы и призрак термидора. — М.: Ипол, 1993. — 240 с.
38. Корсаков С.Н. Тверские руководители (1917—1991): партия, Советы, комсомол. — Тверь: ГЕРС, 2002. — 407 с.
39. Котеленец Е.А. В.И. Ленин как предмет исторического исследования. Новейшая историография. — М.: Изд-во РУДН, 1999. — 224 с.
40. Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888—1938. — М.: Прогресс, 1988. — 574 с.
41. Краснов А.В. ЦКК—РКИ в борьбе за социализм (1921—1934 гг.). — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1973. — 569 с.
42. Кружинов В.М. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). — Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2000. — 232 с.
43. Кун М. Бухарин: его друзья и враги. — М.: Республика, 1992. — 480 с.

44. Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917—1932 гг. — М.: РОССПЭН, 2010. — 344 с.
45. Маслов Н.Н. «Краткий курс истории ВКП(б)» — энциклопедия и идеология сталинизма и постсталинизма: 1938—1988 гг. // Советская историография. — М.: РГГУ, 1996. — 592 с. — С. 240—273.
46. Медведев Р.А. О Сталине и сталинизме. — М.: Прогресс, 1990. — 483 с.
47. Надточеев В. «Триумвират» или «семерка»? Из истории внутрипартийной борьбы в 1924—1925 годах // Трудные вопросы истории: Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты. — М.: Политиздат, 1991. — 272 с. — С. 61—72.
48. Назаров О.Г. Борьба за лидерство в РКП(б) и ее влияние на создание номенклатурной системы в 20-е годы: дис. … докт. ист. наук. М., 2001.
49. Назаров О.Г. Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. — М.: ИВИ РАН, 2002. — 204 с.
50. Наумов В.П. 1923 год: судьба ленинской альтернативы // Коммунист. 1991. № 5. С. 31—42.
51. Олех Г.Л. Поворот, которого не было: борьба за внутрипартийную демократию 1919—1924 гг. — Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1992. — 198 с.
52. Павлова И.В. Сталинизм: становление механизма власти. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993. — 230 с.
53. Павлюченков С.А. «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917—1929. — М.: Собрание, 2008. — 463 с.
54. Пайпс Р. Россия при большевиках. — М.: РОССПЭН, 1997. — 670 с.
55. Панин Е.Л. Оппозиция в партии большевиков в 1925—1926 гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 2002.
56. Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919—1927). — М.: ИД «Муравей-Гайд», 2001. — 456 с.

57. Пирани С. Русская революция в отступлении. — М.: Новый хронограф, 2013. — 480 с.
58. Писаренко К.А. Тридцатилетняя война в Политбюро. — М.: Вече, 2006. — 349 с.
59. Реабилитация. Политические процессы 30—50-х годов / Под общ. ред. А.Н. Яковлева. — М.: Политиздат, 1991. — 461 с.
60. Резник А.В. Левая оппозиция в РКП(б) в 1923—1924 гг.: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2014.
61. Резник А. Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП(б), 1923—1924 годы. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. — 382 с.
62. Роговин В.З. Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд через годы. М.: ТЕРРА, 1992. — 400 с.
63. Роговин В.З. Власть и оппозиции. М.: Товарищество «Журнал "Театр"», 1993. — 398 с.
64. Рыженко Ф.Д., Угрюмов А.Л. Ленинская партия в борьбе с троцкизмом (1903—1927 гг.). — М.: Высшая школа, 1969. — 178 с.
65. Сахаров В.А. На распутье: дискуссия по вопросам перспектив и путей развития советского общества (1921—1929). — М.: Аква-Терм, 2012. — 331 с.
66. Сахаров В.А. «Политическое завещание» Ленина: реальность истории и мифы политики. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. — 717 с.
67. Санду Т.А. «Рабочая оппозиция» в РКП(б) (1919—1923 гг.): дис. … канд. ист. наук. Тюмень, 2006.
68. Сенокосов Ю. Власть как проблема. Опыт философского рассмотрения. — М.: Московская школа политических исследований, 2005. — 184 с.
69. Скоркин К.В. Обречены проиграть (Власть и оппозиция 1922—1934). — М.: ВивидАрт, 2011. — 896 с.

70. Симонов Н.С. Термидор, брюмер или фрюктидор. Эволюция сталинского режима власти: прогнозы и реальность // Отечественная история. 1993. № 4. С. 3—18.

71. Старков Б.А. Дело Рютина // Они не молчали. — М.: Политиздат, 1991. — 446 с. — С. 145—177.

72. Старцев В.И. От «необъятной власти» к единовластию в партии (1922—1929 гг.) // Политическое образование. 1989. № 11. С. 66—75.

73. Такер Р. Сталин: Путь к власти. 1879—1929. История и личность. — М.: Прогресс, 1990. — 480 с.

74. Тархова Н.С. Красная армия и сталинская коллективизация. 1928—1933 гг. — М.: РОССПЭН, 2010. — 375 с.

75. Тетюшев В.И. Борьба партии за генеральную линию против правого уклона в ВКП(б) в период между XV и XVI съездами // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1961. № 3. С. 3—25.

76. Титов А.Г., Смирнов А.М., Шалагин К.Д. Борьба Коммунистической партии с антиленинскими группами и течениями в послеоктябрьский период (1917—1934 гг.). — М.: Высшая школа, 1974. — 359 с.

77. Фельдман Д.М. Терминология власти: советские политические термины в историко-культурном контексте. — М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2006. — 486 с.

78. Фельштинский Ю.Г. Два эпизода из истории внутрипартийной борьбы: конфиденциальные беседы Бухарина // Вопросы истории. 1991. № 2—3. С. 182—198.

79. Фельштинский Ю.Г. Разговоры с Бухариным. Комментарий к воспоминаниям А.М. Лариной (Бухариной) «Незабываемое» с приложениями. — Нью-Йорк: Телекс, 1991. — 145 с.

80. Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И. Лев Троцкий. Книга третья. Оппозиционер. 1923—1929 гг. — М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2013. — 464 с.

81. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. — М.: РОССПЭН, 2008. — 336 с.
82. Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. — М.: РОССПЭН, 1996. — 304 с.
83. Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. — М.: РОССПЭН, 2010. — 479 с.
84. Хлевнюк О. Сталин. Жизнь одного вождя: биография. — М.: АСТ, 2015. — 464 с.
85. Хлевнюк О.В. Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в Политбюро в 30-е годы. — М.: ИЦ «Россия молодая», 1993. — 144 с.
86. Цакунов С.В. В лабиринте доктрины: Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы. — М.: Россия молодая, 1994. — 186 с.
87. Чернявский Г.И. Лев Троцкий. — М.: Молодая гвардия, 2010. — 665 с.
88. Черняков С.Ф. Внутрипартийная борьба в ВКП(б). 1923—1927 гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 2000.
89. Шапиро Л. Коммунистическая партия Советского Союза. — Firenze: Edizioni Aurora, 1975. — 933 с.
90. Шарабаров П.Н. «Правый уклон» в социально-политической жизни Вятского региона в 1928—1933 гг.: дис. … канд. ист. наук. Киров, 2010.
91. Шубин А.В. Вожди и заговорщики: политическая борьба в СССР в 1920—1930-х годах. — М.: Вече, 2004. — 400 с.
92. Якушев С.В. Из истории создания партийных архивов в СССР // Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 50—65.
93. Arendt H. The Origins of Totalitarianism. — N.Y.: Harcourt, Brace & Co., 1951. — 477 p.
94. Broue P. The Political Struggles in Russia (1921—1929). — London: J. Archer, 1987. — 123 p.

95. Brzezinski Z. The Permanent Purge: Politics in Soviet Totalitarianism. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1956. — 256 p.

96. Carr E.H. The Russian Revolution: From Lenin to Stalin (1917—1929). — London: Macmillan, 1979. — 200 p.

97. Clark W.A. The Ryutin Affair and the Terrorism Narrative of The Purges // Russian History. Vol. 42 (2015). P. 377—424.

98. Cohen S.F. Bukharin and the Bolshevik Revolution: A Political Biography, 1888—1938. — N.Y.: Knopf, 1973. — 495 p.

99. Daniels R.V. The Conscience of the Revolution. Communist opposition in Soviet Russia. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1960. — 456 p.

100. David-Fox M. Memory, Archives, Politics: The Rise of Stalin in Avtorkhanov's Technology of Power // Slavic Review. Vol. 54. No. 4 (Winter 1995). P. 988—1003.

101. Deutscher I. The Prophet Unarmed. Trotsky: 1921—1929. — London: Oxford University Press, 1959. — 490 p.

102. Friedrich C.J., Brzhezinski Z. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. — Cambridge, Mass., 1956. — 346 p.

103. Halfin I. Intimate Enemies. Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918—1928. — Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2007. — 413 p.

104. Khlevniuk O. Stalin, Syrtsov, Lominadze: Preparation for the «Second Great Breakthrough» // The lost Politburo transcripts: From collective rule to Stalin's dictatorship / edited by Paul R. Gregory and Norman Naimark. — New Haven; London: Yale University Press, 2008. — 271 p. — P. 78—96.

105. Kotkin S. Stalin. Volume I: Paradoxes of Power, 1878—1928. — N.Y.: Penguin Press, 2014. — 976 p.

106. Naimark N. Findings and perspectives // The lost Politburo transcripts: From collective rule to Stalin's dictatorship / edited by Paul R. Gregory and

Norman Naimark. — New Haven; London: Yale University Press, 2008. — 271 p. — P. 3—15.

107. Nove A. Was Stalin really necessary? // Encounter. 1962. Vol. XVIII. № 4. P. 86—92.

108. Rees E.A. Stalin as Leader 1924—1937: From Oligarch to Dictator // The Nature of Stalin's Dictatorship. The Politburo, 1924—1953 / edited by E.A. Rees. — N.Y.: Palgrave Macmillan, 2004. — 267 p. — P. 19—58.

109. Service R. Stalin: a biography. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2005. — 715 p.

110. Toker L. Making the Unthinkable Thinkable: Language Microhistory of Politburo Meetings // The lost Politburo transcripts: From collective rule to Stalin's dictatorship / edited by Gregory P.R., Naimark N. — New Haven; London: Yale University Press, 2008. — 271 p. — P. 135—164.

111. Tucker R.C. Stalin as Revolutionary, 1879—1929: A Study in History and Personality. — N.Y.: Norton, 1973. — 519 p.

112. Ulam A.B. The man and his era. N.Y.: Viking Press, 1973. — 760 p.

113. Vatlin A. "Class Brothers Unite!" The British General Strike and the Formation of the "United Opposition" // The lost Politburo transcripts: From collective rule to Stalin's dictatorship / edited by Gregory P.R., Naimark N. — New Haven; London: Yale University Press, 2008. — 271 p. — P. 57—77.

114. Wynn C. The Right Opposition and the Smirnov—Eismont—Tolmachev Affair // The lost Politburo transcripts: From collective rule to Stalin's dictatorship / edited by Gregory P.R., Naimark N. — New Haven; London: Yale University Press, 2008. — 271 p. — P. 97—117.